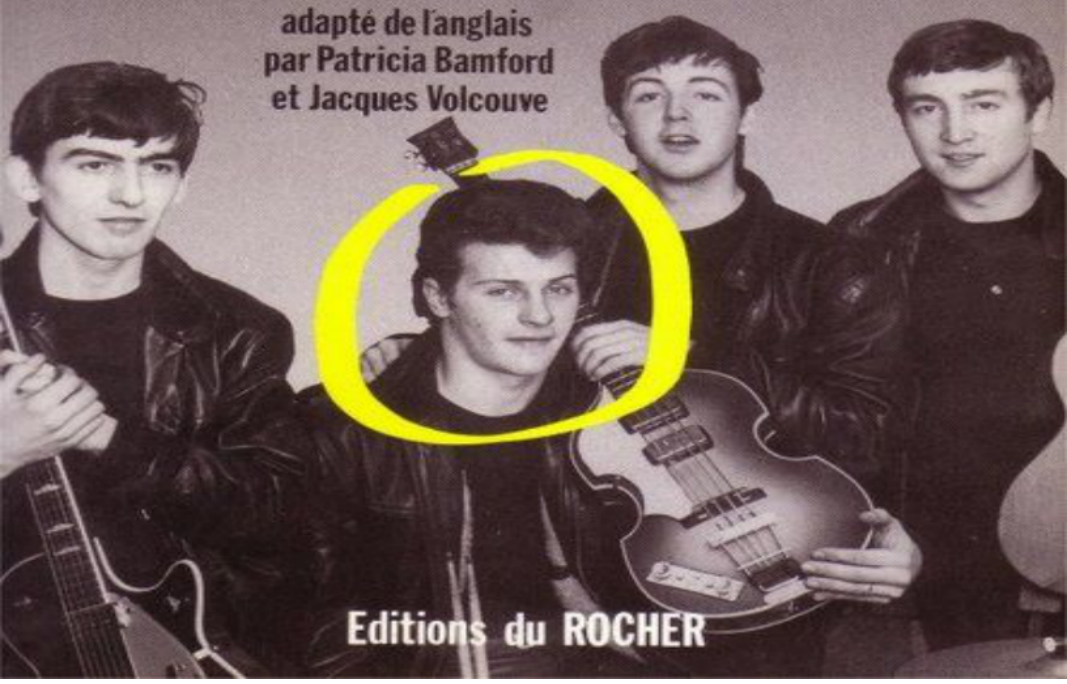
JOHN LENNON LES BEATLES ET... MOI

PETE BEST / PATRICK DONCASTER

adapté de l'anglais
par Patricia Bamford
et Jacques Volcouve



Editions du ROCHER

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 1963 году своими двумя первыми синглами БИТЛЗ вызвали небывалую бурю в музыкальном мире и навсегда изменили популярную музыку. Но и сегодня еще немного людей знают о том, что знаменитая группа четырех парней из Ливерпуля — Джон, Пол, Джордж и Ринго — завоевывала свою репутацию вплоть до августа 1962 года как ансамбль Джон, Пол, Джордж и… Пит. С лета 1960 года Пит Бест был барабанщиком группы. Он сопровождал группу в течение двух лет, пока она набиралась опыта, открывшего ей путь к славе. Тем не менее для Пита дорога внезапно оборвалась, когда в 1962 году, на пороге всемирного триумфа группы, он был отстранен от работы без видимой причины.

Пит Бест хранил молчание больше двадцати лет, чтобы первым из БИТЛЗ рассказать историю тех безденежных лет. Пит повстречал Джона, Пола и Джорджа в конце 50-х годов, когда молодежь всего Мерсисайда создавала свои собственные рок-группы, в те времена, когда с БИТЛЗ первый раз в качестве «звезд» был заключен контракт на выступления в ночных заведениях Гамбурга.

В этой автобиографии он описывает повседневность тех ушедших лет, вкус первого успеха, непередаваемую историю его «увольнения», последовавшую за ним депрессию, свою попытку самоубийства и наконец свои напрасные усилия остаться в шоу-бизнесе. Пит Бест без колебания обратился к своей собственной коллекции, чтобы проиллюстрировать историю Джона, Пола, Джорджа и… Пита.

Это — искренний и трогательный рассказ, имеющая преимущественное право точка зрения на путь самой великой группы в истории рока.

- Пит Бест, Патрик Донкастер
  - 1. Пойдем со мной в «Касбу»!
  - 2. Деляйт шоу!
  - 3. Как все взять, ни за что не платя
  - 4. Много шороху и большие бабки
  - 5. Гамбургский крах
  - 6. Возвращение в «Касбу» и снова отъезд
  - 7. Битлз набирают обороты
  - 8. Джон, Пол, Джордж и Пит
  - 9. Артисты из «Каверны»
  - 10. На сцене появляется мистер Эпстайн

- 11. Праздники и несчастья
- 12. «Звезды» в клубе «Звезда»
- 13. Бомба
- 14. Цена боя
- 15. Путешествие среди теней
- Благодарность

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

Пит Бест, Патрик Донкастер Джон Леннон, Битлз и… я /Автобиография Пита Беста, или История одного из БИТЛЗ, не достигшего успеха/

Посвящается настоящему другу, Пату

Пату Донкастеру, настоящему другу, трагически погибшему в марте 1984 года и не увидевшему завершения этого произведения, я посвящаю эту книгу. Пат был настоящим джентльменом, — добрым, сердечным и чудесным человеком, без его помощи, его терпения и его упорной работы эта книга никогда бы не увидела свет. Все, что я хочу сказать в надежде, что мои слова верно передадут мои сокровенные мысли, это… Спасибо, Пат, за все.

1. Пойдем со мной в «Касбу»!

Хэйменс Грин — это тихая улица в пригороде Ливерпуля, в районе Вест-Дерби, приблизительно в 6 км от бурлящего делового квартала в центре города с его отелями, супермаркетами и гостиными галереями.

Улица обсажена высокими деревьями, и летними вечерами они отбрасывают красивые длинные тени на те несколько домов и павильонов, которые там расположены. Дом № 8 — один из них: большой, серый, в викторианском стиле, в 15 комнат. Он был когда-то моим домом, и моя мать прожила там до самой своей смерти в сентябре 1988 года. Роуг, мой второй брат, все еще живет там. Он родился в том самом году, которому суждено было остаться в истории: в 1962-м. В этом доме на Хэйменс Грин я и увидел впервые троих доверчивых подростков: Джона Леннона, Пола МакКартни и Джорджа Харрисона. Они стали моими самыми близкими друзьями, и вместе с ними я провел почти три года, которые невозможно забыть.

До того как впервые появиться в моей жизни, они представляли собой группу маленьких дилетантов, называвшуюся «Куорри Мен», которые собрались вместе, поддавшись непреодолимому желанию играть рок'н'ролл, что привело к созданию БИТЛЗ в 1960 году (со мной в качестве ударника).

Дом № 8 стал вторым родным домом для всех, особенно для Джона, и там началась наша дружба, продлившаяся 4 года.

Это «родовое гнездо» стало местом действия многих достаточно необычных событий, которые случились благодаря тому, что огромный подвал, расположенный в недрах большого старого дома, был полон углов и закоулков. Именно он стал клубом «Касба», начинавшим как настоящий притон, но который стал впоследствии излюбленным местом сбора ливерпульской молодежи конца пятидесятых годов.

Я и мой брат, оба мы родились в Индии во время войны. Джон Бест, мой отец, был хорошо известным в Ливерпуле любителем бокса, точно так же, как до него — его отец. Как до, так и после второй Мировой войны встречи по боксу, устраивавшиеся моим отцом, собирали такие громкие имена, как Томми Фарр, Фредди Миллз, Ли Сэйволд, Флойд Пэтерсон и братьев Рэндольфа и Дика Турпин. Когда началась война, отца призвали в Индию в качестве инструктора по физической подготовке, и там он позднее продвинулся по службе. В Дели он встретил мою мать, и они поженились. Моя мать была родом из местной английской семьи и работала там же в Красном кресте. Я

родился в Мадрасе 24 ноября 1941 года. Меня крестили Рэндольфом Питером.

Мою мать звали Моной; помнится, лет с одиннадцати я начал называть ее «Мо».[1] Вскоре она для всех стала Мо. Это была маленькая потрясающая, чудная женщина, которая помогла мне выбрать свой собственный жизненный путь и которая всегда была рядом со мной, была моей опорой, подбадривала и поддерживала меня в хорошие и в трудные времена.

В самом конце войны мы все возвратились в Великобританию на борту корабля «Георгик». Среди пассажиров находились генерал (будущий маршал) Сэр Уильям Слим, победитель при Бирме, и части 14-й армейской дивизии, знаменитые «Шиндиты». Мы прибыли в Ливерпуль к новому, 1945-му, году. Это было незабываемое путешествие, корабль крутило в волнах 10-балльной силы. Мой брат Рори, родившийся в 1944 году, начал ходить. Поскольку он прошел очень много для своего возраста, вцепившись в меня, я прозвал его «морским пехотинцем».

По приезде домой в Мерсисайд папа опять вернулся на ринг, чтобы организовывать новые великие бои. В течение двух первых лет мы жили в городской квартире на Кэйзи Стрит, но нашим первым настоящим домом стала новая постройка в Вест-Дерби. Это было наше последнее переселение, перед тем как мы обосновались на Хэйменс Грин, где дом № 8 располагался в глубине улицы за солидной стеной.

Мальчиком я сменил несколько школ, прежде чем поступить в Ливерпульский колледжиат на Шоу Стрит. В пятнадцать лет я получил аттестат о среднем образовании и подумывал о том, чтобы продолжить обучение. Я полагал, что высшее образование как нельзя лучше сочетается с положением семьи из среднего класса. Все это было так до тех пор, пока не появилась «Касба».

Мне было около шестнадцати, когда возникла эта идея. Все начиналось вполне банально, в то время как я снова очутился в школе. Как большинство ребят, я часто возвращался домой в сопровождении приятелей, и в то время все наши интересы вертелись вокруг зарождающегося мира поп-музыки. Она возникла в середине пятидесятых, и стала настоящей революцией молодежи всего мира, и особенно Великобритании, благодаря скиффлу и рок'н'роллу. Во всех странах тысячи молодых людей создавали группы в три-четыре человека, чтобы попробовать играть свою собственную музыку с неизменными гитарами, купленными за гроши, и часто еще со случайными инструментами вроде стиральных досок и коробок из-под чая; в качестве грифа к ним приделывали ручку от швабры с веревкой, которую отчаянно щипали, безуспешно пытаясь извлечь из нее

звуки контрабаса.

Нашими первыми идолами были Билл Хэйли с его завитой прядью волос, спускавшейся на лоб, которому аккомпанировали веселые молодцы «Кометс», Лонни Донеган, чисто британская продукция, и, конечно, Элвис Пресли. Мы, в Ливерпуле, предпочитали скорее более оригинальных артистов — таких, как Чак Берри и Литтл Ричард, которые по большей части выдавали рок фантастической глубины. Однако я очень любил и новых исполнителей — Джерри Ли Льюиса, Карла Перкинса, Дьюэна Эдди, так же как и Джина Винсента и зажигательного Эдди Кокрэна. Я успел увидеть их обоих на концерте в Ливерпуле как раз перед дорожной катастрофой, оборвавшей жизнь Эдди в 1960-м году по дороге в лондонский аэропорт, — в самом конце его британских гастролей.

Мы с приятелями возвращались из школы бегом, чтобы послушать диски, и Мо в своей безграничной мудрости решила, что подвал будет лучшим местом для банды мальчишек, которые хотели пошуметь, — в доме № 8 по Хэйменс Грин все от нас глохли. Этот подвал состоял из семи сообщающихся помещений. Логично, что он привлекал не только одну нашу компанию, которая отправлялась туда как в тинэйджерский рай, лазейку из мира взрослых, осуждавших рок'н'ролл, предпочитая ему более «серьезных» исполнителей баллад, вроде Перри Комо и Гая Митчелла или Дорис Дэй и Розмари Клуни.

И вот, у Мо возникла грандиозная идея. Почему бы не превратить этот подвал в клуб? Наподобие тех кафе в Лондонском Сохо, о которых она слышала, будто будущие рокеры стекаются туда изо всех уголков страны. Он стал бы просто местом встреч молодежи из центра Ливерпуля, не говоря уж о близлежащих предместьях. Это был прямо-таки подарок небес, и мы все приняли его с энтузиазмом.

Мо вспоминает об этих днях:

— В то время мой дом стал похож на вокзал, — говорит она, — вечно кто-то приходил. Моей первой мыслью было сделать маленький клуб, предназначенный исключительно для Питера и его друзей, чтобы положить конец их хождениям туда-сюда по дому. Но человек предполагает, а Бог располагает, и через несколько дней молодые люди, по большей части незнакомые, стали стучаться в дверь и просить зачислить их в члены клуба. Еще не бывало такого ажиотажа вокруг клуба, который даже не успел открыться.

Мало-помалу идея и энтузиазм приобретали размах. Вскоре результатом гениального замысла Мо явился клуб в две тысячи членов, но всем нам, включая снующих по дому друзей, пришлось

работать в поте лица в течение примерно 6 месяцев, прежде чем мы смогли наконец открыть двери нетерпеливым молодым людям, горевшим желанием прийти.

Нужно было сломать стены, нанести литры краски, сколотить бар и мебель и установить музыкальный автомат.

Вот как Мо говорила об этом:

— Я никогда раньше не занималась такими делами, никогда не бывала в барах Сохо, и, конечно, никогда не предполагала, что эта затея приобретет такую важность. Все работы выполнялись друзьями Питера на добровольных началах. Их было приблизительно с десяток; начинали после обеда и не возвращались до половины десятого вечера. В выходные они прерывались только для того, чтобы поесть, и я их поила чаем или кофе, — кто что хотел. Они были просто великолепны. Отец Питера подбадривал меня: «Если ты решила сделать клуб, — делай.» Он с самого начала верил в мою затею. Ни разу в течение этих шести напряженных месяцев я не пожалела о той громадной работе, которую пришлось проделать, чтобы превратить часть моего дома в молодежный клуб. Там царила атмосфера радости и счастья.

(Некоторые из участников создания «Касбы», сами родители сегодня, иногда наведываются к нам — поболтать о старых добрых временах).

Работы в подвале были почти закончены, гостиная первого этажа превратилась в раздевалку, женский и мужской туалеты тоже не забыли. Мо взвалила на себя организацию ресторана. И к дате открытия, назначенной на одну из суббот сентября 1958 года и приближавшейся семимильными шагами, нам оставалось только две вещи, чтобы наконец решить нашу задачу, но эти вещи были главными… Название клуба и группа, которая будет играть на торжественном открытии.

Именно Мо придумала название клуба после того, как несколько были отклонены.

— Почему бы не назвать его «Касба»? — сказала она. — Вы знаете песню «Пойдем со мной в Касбу!». Она прославилась как лейтмотив голливудского фильма 1938 года, снятого Джоном Кромвелем, который назывался «Алжир/Касба», с Шарлем Буайе в главной роли.

В действительности тот никогда не произносил этой фразы в фильме. «Как я мог это говорить, — комментировал он несколько лет спустя, — когда я уже был в Касбе?!» Но легенда оказалась живучей, так же как и та, которая вкладывает в уста Ингрид Бергман в «Касабланке» слова «Сыграй это снова, Сэм!». Но какая, в конце концов, разница!..

Затея привлекла молодежь в нашу «Касбу». Однако последний пункт задачи оказался действительно головоломным. Группы росли по всему Мерсисайду, как грибы, но трудность заключалась в том, чтобы выбрать подходящую.

Рут Моррисон, наша общая знакомая, которая принимала участие в создании клуба и пожертвовала средства на обустройство «Касбы», подсказала имя Кена Брауна, ее друга, который, может быть, смог бы нам помочь.

Они познакомились в одном из молодежных клубов Вест-Дерби, называвшемся «Лоулэндс», где она встретила его приятеля, некоего Джорджа Харрисона, — тот играл время от времени с группой под названием «Куорри Мен», о которой ей говорили, что она «совсем не плоха».

По-видимому, Джон Леннон создал «Куорри Мен» в шестнадцать с половиной лет,[2] — еще когда учился в Куоррибэнк Хай Скул. Пол МакКартни и Джордж Харрисон присоединились к группе позднее, а Кен Браун был всего лишь случайным человеком. Первоначальный вариант включал «чайный бас», который потом был отставлен, и теперь «Куорри Мен» несколько не дотягивали до нормального состава, тем более что у них не было барабанщика. Тем не менее Кен Браун был уверен, что группа нас заинтересует.

Первый раз он пришел на Хэйменс Грин в сопровождении Джорджа Харрисона, тащившегося сзади. Они нам сказали, что могут составить квартет с «кое-какими приятелями». Речь, естественно, шла о Ленноне с МакКартни.

Остальная часть группы явилась в «Касбу» за несколько дней до открытия. Джон сразу же производил впечатление лидера всей своей повадкой. Он выглядел раскованно и артистично, одетый в строгое сочетание черного с белым: поношенные белые брюки обтягивали его длинные ноги, как вторая кожа, черная куртка, черная рубашка, и завершали все это закрытые спортивные туфли, черные с белым.

Все члены «Куорри Мен» зачесывали волосы назад, по моде рокеров, подражавших Элвису или Тони Кэртису, с обязательными бакенбардами. Они были очень короткими по сегодняшним меркам, но у Джона, само собой, гораздо длиннее, чем у остальных.

Девушка со светлыми волосами и бледной кожей сопровождала группу. Она была нам представлена как Син — Синтия Пауэлл, которую Джон встретил в Ливерпульском художественном колледже, и на которой женился несколько лет спустя. Ко времени этого вечера в «Касбе» они были знакомы совсем недолго и только что решили появляться вместе.

Сначала Джон оставался равнодушным, щуря свои близорукие глаза из-за очков модели «госбезопасность». Но по прошествии пяти минут созерцания хаоса, предшествовавшего открытию «Касбы», у него уже появились собственные идеи, тогда как Пол и Джордж довольствовались вторыми ролями, молча соглашаясь.

Средняя комната, которая была больше всех остальных, за исключением бара, должна была стать местом главного представления; там же нужно было поставить музыкальный автомат.

— Мы будем играть здесь, — сказал Джон, указывая на место, где надлежало поместиться «Куорри Мен», — как раз перед автоматом.

Так и решили.

Тем временем мы еще не закончили работу и не могли остановиться даже чтобы послушать группу; слишком занятые, мы попросили их приложить свои усилия, чтобы «Касба» успела открыться вовремя; другими словами, если они отрывались от работы хоть на минуту, их толкали под руку.

Мо своим обычным, не терпящим возражений, тоном приказала Джону заняться белым потолком, который теперь нужно было покрыть черной *матовой* краской. Он согласился на это не прежде, чем преподнес нам несколько своих, выполненных в черном, рисунков: мужчины и женщины из числа его гротескных персонажей с животами в два пупка и ногами в три пальца, — всегда только с тремя пальцами! Затем они исчезли, чтобы никогда больше не появиться, под слоем черной *блестящей* краски.

Из-за своей близорукости Джон перепутал банки, и нам стоило около 50 фунтов исправить его ошибку.

— Мне очень жаль, — говорил он сокрушенно, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь свои очки, испачканные черной краской.

«Тем хуже, — подумали мы, — *никто не совершенен*!»

У нас была уже 1000 членов, оплативших взносы еще до открытия. Удивительная цифра, если принять во внимание, что «Касба» была без особых претензий — в общем, не слишком шикарна. Взнос составлял полфунта в год плюс один шиллинг за право вступления в члены клуба.

По мере того как приближалось торжественное открытие, напряжение возрастало. Двери должны были распахнуться в 19–30 вечера этой субботой, а «Куорри Мен» — быть готовыми играть к 20–00. Они отнеслись к своему контракту очень серьезно и пришли на Хэйменс Грин к 16–30, чтобы избежать всяческих

неожиданностей.

В этот вечер перед домом разыгрались фантастические сцены среди сотни членов клуба, выстроившихся в очередь ради ТАКОЙ грандиозной вечеринки, о которой они должны были прочесть в первом номере «Мерси Бит», раззвонившей о ней на весь свет.

Мо поместилась за столиком в качестве продавщицы билетов. Кофе, кока-кола, хот-доги и чипсы продавались в помещении, превращенном в кафетерий со столами и стульями, расставленными по сторонам камина и светильников.

Краска еще не совсем высохла, но это никого не смущало. Была музыка, веселье и смех, и это было главным. Я не мог поверить, что все это происходит в моем собственном доме!

Очень скоро «Касба» начала жужжать тем новым мерсийским звуком, который раздавался каждый вечер во всех уголках Ливерпуля, — от гостиных и столовых до маленьких кружков и самых задрипаных клубов и концертных залов — практически повсюду, где могла собраться горстка молодежи, чтобы пошуметь в свое удовольствие с риском вызвать неудовольствие у всех остальных.

В те времена «Каверна», небольшой клуб, располагавшийся в центре города, на Мэтью Стрит, не была еще меккой рока. Она была твердыней традиционного джаза, особенно стиля «Нью-Орлеан», который представляли такие британские знаменитости, как Эккер Билк, Кенни Болл и Боб Уоллис со своими «Сторивилл Джазмен».

В нашем подвале «Куорри Мен» совершенствовались в игре в течение многих недель, и мало-помалу это место стало основной площадкой «Мерси Саунда». Среди тех, кто посещал «Касбу» были «Джерри энд Песмейкерс», девушка по имени Присцилла Уайт, ставшая позже знаменитой под псевдонимом Силла Блэк, и «Рори Сторм энд Хэррикейнз», бывшие в то время самой популярной группой в Ливерпуле. Ее гордостью был парень-ударник, прозывавшийся Ринго Старром. В то время мы с Ринго были едва знакомы, изредка обмениваясь приветствиями при встрече, но очень быстро подружились. Рори, ростом в 1.90, в вышитой золотом куртке, был известен как «Мистер Шоу-бизнес» благодаря своей яркой индивидуальности, и был гвоздем программы; я безумно восторгался его манерой держаться на сцене. Когда Силла Блэк впервые пришла в «Касбу», она была всего-навсего его поклонницей. Иногда Рори пускал ее к микрофону, чтобы спеть какую-нибудь песню в дуэте с ним. Обычно это было что-нибудь грандиозное, — классика, вроде «Summertime» Гершвина.

Я стал ударником в какой-то степени благодаря «Куорри Мен».

Однажды вечером Кен Браун, который к тому времени все еще поигрывал на гитаре с Ленноном, МакКартни и Харрисоном, заболел и оказался недостаточно в форме, чтобы им аккомпанировать.

Но когда пришло время выплаты гонорара, Мо, тем не менее, посчитала и его часть. В итоге Джон, Пол и Джордж получили от нее по 15 шиллингов каждый. Рассерженные, они начали энергично возражать против уплаты Кену его части.

— Он не играл, значит, незачем ему и платить, — говорили они недовольно.

Мо ничего не желала слушать. Она удержала 15 шиллингов Кена, чтобы выплатить их ему позднее. Мо вспоминала незадолго до своей смерти:

— В те времена они были способны перегрызться из-за ломаного гроша и настаивали на том, чтобы им выплачивался их гонорар с точностью до пенни. Ни о каком переносе расчета на следующий раз под предлогом «отсутствия денег» не могло быть и речи.

Этот инцидент вынудил Кена оставить «Куорри Мен». Их самолюбие было уязвлено, и они некоторое время бойкотировали «Касбу».

Это, между тем, не доставило нам никаких проблем, поскольку в запасе всегда имелась группа, готовая прийти на смену.

Время от времени внизу, в клубе, я терзал барабанную установку. Уже несколько лет меня привлекали ударные. Каждый раз, когда у нас дома или по радио крутили какой-нибудь диск, я отбивал ритм на ручке кресла или на столе сначала пальцами и карандашами, а затем и настоящими палочками.

Я видел в кино Джина Крупу, восхищался его талантом джазового барабанщика и с тех пор был буквально околдован ударными, особенно с того времени, как «Касба» развернулась вовсю.

После эпизода с 15-ю шиллингами Кен Браун пришел поговорить со мной об одной идее, которой предстояло перевернуть всю мою жизнь.

— Почему бы нам не создать свою собственную группу, Пит? — внушал он мне, подстрекаемый и возбужденный желанием снова занять свое место в шоу-бизнесе. — А ты будешь на ударных!

Вот таким образом «Блэкджекс» и появились на свет.

Это была группа, созданная шутки ради, и мы не равняли себя с гораздо более опытными музыкантами, старавшимися стать настоящими профессионалами. Мы тренировались на такой

классике, как «Sweet Little Sixteen» Чака Берри, «Whole Lotta Shakin' Going On» Джерри Ли Льюиса, «Honey Don't» Карла Перкинса и на забойной «Tutti Frutti» Литл Ричарда.

После того как мы сыграли пару раз в «Касбе», публика нас оценила, и начало расти число наших собственных поклонников. Мы добились такого прогресса, что однажды вечером я осмелился бросить вызов самому знаменитому Рори № 1 с его «Ураганами».

— Держу пари на 1 фунт, что на наше выступление в «Касбу» придет больше народу, чем на твое, — бросил я ему.

— Пари принято! — ухмыльнулся Рори.

В одну из суббот, когда играли «Блэкджекс», «Касба» была битком набита. Было душно как в парилке. Фаны были повсюду: они запрудили улицу до самого садика позади дома, точно так же, как и перед домом; они стояли, прижавшись локоть к локтю, везде, где только можно было. Представление было просто фантастическое. Многие приходили и уходили в течение вечера, но все пришедшие составили почти невероятную цифру в 1350 человек. Во время подсчета Рори нанес нам короткий визит, чтобы стать свидетелем этой удивительной сцены. Она произвела на него огромное впечатление, но все же он объявил:

— Нам придется собрать толпу большую, чем эта.

В следующую субботу предстояло играть «Хэррикейнз». Число посетителей не переставало расти в течение всего вечера. К тому времени, когда пора было закрывать паб, 1333 молодых человека заплатили за вход.

— Для такого позднего времени людей маловато, — сказал я Рори во время одного из перерывов.

Но он не собирался так просто сдаваться. Он вышел на улицу, чтобы привлечь прохожих, которым он предлагал 1 шиллинг за то, чтобы они зашли в переполненную баню, которой к тому времени стала «Касба». Бесполезные усилия, — ведь в это время вечера на Хэйменс Грин было мало народу, и после всех уточнений Рори собрал всего 1335 человек, заплативших за вход. Так что фунт стерлингов достался мне.

Все это происходило в атмосфере жизнерадостности. В «Касбе» царило невинное веселье, люди приходили позабавиться, как музыканты, так и молодежь из числа членов клуба.

Среди наиболее счастливых были поставщики кока-колы, — поскольку клуб процветал, они потирали руки, поставляя два раза в неделю от трех до четырех сотен ящиков.

«Касба» была открыта в течение всей недели, но группы выступали только по выходным. На неделе посетители танцевали под диски, прокручивавшиеся на автомате, и все группы последовали примеру Леннона, помещаясь перед проигрывателем

во время исполнения своих номеров.

Завсегдатаи Хеймэнс Грин были очень разными: в основном — тинейджеры, приходившие послушать своих любимых исполнителей на дисках или вживую, но было и значительное число членов клуба более старшего возраста. Их было легко распознать, даже если они выглядели еще молодо. Они приходили всегда после закрытия паба, в конце десятого часа, а часто еще позже. Мало кто из них приезжал на машине, так как улица была захламлена, но некоторые приезжали на мотоциклах.

Соседи были очень недовольны, некоторые приходили бросить взгляд на клуб, но большинство выносило заключение, что это — прекрасное, уютное место для молодежи.

Мо пребывала в уверенности, что нам незачем опасаться неприятностей и нанимать вышибал, способных защитить нас в случае угрозы.

Как бы там ни было, но мне жизнь доставляла только удовольствие. С тех пор, как клуб открылся, и его популярность стала расти, у меня вошло в привычку торопиться по пути из школы и как можно быстрее заканчивать уроки, чтобы быть готовым к моменту открытия «Касбы» в 19–30, все равно, играл я с «Блэкджекс» или нет.

К концу этого, 1958-го, года «Куорри Мен» решили перестать играть и самораспуститься, но они вновь собрались в следующем году под названием «Джонни (в смысле, Леннон) и Мундогз (Лунные собаки)». Они и в самом деле работали как проклятые, играя в маленьких концертных зальчиках или на танцевальных вечеринках, чтобы где-нибудь наконец эта сумасшедшая гонка окончилась успехом. Они продолжали придумывать группе все новые и новые названия. И только в 1960 году впервые появилось слово «BEATLES». Они еще обдумывали название «Длинный Джон и Серебряные Жуки» («Long John & The Silver Beatles»), но решили оставить только вторую часть, и в качестве «Silver Beatles» появились на прослушивании у знаменитого импресарио Ларри Парнса.

Прослушивание им устроил владелец клуба и организатор турне по имени Аллан Уильямс.

Это был маленький коренастый валлиец с вьющимися волосами и румяными, как яблоки, щеками, обладавший хорошо подвешанным языком, вполне способным убеждать.

Ларри Парнс был очень влиятельным человеком в индустрии британской поп-музыки.

Он похвалялся тем, что в его стойле были такие, собиравшие толпы, артисты, как Томми Стил, Марти Уайлд, Билли Фьюри и Джорджи Фэйм. Парнс вернулся в Ливерпуль чтобы подыскать

группу, которая должна была аккомпанировать Билли Фьюри (тоже ливерпульцу), и еще одному певцу по прозванию Джонни Джентл, коренному уроженцу Мерсисайда, с которым он только что подписал контракт. Юный морячок девятнадцати лет, тот распевал песенки для пассажиров шикарного океанского лайнера, бряцая на гитаре, которую смастерил собственными руками.

Ко времени прослушивания у «Силвер Битлз» был полупрофессиональный ударник по имени Томми Мур, мужчина лет тридцати, который выступал с ними время от времени еще в период «Мундогз». Но он опоздал на прослушивание, и в последний момент его заменил некий Джонни Хатчинсон, который вынужден был играть без предварительной репетиции. Он был известен как Джонни Хатч и играл в другой ливерпульской группе. Но он согласился ради такого случая поиграть с «Силвер Битлз», ведь без ударника у них не было ни малейшего шанса на успех.

Парнс объявил, что на него не произвели впечатления ни ударник, ни маленький бородач в черных очках, который, казалось, в продолжение прослушивания все время хотел повернуться к нему спиной.

Это вполне объяснимо. Нового члена «Силвер Битлз», парня по имени Стьюарт Сатклифф, завербовал Джон, — тот был его другом по художественному колледжу. Так или иначе, Стьюарт не обладал даром игры на гитаре и сознавал это. Но именно он получил денежный приз на конкурсе рисунков, достаточный для того, чтобы, по наущению Джона, купить прекраснейший бас.

Стью, блестящий художник, часто завидовал своим приятелям, выступавшим на сцене, и ему хотелось тоже поучаствовать. Теперь, с бас-гитарой, у него был шанс. Леннон сказал ему, что вместе с остальными быстро научит его азам игры, и после нескольких простых уроков под их многоопытным руководством Стью быстро наверстает упущенное.

Тем не менее, «Силвер Битлз» успешно выдержали прослушивание, и Парнс был настолько снисходителен, что включил Стью в их короткое турне в Экосс в качестве аккомпаниаторов новой звезды — Джонни Джентла.

Томми Мур, теперь поступивший в их распоряжение, был возвращен к барабанной установке, и уселся, как на насест, позади своих ударных.

Пока они были в Экоссе, Аллан Уильямс, как всегда, исхитрившись, заключил контракт, который впервые позволял «Силвер Битлз» уехать из Великобритании и пуститься в более заманчивое путешествие в Гамбург — второй по значению после Берлина немецкий город.

В числе нескольких заведений Аллану Уильямсу принадлежал маленький кафе-бар под названием «Джакаранда» — это был настоящий притон, облюбованный студентами Ливерпульского художественного колледжа, включая Леннона и Сатклиффа, — где «стил-бэнд» из Караиба развлекал иногда клиентов в подвале заведения.

Едва сойдя в порту со своего корабля на берега Мерси, один весьма предприимчивый немецкий моряк пригласил эту группу в гамбургский клуб, сразив наповал бедного Аллана. Когда отголоски шумного успеха, завоеванного караибским бэндом, докатились до Ливерпуля, заинтригованный Аллан отправился в Гамбург в надежде впихнуть и другие группы из Мерсисайда в многочисленные кабаре потрясающего, волнующе порочного квартала Сент-Паули. Он захватил с собой магнитные записи групп, в том числе и «Силвер Битлз» (которые иногда играли в «Джакаранде»), и встретился с владельцами немецких клубов, среди которых был Бруно Кошмайдер, чье имя стало широко известно в связи с рождением БИТЛЗ. Однако записи Аллана были так плохи, что не произвели никакого впечатления на немцев.

По возвращении в Ливерпуль Аллан принялся искать работу для другой местной группы под названием «Дерри и Сеньоры» («Derry & The Seniors»). Он поехал в Лондон, чтобы попытаться устроить им ангажемент в кафе-бар «Ту Айз» («Two I's») в Сохо, который был крошечным центром рок'н'ролла, завоевавшим репутацию интернационального тем, что в нем открыли Томми Стила, и который способствовал карьере Клиффа Ричарда и Адама Фэйта.

Что за необъяснимое стечение обстоятельств? В тот же самый момент поиск новых талантов привел в «Ту Айз» самого Бруно Кошмайдера собственной персоной, горевшего нетерпением увидеть английских рокеров, способных привлечь толпы народа в его гамбургские бары! «Дерри и Сеньоры» прошли прослушивание и, произведя впечатление на Бруно, получили ангажемент в его клуб «Кайзеркеллер».

Их успех в Гамбурге подтолкнул Бруно к поискам других оригинальных музыкантов из Мерсисайда, и не удивительно, что он вернулся к Аллану Уильямсу, для того чтобы тот их ему достал.

Одной из этих групп были БИТЛЗ.

Если у родителей БИТЛЗ и возникли опасения в связи с новостью об их гамбургском ангажементе, то это вовсе не казалось проблемой квартету Леннон — МакКартни — Харрисон — Сатклифф. Они были еще слишком молоды в глазах закона —

никто из них не достиг еще двадцати одного года (совершеннолетие в Великобритании было перенесено на 18 лет только в 1969 году).

Но они были гораздо больше озабочены тем, что до сих пор у них не было постоянного барабанщика. А Томми Мур, как мне объяснили чуть позже, под давлением то ли своей жены, то ли подружки, решительно отклонил их приглашение отправиться вместе с ними в Германию.

Оставшиеся «Куорри Мен» после своего мини-турне в Экосс тихохонько вернулись в «Касбу» за тридцать шиллингов.

Джордж Харрисон неожиданно стал приходить первым, иногда один, иногда со своим братом Питером. Остальные последовали его примеру. Если мне не изменяет память, был июнь, когда все вернулось на свои места, чтобы оставаться там некоторое время; среднее образование было прервано на лето и, как оказалось, навсегда.

Я все еще играл на ударных в «Блэкджекс» в «Касбе» и был теперь гордым обладателем новой барабанной установки, кричаще-голубой с перламутром, которую мне купила Мо. Это были барабаны из настоящей кожи, а не синтетические, как большинство установок в то время. Моя игра на барабанах постоянно совершенствовалась, и, должно быть, произвела впечатление на Леннона, МакКартни и других, потому что в один прекрасный день они позвонили мне домой.

— Как насчет того, чтобы поехать в Гамбург вместе с БИТЛЗ? — вопрошал меня искушающий голос на другом конце провода.

Это был голос Пола МакКартни (удивительно, сразу подумал я, ведь Джон всегда казался мне лидером).

Предложение было заманчивым, просто восхитительным. Опьяняющая атмосфера «Касбы» привила мне вкус к шоу-бизнесу, и первоначальное мое намерение ходить в нормальную школу постепенно рассеялось.

Я приобрел весьма приятный опыт — сидеть за барабанами, отбивать ритм, стараясь при этом еще и петь, и замечать про себя, что твой голос, в конце концов, не так уж и плох. Еще лучше были аплодисменты и девочки, которые, подходя, одаривали тебя восхитительной широкой улыбкой, неописуемой в своей соблазнительности. Я начал подумывать, что образование вряд ли доставит мне удовольствие, подобное этому.

В восемнадцать лет я тоже должен был просить разрешения у родителей, но Мо не собиралась становиться мне поперек дороги. «Касба» была ее идеей, и весь этот музыкальный бум, спровоцированный молодежью и для молодежи, постоянно

окружал ее и не нуждался в объяснениях. Она сама в нем участвовала. Мой отец, который прекрасно сознавал, какие прелести сопровождают шоу-бизнес, тоже не видел особых препятствий для моего отъезда в Германию.

Тем не менее БИТЛЗ (которые теперь отбросили прилагательное «серебряные») не выказали никаких особых восторгов. Сначала я должен был пройти прослушивание в «Уиверн Клаб» Аллана Уильямса — в том самом клубе, который стал потом знаменитым «Голубым Ангелом» («Blue Angel»).

Когда я пришел, Джон Леннон был один. Он сыграл несколько аккордов из «Ramrod», когда наконец пришли Джордж и Стью, которые добавили свои инструменты. Пол, как обычно, пришел самым последним. Собравшись вместе, они начали откалывать номера вроде «Shakin' All Over». Мы поиграли минут двадцать, и в конце концов они все пришли к одному и тому же заключению:

— Ну что ж, Пит, мы тебя берем!

Аллан Уильямс пришел за минуту до этого, и таким образом не присутствовал на этом грандиозном прослушивании.[3]

Вот как я стал пятым битлом. Еще и сегодня фаны сомневаются в терминах, каждый раз когда об этом заходит речь, выдвигая предположение, что Стью был пятым битлом, но, если четко следовать хронологии, он был четвертым.

Перед отбытием к «тевтонцам» были выслушаны обычные в таких случаях наставления и материнские напутствия, вроде: «Побереги себя, позаботься о желудке, не забывай как следует питаться!», но Мо, просто мировая женщина, еще кое-что добавила:

— Гамбург — сумасшедший город, лучше смотри себе под ноги, Питер! Ты, конечно, закончишь свое образование, но оно будет совсем другого рода…

Она узнала не больше половины, и иногда я спрашиваю себя, что было бы, если бы Томми Мур, который вернулся к своей прежней работе кондуктора подъемного крана на бутылочном заводе Гарстона, мог по-настоящему отдать себе отчет в том, какой случай он упускает…

2. Деляйт шоу!

Реактивным самолетам предстояло еще долго ждать, прежде чем БИТЛЗ смогли войти в число их пассажиров. Путь в Гамбург проходил по суше, затем — по морю. Он занял 36 часов неудобства, разочарования и недовольства, оживленных все же случайными припадками смеха, песнями и дурацким балаганом. Я не могу припомнить точного дня отъезда, так как он не фигурирует ни в одной серьезной книге, посвященной БИТЛЗ. Но я отношу его к числам в районе 15–17 августа, отдавая предпочтение 16-му.[4] Два года спустя 16 августа стало самым мрачным днем в моей жизни, и сейчас еще я говорю: «Это случилось двумя годами раньше, день в день». Но в 1960 году в этот день будущее казалось принадлежащим всем нам.

Аллан Уильямс решил самолично нас отвезти в Германию на своем микроавтобусе «Остин» паромом из Харвича до Голландского п-ова. Но БИТЛЗ были не единственными его пассажирами. Список включал их всего десять и был достоин фигурировать в Книге рекордов Гиннесса, так мы были стиснуты во время этого пробега. В автобусе находились: пятеро БИТЛЗ, Аллан и его жена, а также знакомая, затем — один немец, Георг Штернер, полномочный представитель Бруно Кошмайдера, и еще — живописный тип, известный под именем Лорда Вудбайна. Пришлось заехать в Лондон, чтобы разыскать его в жалком кабаке, где он служил. Лорд Вудбайн был приятелем Аллана по одному из похождений в ночном клубе. Это был настоящий индус из Караиба — весельчак, привнесший атмосферу праздника в поездку, которая большинству из нас представлялась сомнительной авантюрой. Он предпочитал марку сигарет «Вудбайн», бывшую очень популярной в то время, — отсюда его прозвище.

Кроме многочисленных пассажиров, транспортировалась еще огромная гора инструментов, которые всегда сопровождают любую группу: гитары, усилители, ударные, не считая личных вещей десяти попутчиков, взгроможденных на крышу микроавтобуса.

С самого начала наше путешествие было бурным и исполненным неожиданностей. Мы должны были получить визы или разрешение на работу в Германии, и, ввиду отсутствия этих документов, начальство Харвичского порта задерживало нас несколько часов, пока Аллан пытался его умаслить. Аллан, настоящий ловкач с даром увиливать от неминуемых неприятностей, хотел убедить власти, что мы — студенты, и

поэтому нескончаемая бумажная волокита совершенно ни к чему. В конце концов он одержал победу, и нас пропустили. Он и сейчас еще рассказывает, как свозил БИТЛЗ «контрабандой» под видом студентов в их первые германские гастроли.

На этом этапе путешествия БИТЛЗ начали думать, что съездят не дальше Харвичского порта. Но, когда наконец нам позволили отплыть в Голландию, в направлении Хоока, хорошее настроение вернулось к нам. Под всеми парусами мы взяли курс на бар, чтобы немного прогуляться и пропустить по кружке пива. Переезд был длинным, и мы спали в баре, на деревянных скамейках или на полу, укрывшись плащами вместо одеял. Ни разу мы не зашли в гостиницу. Голландские таможенники оказались столь же малоуступчивыми, как и их английские коллеги: ушло больше четырех часов на рассказывание тех же басен, что и в Харвиче.

— Но ведь это же студенты! — твердил Аллан.

И опять он взял верх.

Почти все время Аллан вел машину. Когда и в этот раз таможня была оставлена позади, поехали по дороге на Арнхем, где Аллан хотел посмотреть на монумент погибшим в рядах коалиционных войск в одном из знаменитых сражений второй Мировой войны. Монумент представлял собой что-то вроде длинного мраморного гроба, водруженного на этом легендарном месте: «Их имена будут жить вечно». Мы сфотографировались у каждого угла. Эти слова оказались пророчеством, на которое тогда не обратили внимания.

Следующей остановкой после Арнхема был Амстердам, где Джон Леннон дал волю своему таланту «фокусника». Во время наших частых и длинных разговоров в «Касбе» он мне рассказывал о своих «приступах» клептомании.

— Если мне нужна какая-то вещица, — говорил он, — я ее просто спираю.

Когда ему нужно было обновить носки или нижнее белье, он просто-напросто отправлялся в «Вулвортс» или «Маркс и Спенсер», где отоваривался даром.

В этот день на нем была его любимая черная вельветовая куртка — идеальная одежда для карманника, — и мы все впятером устроили нашу первую вылазку. Мы наблюдали Леннона «за работой», когда он свистнул несколько вещей с витрины, и были потрясены ловкостью, с которой он действовал. Похоже, у него был прямо-таки дар. Сами мы воздержались из боязни, что нас застукают, перетрусив еще и потому, что это была наша первая поездка за рубеж. Но Джон держался совершенно непринужденно, казалось, он вполне способен абстрагироваться от устрашающей перспективы провести ночь в подвале

полицейского участка. Он знал, что делал, и демонстрировал нам свои способности. Когда мы присоединились к нему, Джон, как всегда беззаботный, вывернул карманы и показал нам свою добычу. Ошарашивало не столько содержимое трофея, сколько его размеры: две затейливые побрякушки, одна-две гитарные струны, носовые платки и губная гармоника (я не вполне уверен, что это та самая гармошка, на которой он играл в «Love Me Do», но это вполне возможно).

Аллан Уильямс был в ярости.

— Вы все — подонки! — орал он на нас. — Это будет стоить вам того, что вас не выпустят к немцам!

Он хотел, чтобы Леннон вернул после полудня плоды своего труда их настоящим владельцам. Но Джон был не из тех, кто позволяет собой командовать.

В этот день Аллан и сам позабавился на славу, выдав голландцам Лорда Вудбайна за настоящего британского лорда (владеющего землями в Ливерпуле!), и по этому поводу им оказали просто королевский прием.

Наконец, мы снова отправились в дорогу, чтобы сделать последний бросок до Германии; микроавтобус прокладывал себе путь среди тысяч голландских велосипедистов. Германскую границу миновали благополучно. БИТЛЗ, накачанные пивом, провели остаток пути, распевая старые добрые английские песенки и такие обалденные вещи как «Rock Around The Clock», и еще — нашу любимую ливерпульскую балладу «Maggie May»,[5] несколько облагороженную и исполненную в весьма игривой манере. Она отражала наше представление о том, чем может быть Гамбург: мы знали, что это крупный порт, совсем как наш собственный город, с целым кварталом ночных клубов, куда владельцы и управляющие хотели залучить британские таланты. Но Аллан до самого места назначения держал нас в неведении. Пока что мы были в дороге, и Аллан привез нас в этот распрекрасный порт без всяких неожиданностей.

Было приблизительно 9 часов вечера, когда Аллан признал гамбургский вокзал. Вот там уровень адреналина в крови по-настоящему начал повышаться.

— Вот он, вокзал! — торжественно объявил он. — Отсюда я уже знаю как ехать.

Мы должны были встретиться с нашим ментором герром Кошмайдером в «Кайзеркеллере», в одном из ночных клубов, владельцем которого он являлся, располагавшемся на Гроссе Фрайхайт (что в переводе означает «Великая Свобода», — вот уж, действительно, лучше не скажешь!). Эта улочка выходила на печально известный Репербан — главную артерию «горячего»

квартала Сент-Паули, знаменитого своими ночными клубами и первыми в то время секс-шопами.

Репербан заставил нас разинуть рты. Это был неоновый лабиринт секса, где, казалось, за каждой дверью помещались девушки, раздевавшиеся и предававшиеся другим видам деятельности со всей возможной дерзостью. Я представлял себе этот квартал чем-то вроде лондонского Сохо, только, может быть, еще грандиознее и несколько смелее. Вытаращенными глазами мы смотрели на сутенеров, прохаживавшихся вдоль широких тротуаров перед кричащими вывесками кабаков, которые рекламировали «девочек, девочек и еще раз девочек»… Они завладевали прохожими, хватая их за шиворот и почти насильно затаскивая внутрь. Заведения были самые разнообразные — от простых стрип-клубов до самых завалящих дешевых притонов; попадались и более пуританские, где можно было заказать столик, чтобы пропустить стакан, и позвонить по первому попавшемуся телефону облюбованной даме.

— А вон и скузеры! — хохотали, проходя мимо, многочисленные проститутки.[6]

Квартал Сент-Паули бурлил 24 часа в сутки. Там не бывало «тихих часов», но когда мы приехали было еще рано — всего девять, и атмосфера только-только начала накаляться.

Мы быстро освоились в Сент-Паули и по прошествии недели чувствовали себя там, как дома. Он не был местом, где вспоминали о священнике, и еще меньше — о маме!

Даже сегодня, в начале девяностых годов, официальные туристические проспекты по Гамбургу описывают Репербан с величайшим почтением: «…Там есть много мест, где можно позабавиться, — говорится в них, — вот уже много лет, как там нет ни одного кабаре, ни одного стрип-представления, которое нельзя было бы порекомендовать, без всяких исключений! В самом деле, там есть все вообразимые ухищрения.»

Чтобы описать эти увеселительные заведения, проспект продолжает: «Единственная их цель — ублажить клиента и вытряхнуть из него все наличные».

Так или иначе, этим летним вечером 1960 года Сент Паули показался пяти только что приехавшим молодым людям гаванью безбрежного света и безмерного наслаждения. Мы ведь были всего лишь детьми, без сомнения, немного наивными. Джон, не достигший еще и двадцати, был самым старшим. Полу и мне, обоим было по восемнадцать, Стью — девятнадцать, а Джорджу — всего лишь семнадцать лет. Согласно закону, его присутствие в подобных местах было совершенно недопустимо. Посещение квартала Сент-Паули после 22 часов было запрещено всем лицам,

не достигшим восемнадцатилетнего возраста. Мы обнаружили вскоре, что с приближением критического 22-го часа на улицах появлялся полицейский патруль, и зажигались все фонари. Эти полицейские были известны под названием «патруль „Аусвайс“» — немецкое слово, обозначающее удостоверение личности.

— Прекратить музыку! — приказывали фараоны, едва войдя в клуб, после чего начинали обход посетителей и проверяли документы у всех, кто казался слишком юным. Все немцы носили с собой удостоверение личности, где указывалось имя, дата рождения и помещалась фотография.[7]

В тот вечер никто из нас еще не был знаком с этими строгими правилами, за исключением, конечно, служившего у Кошмайдера Георга Штернера, который явно подозревал о том, что Джорджу Харрисону меньше восемнадцати лет. Впрочем, на тот момент единственное, чего мы хотели, это — выспаться как следует ночью, чтобы утром как можно раньше приняться за работу.

Аллан Уильямс, как всегда, гоня микроавтобус вовсю, благополучно проехал Репербан и повернул направо, в мощеную улочку, которая и была Гроссе Фрайхайт, где располагалось несколько ночных кафе, порно-кинотеатр, клуб кетчисток, которым доставляло своеобразное наслаждение бороться в грязи, и в завершение всего… церковь! Это было для меня еще одной загадкой, — каким образом маленькая церквушка могла очутиться в этом кафешантанном мире продажной плоти.

Микроавтобус остановился с облегченным вздохом перед «Кайзеркеллером». Мы сразу же вышли размять ноги, не торопясь разгружать свой багаж. Внутри клуб был залит светом и полон оживления и жужжания музыки «Дерри и Сеньоров», аллановских первопроходцев. Выпивка лилась рекой и все веселились.

— Как здорово встретить дружков! — радостно воскликнул Леннон.

— Похоже, мы здесь позабавимся, — согласился Пол.

После долгой дороги и жары мы перевозбудились и вызывали улыбки. Но про себя мы думали только одно: «Ну подождите, приятели, вы еще услышите о БИТЛЗ!». Пришла наша очередь проверить свои способности, и мы горели нетерпением выйти на сцену и провести свое первое выступление, когда столкнулись с хозяином, Бруно Кошмайдером.

Это был плотный широкоплечий человек, практически лишенный шеи, со вздернутыми густыми бровями и броской повязкой, обвивавшей его широкий лоб. С физиономией, как у этого типа, неизвестно было на что рассчитывать.

Бруно был не слишком способен к языкам, но все, что он имел нам сказать, было понятно, как дважды два.

— Вы будете играть не здесь, — сказал он, потушив весь наш энтузиазм, словно холодным душем. — Вы будете играть немного дальше на этой же улице, в «Индре».

Гроссе Фрайхайт казалась разделенной на две части: хорошую и плохую. Лучшая часть выходила прямо на Репербан и была уменьшенной копией этого мира секса, музыки и неона. По мере того как мы продвигались в глубь Гроссе Фрайхайт, огни мало-помалу исчезали, развлекательные заведения редели, пока улица не стала похожей на морг, унылой и столь же привлекательной. Именно здесь и пришло кому-то в голову устроить клуб «Индра». Когда Бруно показал нам клуб, наш энтузиазм окончательно исчез, это место дышало жизнью не больше, чем часовня при отпевании. Освещение было печальным и таким слабым, что мы едва могли различить тех двух случайных посетителей, которые туда забрели. Никакого представления на сцене, и безнадежно немой проигрыватель. Сам святой Гай не смог бы здесь танцевать, разве что ему помогло бы чудо. Мы были смертельно подавлены и угнетены.

— Клуб открыт? — спросил я у Бруно, чье лицо ничего не выражало, отказываясь поверить, что эта жалкая конура и есть то самое место, где БИТЛЗ должны были потрясти своим выступлением почтенную немецкую публику.

Гамбург насчитывал больше полутора миллионов жителей, и только двое из них дали себе труд покинуть мостовую улицы, чтобы зайти в «Индру».

Бруно обрисовал нам перспективу, которая ему улыбалась:

— Вы, парни, сделаете из «Индры» второй «Кайзеркеллер», — сказал он, — никто не заходит сюда, — пояснил Бруно, как будто этого и так не было видно! — Но вы позволите мне все это изменить, если будете здесь делать ваше шоу. Вам всего лишь нужно делать шоу…

Это была фраза, которой предстояло сопровождать нашу жизнь в течение долгого времени. Бруно, отдавая распоряжения своим запинающимся английским, произносил: «Деляйт шоу», но это нас совсем не забавляло; мы стояли, как полные идиоты, с чемоданами в руках.

— Где мы остановимся? — спросил кто-то, желая переменить тему разговора.

Было уже достаточно поздно, чтобы сбежать от всего этого в какой-нибудь маленький уютный отель и хорошенько выспаться в мягкой постели. Еще одно недоразумение произошло, когда Бруно повел нас в самый конец худшей из двух частей Гроссе Фрайхайт, чтобы пришвартоваться в зале мрачноватого кинотеатрика под названием «Бамби Кино», который

специализировался на второсортных вестернах и бездарных порнухах.

Он провел нас в дальний конец этой жалкой постройки и открыл дверь, ведущую во мрак!

Нам пришлось идти гуськом, вовсю тараща глаза в темноту, пока мы не увидели слабый проблеск в конце того, что оказалось длинным коридором. Одна-единственная лампочка притягивала нас, как ночных мотыльков: мы бросились бежать, оставив Бруно позади. Свет исходил из некоего помещения. Леннон вошел первым во главе всей банды, в сопровождении Стью Сатклиффа, который вечно клеился к Джону. Джордж шел следом за ними, Пол и я — последними. Открывавшееся нам зрелище было не слишком веселым: жалкая комнатушка, абсолютно пустая, если не считать двух составленных вместе кроватей и дивана, сделанного, вероятно, во времена Мафусалема.

— Эт-то еще что за бордель?! — вскричал Джон.

— О, черт! — подхватили мы почти хором.

Джон и Стью взяли штурмом кровати. Джордж завладел диваном. Короче, как говорится, кто успел, тот и съел. Мы с Полом посмотрели друг на друга глазами, в которых читалось отчаянное нежелание спать на полу.

Бруно, тем временем, догнал нас и попытался умаслить, широко улыбаясь:

— Да ведь есть еще две комнаты, — похвастался он.

Пол и я решили, что нам повезло из-за того что мы пришли последними, и у каждого из нас будет по комнате. Мы тут же обследовали их при слабом свете спички, так как оказалось, что нам двоим не полагается даже лампочки. Это были две конуры, если уж говорить начистоту, примерно два метра на три, и кровати занимали в них почти все пространство. Здесь мы и свалили наконец свой багаж.

— Хуже, чем в банке с сардинами, — крикнул мне Пол. — Даже масло налить некуда.

Мы орали непристойности в количестве, достаточном, чтобы исписать целую стену. Бруно сделал вид, что не понимает.

— Это только на время, только на время, — повторял он.

Пол опустился в темноте на кровать, и я услышал душераздирающий стон пружин. Тем не менее, я охотно последовал его примеру.

Спать было просто ужасно в эту нашу первую гамбургскую ночь. Великие звезды из Ливерпуля… БИТЛЗ!

На следующий день обнаружилось, что наши каморки одинаково темны днем и ночью. Наша «квартира» оказалась пристройкой позади кинотеатра… как раз рядом с туалетами. Мы

вынуждены были бриться и умываться холодной водой из писсуара!

Время от времени хозяин «Бамби Кино» наносил нам неожиданный визит, чтобы бросить подозрительный взгляд на нас, этаких блуждающих призраков, чьи бледные лица контрастировали с черной одеждой.

В глубине коридора, в 25 метрах от нас, Леннон, Джордж и Стью жили в относительном комфорте по сравнению с нами, хотя, конечно, их «трехспальная» комната была такой же убогой, как и наши.

Бруновское «только на время» превратилось в бесконечность. Мы были приговорены к этим конурам, ставшим нашим домом, захламленным гитарными чехлами, коробками от барабанов, сваленными одна на другую и увенчанными, ко всему, еще и горой грязного белья.

Мы с Полом не отличали больше дня от ночи. Мы писали письма, сидя на кроватях, при свете карманного фонарика, прикрепленного на лоб, как у шахтеров под землей. Каждый день мы жаловались Бруно на гнусные условия, в которых жили, стараясь ему объяснить, что мы все — молодые люди из добропорядочных семей, и что наши родители не поскупились дать нам приличное образование. Что мы такое сделали, Бога ради, чтобы заслужить к себе отношение, как к каким-то распоследним подонкам и алкашам, которым все равно в каком углу завалиться спать?! День за днем мы встречали все ту же улыбку и обещания — ничего, кроме обещаний. Нам говорили, что Бруно когда-то был клоуном, но подобные шутки не вызывали у нас смеха.

В вечер нашего дебюта в «Индре» было довольно много народу, пришедшего бросить критический взгляд на новоявленных «суперзвезд» из Ливерпуля. Акустика была ужасная, создавалось впечатление, что мы играем под одеялом. Вероятно потому, что «Индра» была клубом со стриптизом, ко всему прочему там имелись еще и занавески, абсолютно заглушавшие музыку. Мы вышли на сцену совершенно подавленные.

— Деляйт шоу! — кричал нам Бруно, что мы и делали, больше чтобы унять нашу злость, чем чтобы доставить ему удовольствие.

— Приехать из Ливерпуля, проделать весь этот путь и скакать, как кретины, по сцене! — резюмировал Джон.

А ведь он здорово «деляйт шоу»! Скакал, топал ногами и гримасничал вовсю. Никогда никто из нас до того не вел себя так на сцене.

В то время рок-группы играли не слишком-то живо позади певца, как Клифф Ричард и «Шедоуз», отмечая ритм точными согласованными шажками, которые не могли помешать музыке. Был, конечно, Билл Хэйли и «Кометы», которые устраивали представления с прыжками, играли на гитаре, растянувшись на сцене, что казалось идиотством; были гимнасты Джерри Ли Льюиса, с его игрой на пианино сродни артиллерийскому огню. Но это был не наш стиль. Как ни крути, мы не играли ничего, кроме рок'н'ролла. В наш репертуар входили, правда, и несколько расхожих песенок в сентиментальном стиле. Пол исполнял «Over The Rainbow» (классическую вещь Джуди Гарланд) и другие сладкие баллады в том же роде. Мы интерпретировали «Red Sails In The Sunset» (ставшую популярной в исполнении Пета Буна) и «Ain't She Sweet» (Эдди Кантора). После некоторого размышления совсем не удивительно, что студии звукозаписи захлопывали двери у нас перед носом. Но мы были только в самом начале и нам многому еще предстояло научиться.

«Деляйт шоу!» — приказывал Бруно со своим неизменным немецким обаянием, и мы подчинялись, как последние психи, сбежавшие из лечебницы.

Мы бросались из одной крайности в другую. Джон и Пол были самыми сумасшедшими. У первого лучше всего получалось имитировать Джина Винсента: хвататься за микрофон, словно он хотел запустить им в зрителей, волочить его за собой и подскакивать, как дебил. Второй вопил на манер Литтл Ричарда, отплясывая вокруг сцены. День за днем эти представления приобретали все более четкую форму.

Стью вел себя, как незначительный персонаж, и преуспел, эксплуатируя образ обожаемого им Джеймса Дина, оставаясь абсолютно невозмутимым в своих черных очках. Что касается меня, то было не слишком важно, чем я занимался за своими барабанами, но я вставал каждый раз, как начинал отбивать на тамтаме танец в индийском духе. Джордж пытался нас поддержать и был совершенно уморителен в своей максимальной концентрации на собственной игре.

Немецкие рокеры нас обожали, и никто, а меньше всех Бруно, не отдавал себе отчета, что нам хотелось плюнуть им в рожу. Но в конце концов эта игра обернулась против нас. БИТЛЗ вовсю учились создавать атмосферу. Мы попались в ловушку «Деляйт шоу!». Сначала это было протестом против плохого обращения с нами Бруно: отвратительных условий жизни и мизерной платы, составлявшей 15 фунтов в неделю каждому.

У нас был номер, который начинался с медленной романтической мелодии. Зрители мелкими шажками

пробирались к танцевальной площадке, обнявшись и нежничая. Вдруг, неожиданно, без всякого предупреждения мы начинали играть неистовый рок'н'ролл в бешеном темпе. Сначала у немцев выходил облом. Это был еще один вид протеста, но потом они начали нас просить исполнять песни с меняющимся ритмом. Опять эффект бумеранга!

Каждый вечер мы разыгрывали полусумасшедших идиотиков по 7 часов кряду. «Ви деляйт шоу?» Вы никогда не видели ничего подобного! Иногда Пол даже не притрагивался к гитаре, но из-за шума этого не замечали. Джон катался по земле, размахивал микрофоном в воздухе, корчился, принимая позы горбуна Квазимодо. Или, для разнообразия, вскакивал к Полу на спину, и они вдвоем нападали на Джорджа и Стью, стараясь загнать их за кулисы. Иногда они бегали по сцене, залезая один другому на плечи. Та малость музыки, которая все же звучала, исполнялась Джорджем и Стью, да и то это был один ритм. В другой раз Джон превращался в звезду балета и прыгал со сцены на зрителей. И его прыжок заканчивался грандиозным шпагатом.

Часто Джон и Пол покидали сцену, чтобы броситься, как дикие быки, на танцующую толпу, или принимались отплясывать фарандолу с посетителями, которые только того и ждали. Все это немцы получали за свои деньги. Они были не из тех, кто охотно оставался сидеть, чтобы послушать музыку БИТЛЗ, — в те времена таких было немного, они явно предпочитали наш гротескный юмор и кремовые пирожные нашему музыкальному таланту. Они стали называть нас «beknakked» БИТЛЗ, — жаргонное выражение, означавшее сумасшествие или слабоумие, но нам от этого было ни жарко, ни холодно.

Наш репертуар состоял преимущественно из американских песен: Фэтса Домино, Карла Перкинса и из известных вещей Джина Винсента, Элвиса и Литтл Ричарда. Немцы обожали «What'd I Say» — классику Рэя Чарльза, которой могли подпевать. Они повторяли слова и отбивали ритм пивными бутылками на столе.

Многочисленные истории, рассказываемые в течение многих лет о поведении БИТЛЗ на сцене, описывают серьезные потасовки, происходившие между нами. Это не совсем верно. Большинство из них было частью «Деляйт шоу»… То, что казалось дракой, было на самом деле спланировано в «Индре», где мы вечер за вечером все больше совершенствовались в «Деляйт шоу». Пол, может быть, с единственной гитарной струной набрасывался на поющего Джона, предварительно уловив его кивок головой. Джон, поддерживая игру, притворялся рассерженным и давал отпор. Все это должно было казаться очень натуральным зрителям, которые

взвинчивались все больше и больше, но мы всегда только прикидывались, и среди так называемых противников никто не бывал пострадавшим. В те времена мы были неразлучны и затевали все приключения вместе наподобие пяти мушкетеров (довольно-таки жалких!).

Вне всякого сомнения, Джон и Пол выкладывались как только могли для «Деляйт шоу». Даже если это было всего лишь разрядкой, реакцией на обман и неудовлетворенность.

По мере того как проходили недели, Леннон становился все более дерзким, отваживаясь даже открыто поносить публику, обзывая ее «грязными бошами», «наци» и «гитлеровцами». Позднее репертуар его шуток расширился вплоть до таких выражений, как «увечные немецкие моторы», что демонстрировало его навязчивые идеи относительно калек. Они выразились позже публично в его прозе, рисунках и заявлениях в прессе. Немцы, над которыми он издевался: «Давайте, поднимайтесь и пляшите, вы, банда обленившихся негодяев!», ничего не понимали и часто аплодировали его оскорблениям.

Он проживал на сцене свои фантазии об увечных, корчась и кривляясь в гротескных позах, понятных всем. Однако не было и речи о единодушии со зрителями. Леннон на них чихать хотел. Но даже один только вид калек причинял ему физическую боль; он не мог находиться в их присутствии. Несколько раз я видел, как он выбегал прочь из гамбургских кафе при появлении какого-нибудь старого вояки, которому оторвало конечность, или который был изуродован. Я видел однажды, как он отреагировал подобным образом, оставив на тарелке только что начатую еду.

Он никогда не объяснял ни этого странного поведения, ни причин, заставлявших его посвящать свой талант художника изображению персонажей с физическими недостатками. Я думаю, они вызывали в его душе глубочайшую печаль.

Народ потек в «Индру» забавляться, когда новость о пяти буйнопомешанных битлах облетела весь город. Через месяц наша интерпретация «Деляйт шоу» превратила нас в главное увеселение города, со всеми нашими дебильностями, низкопробными потасовками и Джоновыми «выпендрами». Кое-кому из зрителей он казался шутом, но вся эта акробатика на сцене была для него просто-напросто средством ухода от действительности. Он разыгрывал из себя идиота, вопя во всю глотку непристойности, и всегда выходил неоспоримым победителем из любой перепалки. Публика даже требовала от него подобного поведения. После очередной словесной атаки на посетителей, которые, в сущности, за это нам и платили, Джон успокаивался, довольный собой, как если бы он только что

освободился от нескольких назойливых демонов. Я часто пытался понять его манеру поведения со зрителями и пришел к заключению, что Джон вовсе не испытывал никакой злобы по отношению к немцам как таковым, но он мстил им за свое все возрастающее неудовлетворение от того, что они заставляли его выступать в стиле, который на самом деле был ему чужд.

В «Индре» мы встретили подружку, которая помогала нам в течение долгих месяцев. Это была Мутти, уборщица туалетов. Мы называли ее так, потому что ей было уже добрых пятьдесят, а нам все люди старше двадцати казались развалинами. Ее прозвище произошло от сокращенного «Mutter», что по-немецки значит «мать». Она работала по ночам за кулисами, где у нас были каморки, естественно, рядом с туалетами. После завершения каждого нашего выступления она поджидала нас, совершенно взмокших от пота, чтобы снабдить полотенцами, клинексом и чистыми рубашками, абсолютно необходимыми после очередного «Деляйт шоу».

Почти каждый вечер она была готова, с ниткой и иголкой, зашивать Джоновы брюки, которые трескались во время его рискованных прыжков а-ля Нуриев. Но он всегда настаивал на том, что починит их сам. В одних кальсонах он принимался за починку, которая носила очень временный характер, с добавлением нескольких морских узлов (незачем и говорить, что следующим вечером он занимался тем же самым). Если кто-нибудь приходил за кулисы во время его портновских упражнений, будь то мужчина или женщина, он приглашал их, все в тех же своих единственных кальсонах, говоря, даже не поднимая головы:

— Заходите, будьте как дома!

В то время мы весьма способствовали увеличению потребления спиртного в Гамбурге. Оно расходовалось целыми ящиками, и мы пили прямо на сцене, не прекращая своего шутовства. Немцы были бесконечно предупредительны, понимая, что «Деляйт шоу» вызывает сильную жажду. Некоторые завсегдатаи «Кайзеркеллера» начали изменять ему ради «Индры», куда они приходили посмотреть БИТЛЗ. Это совершенно не смущало Бруно, напротив, он получил то, чего хотел, ведь его желанием было сделать из «Индры» такой же популярный клуб, как и второе его заведение. Если между клубами и было какое-то соперничество, то оно прекратилось через два месяца после нашего дебюта в «Индре», когда Бруно пришел нам объявить, что «Индра» должна быть закрыта.

— Почему? — спросили мы с беспокойством.

— Из-за шума, — пояснил он.

Мы были разочарованы и встревожены. Выбиваясь из сил, мы, как сумасшедшие, старались превратить это место в хороший клуб, а теперь власти закрывали его из-за «Деляйт шоу»! Какая ирония! Оказывается, Кошмайдер получил несколько предупреждений от полиции. Но он не обратил на них внимания. Мы продолжали играть по-прежнему, совершенно игнорируя сложившуюся ситуацию. В конце концов, полиция потеряла терпение, и Бруно поставил нас перед свершившимся фактом. После Бруновского сообщения конец казался неизбежным. Придя, как обычно, однажды вечером, мы обнаружили двери запертыми. Фараоны закрыли «Индру». Бруно, конечно, был раздосадован еще больше нашего. Но он не мог ничего поделать. Все соседи, обитатели этой худшей части Гроссе Фрайхайт, непрерывно и энергично протестовали, и пришлось прекратить это безобразие именем закона. Как ни странно, пожилая дама, проживавшая как раз над клубом, никогда не жаловалась. Одно из двух: либо она была глухой, либо любительницей рок'н'ролла в летах.

Но, если речь шла о конце «Индры», то он вовсе не означал окончания гастролей БИТЛЗ в Гамбурге. Бруно не скрывал своего удовлетворения нашими усилиями и не собирался позволить нам уехать так просто (наш первоначальный контракт был заключен на два месяца и мог быть продлен по устной договоренности). Он решил перевести нас в «Кайзеркеллер», который должен был привлечь больше клиентов. Джон мог продолжать исполнять свои балетные номера.

Гордостью «Кайзеркеллера» было располагавшееся на сцене пианино. Джон часто взбирался на него, для того чтобы исполнить какой-нибудь неуклюжий танец, а потом рухнуть с размаху в сгрудившуюся толпу. Определенно, в «Кайзеркеллере» Леннон представил как свои самые лучшие, так и худшие «штуки». Как-то вечером он появился на сцене в одних кальсонах, имея в виду изобразить сомнительную пародию на Гитлера, со стульчаком от унитаза вокруг шеи и шваброй в руках (для придания пущего милитаристского оттенка), распевая «Зиг хайль, зиг хайль!». Если кто-нибудь и высказывал возражение, то его просто-напросто вышвыривали за дверь. Иногда мы тоже вступали в игру с целью спровоцировать его на еще более оскорбительные выходки.

С приближением зимовки в «Кайзеркеллере» он купил себе супердлинные кальсоны в надежде хоть как-то утеплиться. Однажды поздно вечером в субботу, когда он натянул их в своей жалкой комнатухе позади «Бамби Кино», принявшись писать послание Синтии, Джордж бросил ему:

— Слабо тебе выйти в таком виде на улицу!

Леннон принял вызов без малейшего колебания: он взял английскую газету, которую читал, потом, пинком открыв дверь, вышел прямо на середину улицы с газетой под мышкой, не обращая внимания на то, что Сент-Паули был полон прогуливавшимися по выходным людьми. Он остановился там, уткнувшись носом в свою газету. Через несколько минут он ее старательно сложил и сунул обратно под мышку. Он вытянулся по стойке смирно, щелкнул каблуками а-ля «наци», и принялся отдавать гитлеровский салют, приветствуя прохожих. Затем он строевым шагом вернулся обратно, как будто ничего не произошло.

Пол, Джордж и я присутствовали при этой сцене, спрятавшись за дверью, но Джон никогда не принимал никаких поздравлений с нашей стороны, готовый к любому новому пари.

Уж не помню кто из нас подбил его показать на сцене зад. В «Кайзеркеллере» артистические уборные располагались рядом со входом. Чтобы пробраться к сцене, нужно было прокладывать себе путь среди зрителей. Для этого вечера Джон выбрал себе купальный костюм цвета морской волны. Он направился к сцене с невозмутимым лицом и гитарой через плечо. Посреди «Long Tall Sally» он повернулся спиной к зрителям и спустил плавки, чтобы продемонстрировать то, что они прикрывали. Его зад оказался на расстоянии не больше метра от зрителей — они могли бы до него дотянуться, но никто не посмел. Последовало несколько смешков, но никаких комментариев со стороны посетителей «Кайзеркеллера» не было.

С самого начала мы фигурировали на афише вместе с «Дерри энд Синьерз». А чуть позже к нам присоединились и наши друзья «Рори Сторм энд Хэррикейнз», где на ударных по-прежнему играл Ринго Старр. Только со времени нашей первой поездки в Гамбург мы с ним по-настоящему подружились. Свояк свояка видит издалека, барабанщики не составляют исключения и имеют привычку обсуждать друг с другом свой «товар» и сравнивать экипировку. Мы с ним были немного знакомы и в Англии, еще до отъезда в Германию, по одному из концертов в память Эдди Кокрэна на ливерпульском стадионе, где мы оба присутствовали. Но только в Германии наше знакомство превратилось в дружбу. Мы одалживали друг у друга барабанные палочки и вместе ходили покупать всякие «примочки» для установки. Это была замечательная дружба, которая длилась долго, но не вечно.

3. Как все взять, ни за что не платя

В начале шестидесятых годов гамбургский квартал Сент-Паули походил на то, чем был Чикаго в 20-х. Это было дно. Бескрайний мир девушек, вина и пульсирующего рока, но также и свирепствующего гангстеризма. Большинство ночных заведений находилось под присмотром рэкетиров. Широким рынком проституции и торговли наркотиками распоряжалась мафия. Сутенерство, всякого рода извращения и порнография приносили большой доход. Случались стычки между разными бандами, избиения, а иногда и убийства. Но они не достигали масштабов гнусной резни в Чикаго в 1929 году.

Нам все время советовали быть особо осторожными:

— Следи, куда ставишь ноги. Если схлопочешь себе какого ни на есть врага, тебе крышка!

Наши друзья-немцы предостерегали нас много раз. И это были трезвые советы. Мы очень быстро поняли, как важно быть в хороших отношениях с девочками по вызову и другими проститутками. Но самым главным в Гамбурге было иметь на своей стороне гарсонов-вышибал.

Казалось, это были люди особой породы, по большей части коренастые, широкоплечие, сильные и столь же опасные, как гангстеры из полицейских фильмов. Мастера накрыть на стол, они исполняли с той же ловкостью и вторую роль — вышибал и телохранителей.

Среди необходимой каждому вышибале коллекции оружия у них имелось что-то вроде дубинки на пружинах. Она была налита свинцом и хранилась под рукой, в самом доступном из карманов. При первой тревоге они хватались за свои дубинки, которые выскакивали на пружинах, готовые проломить одну-две головы. Это было незаменимое оружие для того, кто хотел выстоять в схватке в стране ночных клубов. Но дубинки не были единственной амуницией вышибал; точно так же в заднем кармане брюк, под полой куртки, скрывался пистолет со слезоточивым газом, который они использовали в том случае, если драка выходила из-под контроля и грозила перерасти в настоящее сражение. Выстрел из газового пистолета вызывал сильную резь в глазах, заставляя их проливать обильные слезы, так что появлялось желание их выцарапать, а также сильный ожог и раздражение нервной системы. Это оружие существовало во множестве вариантов, но наиболее распространенной моделью был черный пистолет, который можно было принять за настоящий револьвер. Некоторые были рассчитаны всего на один выстрел,

другие, напротив, хранили в корпусе целый арсенал зарядов, — пистолеты, вроде «Люгера». При виде его вам никогда бы не пришло в голову, что нажимом на спусковой крючок можно произвести что-либо, кроме смертельного выстрела.

Женщины Сент-Паули — стриптизерши, девушки по вызову и проститутки — всегда имели при себе маленькую сумочку, в которой хранилась специальная женская моделька с перламутровым корпусом. Действительно, многие обитательницы квартала Сент-Паули никогда не выходили на улицу без газового пистолета, потому что там имелось множество охотников до секса, которые не желали тратить ничего, кроме энергии, заключавшейся в их штанах.

В течение двух лет, проведенных в Гамбурге, ставшем для нас по воле случая второй родиной, ни у кого из БИТЛЗ не было такого оружия. Мы были хорошо оснащены, но лишь одними шутками. Впервые гарсоны разрешили нам пострелять из своих пистолетов как раз после нашего перехода в «Кайзеркеллер». Мы сделали несколько невинных выстрелов на улице возле двери черного хода, которую поскорее захлопнули, прежде чем газ начал оказывать свое действие. В противоположность настоящим револьверным пулям, легкий ветерок мог обратить это оружие против нас самих.

Легко понять, почему так необходимо иметь в друзьях вышибал, когда сами вы — всего-навсего молокососы, только что прикатившие из Англии. К счастью для нас, БИТЛЗ приобрели множество друзей среди служащих ночных заведений. Как раз один из них обратил наше внимание на девочек, которые начали за нами бегать после нашего дебюта в клубе «Индра». Нам ничего не стоило найти любовниц, и мы пускались с ними в бесконечные сексуальные марафоны в наших презренных каморках. Они приходили даже во время пятнадцатиминутных перерывов в выступлении, чтобы успеть разок в наших куцых артистических уборных. Насколько мы их узнали, это были пылкие фанатки, или групиз, выказывавшие свою преданность БИТЛЗ, по которым сходили с ума. Для некоторых из них это было просто случайностью. Но другие, как мы быстро поняли, были либо девочками по вызову высшего разряда, либо проститутками, зарабатывавшими достаточно, чтобы оплачивать себе приятное ночное времяпрепровождение, когда не подвергалось испытанию их искусство и на них не тратилось ни единого пфеннига.

Как-то вечером в «Индре» один из официантов, подававший нам на стол, сказал с видом шпиона, собирающегося продать государственную тайну:

— А знаете ли вы, что можете повидаться кое с кем из этих

девушек с витрин?

— С витрин?

— Они что, манекенщицы?

— Где?! — закричали мы; наше воображение разыгралось вовсю.

— На Гербертштрассе! — многозначительно сказал он.

Название ничего нам не говорило. Это была одна из улиц, выходивших на Репербан, в пяти минутах ходьбы от Гроссе Фрайхайт. Но, выдавая по семь-восемь часов музыки каждую ночь в течение всей недели, включая воскресенье, мы не могли жуировать, как туристы — просто не было времени. Однако нужно же было взглянуть на эту улицу! Однажды утром, в подходящее время, мы решили сделать туда вылазку всем отрядом. Наконец, в необыкновенно раннюю для нас пору — было всего одиннадцать часов — мы отправились обследовать Гербертштрассе, еще больше заинтригованные таким откровением официанта:

— Вы можете, если вам это светит, разглядывать витрины хоть весь день и не потратить ни гроша, так вы будете этим заняты.

Гербертштрассе — одна из самых удивительных в мире улиц, загороженная с обоих концов высокими барьерами, наподобие экранов. Вы не можете рассмотреть улицу, не пройдя через вход, который сильно смахивает на вход в какой-нибудь старый общественный туалет в Великобритании.

Перед входом висит публичное объявление, всегда напоминающее о том, что лица, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, не могут быть посвящены в тайны улицы. Это означало, что Джордж немедленно стал жертвой наших издевательств.

— Нет, Джордж, — измывался Леннон, загораживая рукой проход, — ты не имеешь никакого права войти вместе с нами, *мужчинами*!

— Ты — всего лишь младенчик! — отчитывали мы его.

В конце концов, перестав сопротивляться, мы пообещали провести его «контрабандой», и все вместе переступили порог входа.

Открывшееся нам зрелище просто ошеломляло. До самого горизонта не видно было ни одного магазина: улица, казалось, вся составлена из маленьких уютных комнат, снабженных витринами, с девочками внутри них. Единственный магазин, который можно было обнаружить на Гербертштрассе, был секс-шопом.

Девочки составляли композиции, помещаясь на уровне

подоконников, чтобы всем было видно; они сидели на столах и на стульях и, принимая выразительные и сладострастные позы, демонстрировали свои прелести. И какие прелести!

Среди них не было старых бесцветностей. Имелись блондинки, брюнетки, шатенки, более или менее раздетые; одни — знойные и пышнотелые, другие — более стройные: море ног и аппетитных бюстов.

Некоторые были просто как картинки и казались ожившими фотографиями из эротических журналов. Мы застывали при виде их, как зачарованные. И, конечно же, мы узнали некоторых, посылавших нам лучезарные улыбки.

Прежде всего наше внимание привлекла витрина, в которой красовалась гигантская женщина, из чьего бюстгальтера выпирала самая пышная в мире грудь, заключенная в черный корсет и, казалось, готовая на все, лишь бы освободиться. Ее могучие ноги были обуты в высокие черные кожаные сапоги, а в руке она сжимала хлыст! Она была просто неописуема.

Мы смотрели на нее круглыми глазами, разинув рот, затем, наглядевшись, продолжили наше исследование, чтобы тут же столкнуться с одной из знакомых по «Индре».

Она воскликнула, радостно приплясывая:

— Входите же, для вас — бесплатно!

Но мы отклонили ее предложение.

Хотя еще не было и полудня, несколько мужчин на возрасте уже присматривали себе подходящее тело, словно гурманы в поисках доброго куска мяса. Кое-кто из них последовал за нами, в ответ на что мы дали им некоторое представление о том, что значит «Деляйт шоу»: бузили, скакали, растягивались на земле, приводя в полное изумление аппетитных цип с витрин.

Мы обнаружили, что эта улица находилась под строгим контролем гамбургской полиции, которая следила, между прочим, за тем, чтобы девушки регулярно проходили медицинский осмотр и защищала их от не слишком честных сутенеров. Еще и сегодня, больше 20 лет спустя, официальный туристический проспект замечает, что «…если вы ищете себе девушку… лучшим местом для этого всегда будет Гербертштрассе».

После нашего первого визита на Гербертштрассе разглядывание витрин стало для нас обычным каждодневным делом. Мы пользовались улицей, как кратчайшим путем в другие привлекательные места города: например, Миссию британских моряков на набережной, где мы могли есть, как у себя дома, и с жадностью поглощать горы корнфлекса.[8] На самом деле идти по Гербертштрассе было не ближе, чем по другим улицам, —

короткая дорога была лишь отговоркой. Приятные прогулки до набережной, по правде говоря, включали галантные визиты к дамочкам с витрин. Мы называли эти экскурсии нашей «утренней растопкой».

Мы открыли улицу Рори Сторму, который был ошарашен. Однажды утром мы пригласили его всего-навсего составить нам компанию, чтобы поесть в Миссии моряков. Мы привели его на Гербертштрассе с равнодушным видом, не предупредив о том, что его там ждет.

Рори бросилась в голову кровь. Чтобы пройти мимо первой витрины ему понадобилось 20 долгих минут.

— Давай, пошли, — торопили мы его, — корнфлекс остынет!

Одному Богу известно, что бы подумали наши ливерпульские друзья, если б могли нас видеть. У большинства из нас был внушительный разговор перед отъездом. Но ни наши родители, ни опекунша Джона, тетушка Мими, не могли себе и на секунду представить, что за жизнь мы будем вести. Наши родители, конечно, допускали кое-какие приключения, без сомнения, в присутствии Аллана Уильямса в качестве компаньона. Однако ему оставалось не так много времени до возвращения в Мерсисайд, и я сомневаюсь, чтобы ему улыбалось сопровождать нас в похождениях, напоминавших истории из «Тысяча и одной ночи».

Поскольку мы стали завсегдатаями Гербертштрассе, многие проститутки приходили нас навестить в «Индре», а потом и в «Кайзеркеллере». Они всегда ясно давали понять, чего хотят: их широкие познания для БИТЛЗ всегда были бесплатными. Я еще помню имена некоторых из них: Грета, Гризельда, Хильда, Бетси, Рут… Все — очаровательные молодые женщины. Мы привыкли видеть их почти совершенно раздетыми на витринах, но когда они отправлялись в найт-клабы после закрытия своих собственных заведений, они были разодеты в пух и прах, точно парижские манекенщицы, гораздо более красивые, чем первые битловские групиз, но тоже преисполненные желания в любой момент забраться к нам в постель.

Девушки с Гербертштрассе имели обыкновение прийти посидеть в баре, чтобы заказать по стаканчику для музыкантов. Официанты приносили их нам со словами: «От Греты», или кто там сделал заказ, и приказывали выпить за девушку прямо посреди песни под угрозой ее высочайшего гнева. После того, как мы осушали стаканы, она поднимала руку в изящном и милом жесте благодарности. Девушки сердились, если мы не находили времени с ними поболтать. Если такое случалось, то на следующий день они опускали шторы на своих окнах, видя, как

мы фланируем по Гербертштрассе.

Во время наших экскурсий на Гербертштрассе гигантская дама с пышным бюстом и хлыстом стала нашей любимицей. Она всегда вставала при появлении БИТЛЗ. Мы приклеивались к витрине, словно дети, увидевшие леденец, корча самые ужасные рожи. Она грозила нам кнутом, делая вид, что хочет нас побить. Но все это было шуткой, и вполне возможно, что наша клоунада на Гербертштрассе поднимала настроение тамошним обитательницам.

Издевательства над Джорджем за его неподходящий возраст стали ритуалом. Иногда, чтобы его помучить, мы оставляли его перед входом на несколько минут, пока кто-нибудь из нас не возвращался и не провожал «малыша».

Нас часто приглашали на вечеринки, которые устраивали девушки, по большей части в своих собственных квартирах, далеко от Гербертштрассе. Случалось, они просили нас сопровождать их на праздник к какому-нибудь богатому клиенту. Это было для нас большой удачей, — на таких вечеринках вино лилось рекой, словно накануне принятия сухого закона. Была удобная возможность получить одновременно выпивку и любовь и притом бесплатно! (Как только Бруно Кошмайдер выплачивал нам наши гроши, он немедленно удалялся, покуривая.)

Наряду с сексом нашим вторым времяпрепровождением была выпивка. В музей мы не часто захаживали.

С тех пор, как мы осознали, что есть девушки, готовые на все, лишь бы доставить нам удовольствие, мы начали соображать, куда их можно привести, чтобы переспать, если у них не было своего собственного подходящего места. Как можно было водить девочек в наши жуткие каморки по соседству с писсуаром, темные и сырые, словно сточная канава, и столь же привлекательные? Тем не менее, мы это делали, и ни одна девочка ни разу не отказалась. Временами наше обиталище позади «Бамби Кино» превращалось в место ночных оргий, ставших привычным делом для Леннона, МакКартни, Харрисона и Беста, за исключением Стью Сатклиффа, который больше с нами не жил. По прошествии нескольких недель с нашего приезда в Гамбург, он повстречал прекрасную немку, которую звали Астрид, и в которую он влюбился. Ей тоже предстояло сыграть важную роль в судьбе БИТЛЗ. Родители Астрид предоставили в распоряжение Стью комнату в своем доме, и Джордж покинул свой гнусный диван, получив в наследство кровать рядом с Джоном. Через два месяца Стью и Астрид поженились.

Тем временем, мы с Полом испытывали некоторые трудности с тем, чтобы убедить своих девочек забраться в наши темные

кельи два на три метра. Но любовь всегда торжествовала. Джону и Джорджу больше повезло с их «большой» комнатой, снабженной собственной лампочкой. Как бы там ни было, мы все делили поровну, а во время наших ночных забав всегда имелось пять-шесть девушек на нас четверых. В самый разгар дела из коридора доносилось эхо крика Джона или Джорджа, которые осведомлялись:

— Как там у тебя, я только что кончил, поменяемся?

— Как у вас дела? Сейчас я заберу одну из ваших!

И мы менялись нашими дамами. Словно отряд скаутов, девушки всегда были готовы «отдать честь», соперничая в желании нам угодить. Они были повсюду, сопровождали нас даже в наши любимые забегаловки! Мы часто заходили наскоро перекусить в одно маленькое кафе, под названием «У Гарольда», и наши обожательницы всегда были готовы заплатить за нашу еду, — «десерт» подавался позднее ночью и всегда бесплатно! Нас и в самом деле нужно было хорошенько кормить, потому что часто нам приходилось управляться с двумя-тремя девушками за ночь — на сколько хватало сил. Наиболее памятна одна из таких ночей любовных забав в нашей малопривлекательной обители, когда восемь девушек одновременно явились, чтобы оказать БИТЛЗ услуги. И все они занимались любовью с каждым по два раза в эту ночь! Это был рекорд за все наше гамбургское пребывание.

Бывали ночи, когда мы были так изнурены, что единственное, чего хотелось — вернуться к себе в каморки и завалиться спать. Даже это отвратное место казалось уютным, когда мы буквально приползали на коленях. Но ничего не поделаешь: я открывал свой «стенной шкаф», падая от усталости, и обнаруживал за дверью поджидавшую меня девушку. Кто-то из них сообразил, что можно пробраться в наше жилище через кинотеатр: все, что им нужно было сделать, это купить билет; затем он направлялись в сторону туалетов, толкали дверь и оказывались в резиденции БИТЛЗ.

Часто мы с Полом, подходя к дверям, слышали тихий смех и чувствовали запах духов, — приходилось выполнять свой долг, хочешь-не хочешь! Мы выполняли его, даже не видя в полной темноте лица девушки, с которой делили постель. Бывало, я чиркал спичкой или зажигал фонарик и обнаруживал, что моя подружка — просто суперкласс, и обладает всем что нужно, чтобы взбодрить заспанного битла. (Впрочем, я вообще не помню, чтобы кто-нибудь из девушек был безобразен.)

Если все эти приключения происходили во мраке, а такое случалось, то всегда была возможность проверить, с кем провел ночь на следующий день: она была в клубе, оживленная,

общительная, болтала со своими подружками «фрейляйн», посылая нам улыбки и многозначительные взгляды. Если одна из юных «фрейляйн» хотела кого-нибудь из нас, она усаживалась на сцене, как можно ближе к БИТЛЗ, готовая составить ему компанию в ночных похождениях. Если мы не выражали согласия взглядом или кивком головы, девушка могла подчеркнуть свое желание, протянув руку и дотронувшись до одного из нас. И вот, прямо посреди какого-нибудь напористого рока можно было вдруг почувствовать, как чьи-то пальцы вцепились вам в ногу; это уже не нуждалось ни в каком переводе.

Иногда рядом со сценой скапливалась целая толпа девушек, жаждавших встречи со мной.

— Кажется, ты слегка обскакал нас сегодня вечером, Пит, — насмешливо бросал мне кто-нибудь из БИТЛЗ.

Наиболее нахальные девицы даже не давали себе труда подойти к сцене и не старались нас потрогать. Они просто поднимались и указывали на приглянувшегося битла, делая ему весьма недвусмысленный знак. Такой, знаете ли, когда одну руку сгибают в локте, а другой охватывают ее поперек запястья и поднимают резко вверх наподобие эрекции.

— О-о-у-и-и! — одновременно издавала вопль девушка, а позднее, познакомившись с нами поближе: — Газунка! — боевой клич БИТЛЗ.

Каждый раз, как «фрейляйн» затевали эту игру, мы валились на сцену, прикидываясь умирающими от усталости, но им это совсем не нравилось!

Случались вечера, когда кто-нибудь из девушек устраивал нам всем четверым королевский прием в квартире, гораздо более шикарной, чем обычно. Такая квартира насчитывала больше дюжины комнат, почти все — спальни. Однажды, открыв входную дверь, мы сразу же получили инструкции:

— Ты — в комнату номер один!

— Ты — в четвертый номер!

И опять мы ни за что не платили.

Девушки по вызову высшего разряда имели более тонкое обхождение, присылая нам предложения через официанта, вместе со стаканом пива или шнапса в знак дружбы. Иногда эти молодые дамы сначала вели нас в ресторан, а затем мы отправлялись к ним.

Гарсоны были знакомы с ними почти со всеми, и знакомство с «фрейляйн» с Репербана и из Сент-Паули так высоко ценилось ими, что они способны были устроить нам подробный брифинг на тему сексуальных пристрастий наших хозяек, вплоть до их излюбленных позиций.

— Вон та вот предпочитает этим заниматься, не снимая сапог, — такого рода наставления давали нам гарсоны, — а вот эта — на чем-нибудь кожаном…

Профессиональные проститутки и другие девушки осыпали нас подарками, всегда предлагали нам что-нибудь съесть или выпить. Утром, уплетая за обе щеки корнфлекс в Миссии моряков, мы обменивались ночными впечатлениями:

— Ну, как твоя? — спрашивалось перво-наперво.

Когда кто-нибудь из БИТЛЗ, пустившись в подробные описания, доходил в них до критического момента, ему энергично советовали добавить себе еще корнфлекса!

Джон был вожаком, задававшим темп жизни, которую мы вели; может быть, он чувствовал себя более раскованным, потому что на нем не лежало никаких обязательств перед родителями; что же касается внушений тетушки Мими, то он не обращал на них никакого внимания. Он мог делать, что хотел, и хамить, кому вздумается.

В те времена все мы обладали повышенным сексуальным аппетитом, но у Джона он был особенно развит. Гамбург был настоящим раем для молодых людей, если говорить о сексе. Мы вольны были заниматься им 24 часа в сутки. Джон, однако, гордился тем, что у него хватало энергии еще и регулярно мастурбировать; он этого никогда не скрывал. Он запирался на пять минут с каким-нибудь порно-журналом, а затем присоединялся к нам с сияющей на лице улыбкой.

— Уф, полегчало! — говорил он нам с обворожительной непосредственностью и добавлял: — Чертова дубинка!

На сцене, во время одного из наших выступлений, обнаружив, что ему нравится одна из девушек в зале, он устроил сеанс мастурбации одной рукой у всех на виду, совершенно не стесняясь.

Джон хотел вести сексуальную жизнь, которая бы выходила за рамки обычной, и потчевал нас подробными отчетами о своих экспериментах, снабжая их комментариями, вроде:

— Я поимел ее на стуле.

(Иногда это был стол), или:

— Я пробовал 69-ю позицию, пока она делала в углу «грушевое дерево».

Не было никаких причин не верить ему: он никогда не скрывал своей сексуальной активности.

— Чем сумасбродней, тем забавней, — посмеивался он каждый раз, как заполучал к себе в постель двух или трех девочек сразу.

К счастью, нам был как-то преподан урок в баре «Рокси» на

Репербане, где мы попались на удочку, поверив, будто самые фантастические девушки Германии заигрывают с нами. На самом деле это были извращенцы, которых страшно потешала наша ошибка. Нас туда провел один приятель-немец, который сразу же предупредил о последствиях более тесного общения:

— Если вы хоть раз согласитесь с ними переспать, они будут приставать к вам до скончания дней.

Но мы не дали им повода для приставаний.

4. Много шороху и большие бабки

В первый наш гамбургский приезд каждый вечер у нас был «вечером трудного дня». С приближением зимы жизнь превратилась в непрерывную борьбу с ледяной стужей, которую приносили ветры из Сибири. Сквозняки дули из всех щелей. Теперь мы окончательно убедились, что герр Кошмайдер не был человеком слова. Он без конца обещал нам подыскать более сносную квартиру, но мы все еще пребывали в нашей гнусной конуре позади «Бамби Кино», и наши нервы были на пределе. Еще он обещал нам приличную плату в случае, если «Индра» станет такой же популярной, как «Кайзеркеллер». Но вожделенной прибавки приходилось ждать, потому что она зависела исключительно от входной платы, а та оставалась неизменной.

Когда Бруно говорил «найн!», это значило «найн!». Выклянчивать у него деньги было бесполезно.

В ноябре месяце нагрянул мороз, и стужа стала просто зверской.

Бруно довел нас до того, что мы проломили сцену «Кайзеркеллера» во время «Деляйт шоу!», хотя он сам подбил нас на это. Старая сцена, жалкая и трухлявая, была не чем иным, как досками, положенными на пивные ящики. Мы и впрямь ее всю разнесли, но Бруно не удовлетворился. Он накинул нам пять фунтов, чтобы мы развороти ли еще и подиум!

Все БИТЛЗ, за исключением Стью, были откровенно аморальны. Стью и Астрид были влюблены друг в друга по уши, и наметили именно этот месяц, чтобы обменяться обручальными кольцами. Для Стью жизнь стала гораздо спокойнее вдали от вульгарного Сент-Паули, тем более что мы постоянно смеялись над ним. Из-за его романа с Астрид и из-за того, что он был самым маленьким из нас, мы издевались над ним, получая жестокое удовольствие. Влюбленный в добропорядочную немку, тогда как мы пользовались успехом чуть ли не у всей прекрасной половины Гамбурга, Стью стал для нас идеальной мишенью. Эти подтрунивания были беззлобными, но я понимаю, что временами они могли раздражать. Мы выбрали себе, на наш взгляд, более приятную дорожку. Мы проводили все свое время в попойках и развлечениях с девочками; это позволяло нам сделать заключение, что жизнь прекрасна, как бы там ни было, и реальность — всего лишь фарс, разыгранный, словно по нотам. Бывали дни, когда мы голодали, несмотря на щедрость нескольких обожательниц, которые время от времени кормили нас, к тому же у нас не было одежды. Ситуация была такова, что

мы даже не стыдились просить их постирать наше белье, потому что нам нечем было оплатить счета из прачечной. Они стирали наши джинсы, рубашки и нижнее белье, — они охотно выполняли эту задачу.

Наше питание, может быть, было не слишком регулярным, зато наш сексуальный аппетит был более, чем удовлетворен. Тем не менее, было одно существенное обстоятельство: отсутствие денег! Мы все время говорили о них и строили планы, как бы получить побольше. Но наши насущные потребности настойчиво напоминали о себе, и было невозможно растягивать решение на длительный срок. Надо было найти средства к существованию, не откладывая дела в долгий ящик.

Случай представился однажды вечером, когда в «Кайзеркеллер» пожаловал один клиент, настоящий толстосум. Это был немецкий моряк, и его бумажник, должно быть, был самым объемистым в Гамбурге, — здоровенный тип, лет тридцати пяти — сорока, косая сажень в плечах. Наша музыка так ему понравилась, что он предложил нам выпить вместе с ним по стаканчику. Потом еще по одному и еще… Он был фаном как раз в том роде, который нужен, когда финансы дышат на ладан. Вечер только-только начался, и он посылал нам пиво и шнапс — нашу привычную микстуру.

— Ему так нравятся БИТЛЗ, — сказал нам официант, — что он хочет пригласить вас на ужин после представления!

Четверо из нас приняли приглашение. Стью, как обычно, решил отправиться домой вместе с Астрид. У нас текли слюнки от предвкушения большого бесплатного развлечения. В ресторане морячок нализался, и атмосфера стала более, чем оживленной. Он положил на стол свой бумажник, который, казалось, вот-вот лопнет. Загипнотизированные, мы уставились на него вытаращенными глазами. Мы еле справились с соблазном протянуть руку и схватить его. В Гамбурге моряки, засиживавшиеся за выпивкой до утра, становились жертвами карманников и обслуживающей бары братии. Если уж кому можно было пощипать перышки, так это нашему морячку.

Он вышел на несколько минут из-за стола, и мы с Джоном использовали его отсутствие, чтобы потолковать об одной хорошей идее, и, надо сказать, мы достигли взаимопонимания. Однако Пол и Джордж были более нерешительны, напоминая нам об опасности подобной операции.

— Да ведь это же настоящий простофиля! — твердили мы с Джоном. — Все, что от нас требуется по выходе отсюда — это проводить его до какого-нибудь тихого местечка, там его поприжать, отдубасить чуток, и его бумажник — наш.

Пол и Джордж не были в этом уверены, но все-таки, скрипя сердце, согласились поучаствовать.

Было около четырех часов утра, когда наш морячок решил, что вечеринка окончена и собрался отправиться спать домой на поезде (мы так никогда и не узнали, куда).

Все вчетвером, мы вышли на ноябрьский лютый мороз, делая вид, что собрались проводить его до вокзала. Наш путь пересекал несколько автостоянок. План заключался в том, чтобы сделать морячку подножку, немножко его оттузить, расстегнуть куртку и, достав бумажник, умчаться на всех парусах. Но каждый раз, как нам казалось, что настал подходящий момент, что-нибудь мешало, откладывая исполнение нашего плана: внезапно возникавший откуда ни возьмись прохожий, заставлял нас продолжать путь вместе с нашей жертвой, как будто ничего не происходило.

С приближением к одному закоулку, как нельзя более подходившему для небольшой потасовки, Пол и Джордж несколько поотстали, однако Джон и я не собирались упускать нашего морячка. До нас доносились стенания Джорджа, жаловавшегося на усталость. Оба отставали все больше и больше, пока мы наконец не услышали долетевшее из ночной тьмы:

— Чао, ребята!

Перетрусив, Пол и Джордж сматывали удочки!

Мы приближались к вокзалу, и время начинало поджимать, если мы хотели осуществить задуманное. Нужно было действовать быстро. Неожиданно у входа на автостоянку Джон и я собрались с духом и прижали нашего матроса к стене у самых ворот. Он сразу понял, что ему предстоит. Несмотря на весь тот алкоголь, который он поглотил в течение вечера, он совсем не казался пьяным. Он отбивался, как бешеный. Джон ему врезал как следует кулаком, отчего он упал на колени, тогда как я пытался добраться до его бумажника. Но это было не так-то просто. Морячок явно был тертый калач, и контратаковал нас с упорством человека, повидавшего немало в разных частях света. Он очень быстро оказался на ногах. Леннон получил такой пинок, что отлетел на несколько метров. Затем морячок принялся за меня. Тем не менее, в свалке я старался овладеть его бумажником. Но в тот момент, когда Леннон снова поднялся, морячок сунул руку в задний карман, и в слабом свете раннего зимнего утра мы различили зловещий контур револьвера!

Невозможно было понять, был ли то газовый пистолет, или же оружие, стрелявшее настоящими пулями, да и не время было проверять. В мгновение ока его пальцы оказались на спусковом крючке, готовые произвести выстрел.

Джон и я, как два быка, головой вперед бросились на него, больше следуя инстинкту самосохранения, чем из героизма, сбили его с ног и прижали к земле в тот самый момент, когда раздался выстрел!

В ночной тишине выстрелы оглушали, переворачивали все чувства. Мы с Джоном молотили нашего моряка, по чему придется, пока не настала его очередь. Все, чего нам хотелось в тот момент, — это смыться. Броситься наутек со всех ног. Пистолет оказался газовым, и мы чувствовали ужасную резь в глазах. На бегу стало только хуже. Морячок выстрелил еще раза четыре или пять в нашем направлении, но мы уже были на безопасном расстоянии и даже не обернулись узнать, поднялся ли он и не собирается ли нас преследовать.

Мы неслись, как бешеные, по улицам Гамбурга, не останавливаясь даже чтобы перевести дух, пока наш топот не растаял наконец в тишине раннего утра.

Мы покрыли расстояние в четыре километра, прежде чем достигли Гроссе Фрайхайт; наши легкие готовы были разорваться. Ввалившись в комнату Джона за «Бамби Кино», мы рухнули. Джордж и Пол были там, с нетерпением ожидая подробного рассказа о драке, но также и рассчитывая на свою долю добычи.

— Сколько у тебя? — поинтересовался Джордж со своей кровати.

— Ни единого паскудного гроша! — выдавил Леннон с несчастным видом.

— Но зато мы получили хорошую взбучку! Расквашенный нос и парочку фингалов, — ответил я, тоже совершенно убитый.

Затем я поведал им душераздирающую историю о нашем великом сражении: об ударах головой, полученных морячком, когда он захотел нас развлечь своей газовой игрушкой; о том, как я уронил бумажник в свалке, и как морячок снова им завладел. Двое других битлов не выразили ни малейшего сострадания. Они едва сдерживались, чтобы не расхохотаться. Единственный шаг, предпринятый БИТЛЗ на пути искателей фортуны, завершился полным фиаско. Наше дыхание постепенно восстанавливалось, пока мы подсчитывали потери, вроде порванных джинсов, и приходили к убеждению, что это еще далеко не конец.

Слезоточивый газ все еще ел глаза, но это было гораздо лучше, чем предвкушение расплаты. Наш матрос, конечно же, не забудет так просто четырех «скузеров», которых он столь любезно пригласил на ужин, — парней, которые выдавали такую прекрасную музыку, и которые нашли воистину уникальный способ его отблагодарить. Мы были уверены, что он вернется с

бандой дружков, чтобы спустить с нас шкуру.

Леннон и я ложились спать в полном оцепенении. Я вернулся в темноту своей каморки, и единственной моей мыслью перед тем как заснуть, была та, что завтра мы предстанем перед нашим Последним судом!

Весь следующий день мы с Ленноном были на взводе и бросали вокруг пытливые и подозрительные взгляды. На сцене мы каждую минуту ждали появления в толпе нашего матросика, со стиснутыми зубами прорывающегося к нам. Но он никогда больше не вернулся. Слава Богу, никакие пиратские банды, жаждавшие крови Джона Леннона и Пита Беста, не брали «Кайзеркеллер» на абордаж ни этим вечером, ни на другой день, ни, тем более, в последующие дни.

Наши опасения понемногу рассеялись, и жизнь вернулась в нормальное русло (если только жизнь в Сент-Паули можно считать нормальной). Моряк, может быть, снова отправился в плавание, и у него не было времени взять реванш. Как ни странно, за все то время, что мы провели в Гамбурге, он ни разу больше не появился.

Кажется трагической иронией, что двадцать лет спустя Джон нашел свою смерть от руки психа, которого он никогда не встречал и которому никогда не причинял ни малейшего зла. В течение тех четырех лет, что я его знал, я ни разу не слышал, чтобы он говорил о страхе смерти, даже после нашей ужасной стычки с матросом.

Мы гораздо больше были заняты нашей повседневной жизнью с ее насущными проблемами. Впервые мы были полностью свободны от родительского или школьного надзора, и впились в жизнь мертвой хваткой. Но часто мы спрашивали себя, где можно раздобыть корку хлеба.

Был у нас один источник средств к существованию, которым мы дорожили больше всего. Стью и Астрид были теперь неразделимы, и друзья Стью становились друзьями Астрид. Иногда мы наведывались к ней, и ее мать время от времени кормила нас сэндвичами или еще чем-нибудь. Астрид была балованным ребенком, ходившим в художественный колледж. Декор ее комнаты представлял собой строгое сочетание черного с белым, вплоть до шелковых драпировок.

Ее фамилия была Кирххер, и, как это ни странно, она возникла в нашей жизни через посредство своего бывшего друга сердца Клауса Форманна, парня, приехавшего из Берлина, где его отец был известным физиком. Клаус тоже был очень талантливым художником: учась в Гамбурге, он зарабатывал на жизнь иллюстрированием журналов и оформлением конвертов

пластинок. Он также занимался на курсах фотографии, где и повстречал Астрид. Она уже тогда работала с фотографом, у которого училась. Общность интересов сблизила их, и с тех пор как они познакомились, Клаусу была предоставлена собственная комната в доме Астрид.

Ни тот, ни другая не были похожи на завсегдатаев Репербана, большинство из которых представляли собой точную нашу копию, одеваясь в черные куртки английских тедди-боев и не стесняясь драться под музыку. Клаус же и Астрид были верными последователями Сартра и экзистенциальной философии, что означает, согласно словарю, примерно следующее: «…человек в своей жизни должен руководствоваться лишь своими собственными желаниями и извлекать все возможное из настоящего момента». По названию их философии мы дали им прозвище «экзи». Оба они носили черные кожаные плащи, которые страшно нравились БИТЛЗ, и, в противоположность нашим волосам, зачесанным назад, Клаус носил челку.

Однажды Астрид и Клаус, гуляя в районе Сент-Паули, повздорили, и Клаус, чтобы утешиться, отправился один в сторону Гроссе Фрайхайт. Во время прогулки он был привлечен шумом, доносившимся из «Кайзеркеллера». Его производили «Рори Сторм энд Хэррикейнз». У нас в это время был перерыв, и мы расположились за одним из столиков.

Клаус уселся рядом с нами. Позднее он нам объяснил, что был привлечен видом пяти черных ливерпульских курток, причесок а-ля Элвис Пресли и забавных сценических костюмов, состоявших из коротеньких бело-серых пиджаков, дополненных черными рубашками и брюками, и еще — серыми туфлями с острыми носами. Мы считали, что выглядим, как все, но ему мы показались забавными. Тем не менее он оценил нашу музыку, когда снова подошла наша очередь играть, и в течение следующего перерыва попытался поговорить с нами, потрясая разрисованными им пластиночными конвертами. Никто ими особо не заинтересовался, кроме, может быть, Стью, которому как художнику они показались довольно любопытными.

Но мы, видимо, произвели впечатление на Клауса, потому что на следующий день он снова пришел на нас взглянуть, все еще в одиночестве. Он внимательно слушал наши песни, используя перерывы для того, чтобы поболтать с нами на ломаном английском. Он привел Астрид только на третий вечер. Мы узнали позже, что она не пришла в особый восторг от идеи поразвлечься в Сент-Паули: он был не совсем подходящим местом для «благородных девиц» из хороших семей. Как бы там ни было, она была очень красива в своей черной куртке,

контрастировавшей с удивительно бледной кожей и белокурыми, коротко остриженными волосами. Ей было двадцать два года — на три года больше, чем Стью. Она нашла, что мы — мистически притягательны, и с тех пор постоянно сидела вместе с Клаусом за нашим столиком. С глазами, вечно спрятанными за черными очками, Стью очень быстро стал для нее представлением № 1 из всех нас пятерых.

Это была любовь с первого взгляда — Астрид узнала его по нескольким фразам. Я никогда не вел серьезных разговоров об этом со Стью, но совершенно очевидно, что ее чувства встречали взаимность. Все слушали очень внимательно, несмотря на то, что Астрид не говорила по-английски: она заставляла Клауса играть роль переводчика.

Очень скоро Астрид настолько подружилась с БИТЛЗ, что попросила нас позировать для фотографий. Последовавшая за этим замечательная серия работ была позднее опубликована во всем мире: БИТЛЗ — на «русских горках» в парке аттракционов «Дом» (расположенном в верхней части Репербана); на свалке автомобилей РАФ в знаменитом военном автопарке, который был когда-то, во время второй Мировой войны, мишенью бомбардировок; на крышах и у входов домов. Она выполняла наши портреты в светлую, но пасмурную погоду (всегда придерживаясь своей излюбленной черно-белой темы), и эта манера была перенята в последующие годы официальными фотографами БИТЛЗ.

Мы все влюбились в кожаную одежду Астрид. Заразившись, Стью первым облачился в черную кожу. Немного спустя за ним последовал Джордж, купив по случаю у одного вышибалы куртку за 5 фунтов. Остальные поступили точно также, приобретя авиаторские куртки, которые прекрасно дополняли джинсы немыслимой узости и «сантьяги». И опять именно Джордж раскопал эти сапоги в одном магазине на Репербане и вызвал некоторую зависть, появившись обутым в черно-белую пару. Джон и я использовали первую же возможность, чтобы раздобыть такие же. Джон выбрал черные с золотом, тогда как мои были красными с черным. Пол, завоевавший репутацию довольно-таки прижимистого, только через некоторое время раскошелился на черные с голубым сапоги. И в довершение всего были куплены конфетно-розовые каскетки. Они казались нам незаменимым дополнением нашего шоу, но кончилось тем, что с ними решили расстаться.

Неудивительно, что после всех этих покупок мы и совсем разорились в пух.

Тем временем Астрид и Стью захватила безумная страсть.

Астрид, прежде всего, попросила Клауса хоть немного научить ее английскому, чтобы общаться с нами, и в особенности со Стью, — он вытеснил Клауса из ее сердца, и, уж не знаю как им удавалось, но они общались при помощи англо-немецкого словаря. Клаус, тем не менее, остался добрым другом БИТЛЗ. В середине 60-х он приехал в Англию, чтобы играть в группе под названием «Пэдди, Клаус и Гибсон» (Пэдди и Гибсон тоже были из обоймы ливерпульских групп). Они записались на фирме «Пай», но не блеснули в хит-парадах. В 1966 году Клаус разрисовал конверт альбома БИТЛЗ «Револьвер» и оформил интерьер роскошного дома, который Джордж Харрисон купил в Уэйбридже, Суррей.

Между тем, первые признаки успеха были еще очень далеки, а в настоящем БИТЛЗ изо дня в день жили в Гамбурге и цеплялись друг за друга, чтобы выбраться из сложившейся ситуации со своими не слишком перегруженными карманами. Мы опускались все ниже и ниже, и с каждым часом все шло хуже и хуже; Бруно Кошмайдер переполнил чашу нашего терпения своими невыполняемыми обещаниями и своей тевтонской тиранией.

В субботу он выдавал нам мизерную плату, и идеей «фикс» у БИТЛЗ было потратить ее как можно быстрее на выпивку, чтобы хоть как-то уйти от суровой реальности. После спектакля мы редко спали в первые предрассветные часы, а утро воскресенья становилось для нас своего рода бегством от действительности.

Накачавшись алкоголем, мы шли на Рыбный рынок, располагавшийся на широкой площади у набережной Эльбы. Мы хохотали, дурачились — в общем, забавлялись на всю катушку, прежде чем снова подняться на сцену: с вечера нам опять предстояло вкалывать целую неделю.

Придя на рынок, мы начинали хватать рыбу с одних прилавков и перекладывать ее на другие, что приводило продавцов в великое замешательство, а БИТЛЗ — в безумный восторг, для которого у владельцев не было повода. Но черт возьми! Ведь БИТЛЗ выбирались на прогулку, чтобы совершенно оторваться.

В одно воскресенье — потерянное воскресенье! — основательно надравшись, мы совершили набег на набережную, в то место, где торговали всякого рода хламом. Мы начали бесплатно раздавать весь выставленный товар. Стала собираться толпа, чтобы поучаствовать в этом представлении. Даже владелец веселился в течение первых нескольких минут. Но его хорошее настроение начало портиться по мере того, как толпа разрасталась, а его изделия из кожи и бижутерия исчезали в мгновение ока, не принося ему ни единого пфеннига.

Он тут же попытался пресечь расхищение толпой его товаров и возместить потери, так как далеко не все возвращали ему захваченное. Его товарищи-продавцы хотели вмешаться, но им препятствовала сгрудившаяся толпа. Страсти накалялись, назревала драка, и мы обнаружили, что в ней участвуют и неизбежные вышибалы из гамбургских кафе, которые тоже вышли на утреннюю прогулку. Не колеблясь, они присоединились к нам, вооруженные своими резиновыми дубинками.

В несколько минут наша маленькая потасовка разрослась и превратилась в сражение. Сотни человек сцепились в драке по всему рынку. Получился настоящий грабеж: пластинки, проигрыватели, посуда, безделушки, картины, духи, продукты — в основном рыба — все, что можно найти на рынке под открытым небом, исчезало в мгновение ока.

Наконец, прикатила полиция, раздавая направо и налево удары дубинками и другими орудиями в том же роде. Рынок теперь походил на настоящее поле боя. И БИТЛЗ, испытывая крайнее смущение, решили испариться и спастись в своем любимом пристанище на набережной, откуда можно было наблюдать в качестве зрителей шумную сцену, удобно устроившись с добрым стаканчиком.

Было прямо как в кино: больше пятисот персонажей играли у нас на глазах в «полицейские и воры». Не знаю почему, но мы чувствовали себя совершенно непричастными к каше, которую заварили, и драма, разыгравшаяся перед нашими глазами, чрезвычайно нас забавляла. «Недвижные тела усеивали площадь!» Мы прозвали это сражение «Боем при Эль Аламо». Некоторые из сражавшихся покачивались, облепленные рыбой, что весьма обостряло чувство юмора БИТЛЗ. Мы просто-таки сгибались пополам.

Спокойствие было водворено, и полиция, не теряя времени, принялась нас разыскивать.

— Это все эти поганые БИТЛЗ устроили! — объявил владелец прилавка, за которым мы играли в «Санта-Клауса».

Наш смех прервался только тогда, когда полиция собралась нас арестовывать.

— Это была шутка, просто ради развлечения! — протестовали мы.

Ведь не только мы были ответственны за весь последующий тарарам и грабеж. К тому же нам нужно было быть в клубе этим вечером — мы не могли обманывать клиентов.

К нашему изумлению, полиция оказалась весьма снисходительной. Мы могли оставаться на свободе, если брались возместить все потери владельцам прилавков. Многие из них

нагрели руки на украденных товарах, сумев-таки поиметь свою выгоду.

Этот штраф нанес удар по самому нашему больному месту: по карману. Мы остались без единого гроша. Последним нашим шансом было стряхнуть нужную сумму с друзей-вышибал. Они скинулись и быстро собрали 50 фунтов, покрывших недостачу. И в следующее воскресенье мы вернулись на Рыбный рынок, однако уже в образе этаких застенчивых БИТЛЗ, тихих, миролюбивых и воспитанных. Никакого буйства, никаких драк: абсолютно безопасные БИТЛЗ. Вот это было воскресенье! Самое святое из всех пропавших воскресений.

Положение с нашими финансами по-прежнему было сложное. Необходимо было найти деньги, чтобы продолжать работать, необходимо было найти более сносное жилье, где бы можно было высыпаться вечером. Мы дошли до предела и решили бросить Бруно, не смотря на все серьезные последствия, которые это могло за собой повлечь.

Мы нашли союзника, носившего потрясающее имя: Энтони Эсмонд Шеридан МакГинити! (Ух!) Такое имя не так-то просто было бы написать светящимися неоновыми буквами; оно не пользовалось бы успехом в районе Сент-Паули. Но к тому времени он сменил несколько псевдонимов и теперь назывался просто: Тони Шеридан. Эта встреча оказалась важным событием на нашем пути к успеху.

5. Гамбургский крах

Тони Шеридан был родом из Норвича, Норфолк, — района, который не считался колыбелью рок-н-ролла. Но этот человек вызвал в Гамбурге ажиотаж своим пением и игрой на гитаре: этакий молодой волк из восточной Англии, жемчужина среди теплой мерсисайдской компании.

Точно так же, как Джон Леннон и Стью Сатклафф, Тони был когда-то студентом колледжа Искусств, но оставил занятия ради блеска рока.

В пятидесятых годах он предпринял поездку в Лондон, чтобы попытаться продать свой музыкальный талант в знаменитом кафе «Ту Айз» на Олд Кромптон Стрит в Сохо. Кафе всегда было битком набито, и Тони начал привлекать внимание посетителей. Там-то Бруно Кошмайдер, устроивший очередное сафари для поимки новых талантов, открыл Тони и привез его в Гамбург, в «Кайзеркеллер».

Тони стал популярен гораздо раньше нас, вместе с «Шедоуз» и никогда не контактировал с БИТЛЗ. Осенью 1958 года Клифф Ричард первым снискал славу своим дебютным диском «Move It» и, чтобы заполнить вакансию в своей группе (известной в то время под названием «Drifters»,[9] но позднее перекрещенную в «Шедоуз») он должен был найти другого гитариста для турне по Великобритании. Тем временем менеджер Клиффа Ричарда Джон Фостер, также совершивший небольшой рейд в Сохо и повстречавший там Тони Шеридана, решил ангажировать его, однако Тони не явился на свидание. Судьба распорядилась так, что Фостер встретил там другого человека — Хэнка Б. Марвина — и не раздумывая пригласил его в группу вместе с приятелем, Брюсом Уэлчем… Вот в этом и заключается жизнь, как я ее понимаю: быть в нужное время в нужном месте. Тони, по крайней мере, как нам казалось, поступал именно так: приехал в хорошее время и в прекрасное место — клуб «Топ Тен»,[10] как раз на углу Гроссе Фрайхайт и Репербана, без сомнения самый шикарный рок-клуб города.

За год до нашего приезда на месте «Топ Тена» находилось что-то вроде маленького цирка, зажатого между двумя «цитаделями» стриптиза низшего разряда. Главным аттракционом его считались дамы с обнаженной грудью, верхом на лошадях без седел скакавшие беспрерывно по кругу. Представление, честно говоря, казалось нам несколько пошловатым по сравнению с тем, что предлагалось в других местах Сент-Паули.

Это мнение разделял один молодой немец, которого звали

Петер Экхорн, купивший здание в 1959 году. Ему было всего двадцать лет, но он был очарован фантастическим началом рок-н-ролла, любимого миллионами молодых людей на Западе. Он с большим интересом наблюдал за тем, как рок делал грандиозные сборы в «Кайзеркеллере».

Не теряя времени, Экхорн вложил деньги в старый цирк, отослав одеваться дам вместе с их старыми клячами, чтобы все переделать в современный клуб, который он окрестил «Топ Теном». Он тоже сел на самолет и отправился в Англию, чтобы посмотреть на месте предмет изучения и поискать новые таланты.

Странно: казалось, что молодые немцы сами не способны играть этот род музыки; но, в конце концов, рок-н-ролл был американским изобретением, и вполне естественно, что англичанам было гораздо легче подражать американскому образцу, чем немцам, которые, помимо разницы в языке, не обладали ни достаточной экспрессией, ни подобной музыкальной традицией, которая сводилась у них либо к избитым мотивчикам, либо к великой лирике прошлого.

— Мне кажется, что рок — это то, что необходимо нашим молодым людям, — сказал нам Петер, когда мы познакомились. — Они слушают его на пластинках, но не так уж часто удается послушать живое исполнение.

Как раз перед тем, как мы водворились на Гроссе Фрайхайт, Экхорн уговорил Тони Шеридана покинуть Бруно Кошмайдера и перейти в «Топ Тен», и получить при этом больше денег и более приятную квартиру. Там-то мы и повстречали Тони, звезду местного значения, привлекавшую в клуб большие толпы. Тогда ему было девятнадцать лет. Он сразу же подружился с БИТЛЗ и представил нас Экхорну, который был всего лишь двумя-тремя годами старше нас, но который произвел на нас впечатление человека приветливого и знающего куда он идет и что делает.

«Топ Тен» нам понравился: главный зал был большим, с двойным, довольно низким, потолком, окрашенным в черное, и мог вместить от полутора до двух тысяч молодых людей в один вечер. Тони спал в дортуаре, хоть и не устланном ковром, в котором бы ноги утопали до колен, но все равно больше походившем на номер в четырехзвездочном отеле «Аделфи» в Ливерпуле, чем на наши ужасные конурки позади кинотеатра.

После примерно четырех месяцев конкуренции между двумя клубами на Гроссе Фрайхайт, наша репутация собирателей толп стала известна по всему Репербану, что весьма впечатляло Петера Экхорна.

— Почему бы вам не перейти играть ко мне? — спросил он нас однажды вечером, когда мы заскочили к нему во время

одного из перерывов. — Вы будете желанными гостями, когда бы не захотели прийти.

Он добавил, что положит нам 100 фунтов в день, а это означало на семь купюр в наших карманах больше каждый вечер. Это было предложение, от которого не отказываются, и мы решили поставить Бруно последний ультиматум: повышение, иначе мы уходим. В конце концов нас с «Кайзеркеллером» связывал лишь устный договор; и если Бруно не держал своего слова, что ж…

Проблема заключалась в том, чтобы поставить его в известность, не вызвав скандала. Мы вскоре обнаружили, что в этом нет необходимости: Бруно уже был осведомлен о наших планах дезертирства своим личным шпионом Георгом Штернером, гарсоном, который сопровождал нас от самой Англии в аллановском миниавтобусе. Сначала мы думали, что герр Штернер — свой человек, но вскоре по прибытии в Гамбург его поведение изменилось. Он был солидного роста, и я частенько видел, как люди пониже становились его жертвами. Помимо того, что он был одним из лучших вышибал у Бруно, он выполнял также роль переводчика и посредника между ним и БИТЛЗ. Он шпионил за нами для своего хозяина, в то же время прикидываясь нашим приятелем.

Кошмайдер метал громы и молнии. Он вызвал нас к себе, — не нужно было переводчика, чтобы понять, что он взбесился и отказывается платить нам больше, к тому же Пол и я уже довольно бегло говорили по-немецки. Угрозы сыпались, как из пулемета.

— Я вас пристрелю! — грохотал он.

Собирался он это сделать действительно или нет, — угроза была воспринята серьезно. Он намекал на одну «ужасную» банду наемников, всегда готовую со своими дубинками, ножами и другими игрушками в том же роде сослужить ему хорошую службу.

— Если вы от меня и уйдете, вы никогда не будете играть в «Топ Тене»! — сказал он с угрожающим видом. — Понимайте как хотите, но помните: мои парни умеют создавать проблемы!

Он пообещал нам, что мы, как минимум, «кончим переломанными пальцами»! Его приспешникам, как мы прекрасно знали, не составило бы никакого труда переломать и ноги кому угодно по его просьбе. У нас не было выбора: нужно было рискнуть; в то же время мы успокаивали себя тем, что даже Бруно не настолько сумасшедший, чтобы отослать нас обратно в Ливерпуль в гробах. В тот момент мы тоже были очень злы. Когда он объявил нам, что разговор окончен, не пожелав принимать

никаких ультиматумов, Леннон заорал в бешенстве:

— Плевать мы на тебя хотели! Мы уходим в «Топ Тен»!

Больше не оставалось никаких вопросов, жребий был брошен. Эти последние дни в «Кайзеркеллере» были богаты событиями. Для начала я получил возможность отомстить шпиону Георгу Штернеру. Однажды во второй половине дня, во время репетиции — «Кайзеркеллер» был закрыт — мы привели с собой двух девочек. Утроили обычное веселье, за которым с интересом наблюдал Штернер. Потом девочки принялись танцевать, и я отплясывал рок-н-ролл с одной из них. Это пришлось Штернеру не по вкусу.

— Хватит скакать! — приказал он грубо.

— Минуточку! — бросил я ему, — кажется, наше свободное время не находится под твоим наблюдением!

Он влепил оплеуху другой девице, чтобы она ушла, и тут я взорвался:

— Ах ты, педик проклятый!

Я обвинил его в наушничестве, и в том, что он прикидывался нашим другом, одновременно донося на нас Бруно:

— Придется тебя отделать немножко!

Сведение счетов было неизбежным, если не со мной, то с кем-нибудь другим из нас. Я расплющил его в блин, за что получил от Бруно 5 фунтов также, как и другие БИТЛЗ, — чтобы мы «соблюдали конспирацию» насчет штернеровской неудачи.

После столкновения со Штернером, копы вдруг стали проявлять повышенный интерес к Джорджу Харрисону: они обнаружили, что ему всего семнадцать лет. Он получил приказ возвращаться к себе в Ливерпуль, поскольку был слишком молод, чтобы посещать Сент-Паули.

Он покидал нас, чуть не плача, совсем как маленький потерянный ребенок; создавалось полное впечатление, что после всего происшедшего кто-то «накапал» на него в полицию.

Тем не мене, ничто не могло помешать нам перейти в «Топ Тен», потому что нас все-таки было четверо, благодаря верности Стью. Трое из нас должны были со всей возможной осторожностью осуществить план переезда из «Бамби Кино» на новую квартиру. Леннон первым собрал пожитки и отплыл в направлении нашего нового порта приписки, находившегося в нескольких шагах, на Репербане. Ему удалось прибыть туда без всяких происшествий, и в многоярусной спальне, которую мы должны были разделить с Тони Шериданом, он завладел нижней кушеткой двухэтажной кровати.

Полу и мне предстоял более трудный переезд, поскольку, чтобы все собрать, нужно было возиться в полной темноте. В

отчаянии, мы изобрели новый метод освещения комнат, призванный помочь нам собирать багаж взрячую. Мы пришпилили четыре презерватива к старым обоям рядом с дверьми и подожгли. Пламя мерцало, презервативы потрескивали, распространяя в воздухе удушливый запах, но все же у нас было хоть немного света. Пока мы укладывались, презервативы почти целиком сгорели, и пламя успело сжечь часть полусгнившей стенной обшивки. Целые и невредимые, мы присоединились к Леннону в топтеновском минидортуаре, чувствуя себя, как военнопленные, сбежавшие из Кольдитца. Мы курили, смеялись и, как всегда единодушно, решили, что ловко провели Бруно. Джон уже устроился со всеми удобствами. Пол «свил гнездо» над кроватью Джона, что же касается меня, то я поместился на нижней кушетке другой двухэтажки. Тони Шеридан, взгромоздившись на верх еще одной лежанки, весьма способствовал оживлению атмосферы. В спальне был свет и вентиляция, там даже было окно! Мы с Полом словно воскресли в новом мире.

Когда мы впервые вышли на сцену «Топ Тена» настроение было по-прежнему приподнятое: мы принялись делать шоу, мы пили и смеялись во все горло, мы переваливались, как пингвины, под общие аплодисменты. В толпе мы заметили нескольких верных почитательниц БИТЛЗ, которые последовали за нами из «Кайзеркеллера», но время шло, а никаких признаков вторжения кошмайдеровского «ку клукс клана», жаждущего переломать нам пальцы или порвать пасть, не последовало. Конечно, вечер еще не закончился, но ведь Бруно грозился, что мы НИКОГДА не будем играть в «Топ Тене». Может быть, Петер Экхорн прибег к тем же методам устрашения и использовал такую же компанию вышибал, вполне способную наказать незваных гостей…

Обосновавшись в «Топ Тене», мы наконец-то почувствовали, что происходят перемены к лучшему: прекрасный зал, повышение платы, гораздо более сносные условия жилья. Но все это продолжалось очень недолго, и нашей мечте суждено было разбиться!

В тишину нашей спальни вторгся резкий шум в 5.30 утра — к концу нашей второй ночи в «Топ Тене». Мы едва ли успели проспать больше часа после долгого и тяжелого вечера работы, когда в глубину нашего самого сладкого сна внезапно ворвались крики.

— Пол МакКартни! Пит Бест! — орали два голоса.

Я протер глаза и приоткрыл их, щурясь и мигая. Кто-то зажег свет, и двое каких-то людей пытались стянуть Пола с его верхней койки. Они были похожи на копов, и скоро мы поняли, что так

оно и было: фараоны в штатском, двое плечистых верзил.

Пола все еще пытались достать, когда меня уже вытащили из постели и бросили на пол.

Леннон приподнял голову наполовину во сне и сонным голосом осведомился о том, «что происходит», а затем снова упал в объятия Морфея.

Тони Шеридан дрыгал ногами, но продолжал спать.

— Одевайтесь! — проворчал один из фараонов, на вид — настоящая горилла.

В ту безденежную пору пижамы были роскошью, которую БИТЛЗ не могли себе позволить — все мы спали в одних трусах.

— Одевайтесь! — завопил он опять.

В нетерпении двое полицейских подталкивали нас, пока мы пытались натянуть джинсы. Мы все еще старались нащупать ногами наши ковбойские сапоги, а они уже толкали нас к лестнице.

Теперь было начало декабря, и зимнее утро обдавало леденящим холодом, пока фараоны запихивали нас в полицейскую машину, стоявшую у тротуара. Что предстояло нам с Полом (то, что Джону ничего не предстояло, было очевидно) — вот вопрос, который звенел у нас в головах похоронным звоном. Мы начали протестовать, жаловаться на холод и просить дать нам время, чтобы собрать немного теплой одежды. Скрипя сердце полицейские позволили нам взять кое-что из вещей для более успешной борьбы со смертельным морозом и сунуть в карманы какую-то мелочь. Потом нас опять, как убойный скот, загрузили в машину, и немедля отвезли прямиком в полицейское отделение на Репербане.

Нас грубо втолкнули внутрь и бросили на скамейку, на которой мы изнывали больше получаса в тишине, прерываемой лишь сварливыми замечаниями, в частности, все время повторявшимся «инцидент в „Бамби Кино“». Мы с Полом решили прикинуться глухими и наивными. Не мог же, в самом деле, загоревшийся кусок старой обивки перерасти в «инцидент».

Наконец, один из полицейских комиссариата, с виду чином повыше, чем другие, отвел нас в совершенно пустое помещение, огражденное решеткой и освещенное одной-единственной голой лампочкой. Больше часа он нам вкручивал мозги, приставая с расспросами насчет «инцидента в „Бамби Кино“». Может быть, допрос не длился бы так долго, если бы комиссар лучше знал английский. Впрочем, из всего сказанного явствовало одно: он был убежден в нашей виновности.

— Я обвиняю вас в том, что вы спровоцировали инцидент в кинотеатре, — заключил он, добавив, что истцом является некто

Бруно Кошмайдер: это нас не слишком удивило. Но первоначальное спокойствие мгновенно было утрачено. И Пол, и я, оба мы начали дергаться, когда поняли всю серьезность ситуации. Нужно было найти какой-нибудь выход; в конце концов, мы не являлись германскими гражданами, и они не имели права так поступать с нами. У нас оставался единственный шанс.

— Можем мы позвонить британскому консулу? — спросил я.

— Не можете, — отрезал офицер.

Несмотря на квазиарктический холод, мы были все в испарине, когда пришел полицейский врач. Он устроил нам небольшой осмотр с раздеванием до пояса и заставил несколько раз кашлянуть. Потом мы были официально обвинены в совершении преступления, после чего офицер несколько обнадежил нас, объявив, что процедура окончена и мы можем идти.

Снова появились люди в штатском и опять затолкали нас в полицейскую машину. «А! Тем лучше, — думали мы, — наконец-то мы приедем к себе, в наши теплые постельки, и сможем наконец выспаться». Однако мы утешались недолго.

— Ведь мы едем не к «Топ Тену»! — вскричал Пол, опомнившись и разглядывая непривычный пейзаж, проплывавший за окном. И точно, мы направлялись к центральной гамбургской тюрьме, с ее высокими кирпичными стенами и двойными железными воротами.

Ворота распахнулись, и, когда машина въехала, захлопнулись за ней с мрачным металлическим скрежетом, говорившим нам о том, что теперь мы отрезаны от цивилизации.

«Получив» нас, — по другому не скажешь! — они сняли с нас куртки и пояса: это чтобы мы не могли покончить с собой. Затем, зажав с двух сторон, они силой повели нас по темным коридорам мимо зловещих зарешеченных камер, в которых сидели люди в полосатых пижамах.

Наконец нас привели в одну из камер третьего этажа, вся меблировка которой состояла из двухместных нар. Не считая двери, там было всего одно-единственное отверстие, а именно зарешеченное окошко на высоте трех метров от пола, пропускавшее с улицы ледяной воздух. Дверь за нами захлопнулась, и нас оставили одних.

Мы с Полом были совершенно раздавлены. Вероятно, это был конец. Тюряга! Если у БИТЛЗ и было какое-то будущее, то теперь оно представлялось нам в самых мрачных красках. Мы были в полном отчаяньи; совершенно измочаленные, мы повалились на койки. Но ни о каком сне, который позволил бы нам отдохнуть и

забыть о действительности, не могло быть и речи. Дверь распахнулась, и появился тюремный охранник, сжимая пистолет:

— Не ложиться на кушетки! — приказал он хмуро. — Оставаться сидеть, — продолжал он, делая жест рукой. — Ноги — на землю! Руки — по сторонам кроватей!..

Мы сделали, как он сказал, и он ушел, снова нас заперев. Так мы и остались сидеть, как два идиота, в полном молчании и без всякой надежды.

Приблизительно через час, когда у нас затекли конечности от неподвижного сидения, и скука нас одолела, мы догадались забраться на верхнюю койку и выглянуть из окна. Внизу, во дворе, арестанты ходили по кругу: кругом и кругом; мы наблюдали за этим без всякого энтузиазма. Может быть, мы присоединимся к ним в недалеком будущем…

Мы были заперты уже почти три часа, когда ключ в замке повернулся, и мы снова увидели двух горилл, так нагло прервавших наш сон в «Топ Тене». Нас снова грубо проволокли к тюремному входу, где нам возвратили куртки и пояса и еще раз бесцеремонно засунули в полицейскую машину.

По дороге мы поняли, что опять едем не в «Топ Тен». Нас везли в аэропорт.

— Зачем? — спрашивали мы оба, но никто не пожелал отвечать на наши вопросы.

Только по прибытии в зал аэропорта одна из горилл заговорила:

— Вы возвращаетесь в Англию, — было объявлено, в то время как пассажиры разглядывали двух огородных чучел, явно нуждающихся в бритье и конвоируемых малопривлекательными молодцами милитаристского вида.

— Но ведь у нас нет паспортов, нет вещей, нет денег — только мелочь, — запротестовали мы.

Но они были всецело поглощены административными формальностями. Пока мы набирались горького опыта первого тюремного заключения, они вернулись в «Топ Тен», собрали наши вещи, достали паспорта, короче, запаслись всем необходимым. Это была демонстрация силы, которую Германия решила применить к людям, сочтенным ею нежелательными персонами.

— Вы возвращаетесь к себе на средства германского правительства, — сказала одна из горилл самодовольно, — и вы никогда больше не сможете вернуться в Германию!

В этот момент Пол неожиданно бросился к телефонной кабине, оторвавшись от нашего эскорта. Я ринулся следом и втиснулся в кабину между ним и дверью, решительно оставив наших горилл жестикулировать снаружи. Они злились все больше

и больше, привлекая взгляды начавшей собираться толпы любопытных. МакКартни нашел в кармане достаточно монет, чтобы дозвониться до британского консула и лихорадочно выложить ему всю нашу историю. Но консул как нельзя более задушевно ему объяснил, что не может помочь в настоящий момент, и что лучшее, что мы можем сделать, — это вернуться в Англию, как того хотят немцы, и подавать жалобу уже оттуда.

Гориллам наконец удалось открыть дверь и вытащить нас из кабины. Пол даже не успел повесить трубку, и она осталась болтаться на проводе. Они волокли нас насильно аж до взлетной полосы, а один из них сопровождал нас до трапа самолета. Стюардесса стала проверять документы, и ей были вручены наши паспорта.

Мы плюхнулись на свои места, как два измученных преступника, — на некоторых пассажиров мы явно произвели именно такое впечатление. Хотя мелькнул все же один солнечный луч среди всех этих черных дел: нам принесли еду, так что мы могли немного утолить голод, терзавший нас после сегодняшних испытаний.

Была уже вторая половина дня, когда самолет приземлился в аэропорту Хитроу. Нам вернули паспорта, и мы прошли таможню без всяких осложнений — действительно без всяких, то есть с пустыми руками, потому что почти весь наш багаж по-прежнему находился в «Топ Тене», в Гамбурге. В карманах у нас оказалось что-то около 15 шиллингов в пересчете — нам пришлось менять в банке аэропорта немецкие пфенниги.

Автобус аэрокомпании довез нас до конечной остановки в Вест-Лондоне, а оттуда мы добирались своим ходом до Юстонского вокзала, практически без гроша в кармане, между тем уже начинали сгущаться сумерки. Оттуда мы позвонили домой: Пол — отцу, а я — Мо. Они выслушали трагический рассказ о нашей депортации и поспешили прислать телеграфный перевод в почтовое бюро Юстона, чтобы мы могли купить билеты до Ливерпуля. Перевод пришел спустя довольно много времени, и мы истратили все оставшиеся деньги на чай и кофе в привокзальном буфете. В конце концов нам удалось успеть на последний ливерпульский поезд — тот, что идет со всеми остановками; на станцию Лайм Стрит[11] он прибыл около двух часов ночи, испустив последний вздох. Изнуренные и дрожащие от холода, едва способные говорить, Пол и я, оба взяли такси, рассчитывая, что родители за него заплатят, и отправились по домам.

Мо была поражена и даже шокирована, когда увидела меня в дверях дома № 8 по Хэйменс Грин.

— Это еще что за произведение искусства! — воскликнула она, разглядывая меня при свете лампочки, пока я стоял у входа, подавленный, в своей кожаной куртке, потертых джинсах и ковбойских сапогах. Перво-наперво я попросил ее заплатить за 6 километров проезда на такси. Потом, когда я рассказал ей всю нашу историю, она забеспокоилась.

— Это значит, что ты никогда больше не сможешь вернуться в Германию, — сказала она.

Перед смертью она часто вспоминала это приключение:

— Я боялась, что полиция так просто не оставит это дело и нагрянет в дом № 8, что мне совсем не улыбалось.

Она еще вспоминала, что я выглядел гораздо более худым, чем при отъезде: прямо «статуя отчаяния».

6. Возвращение в «Касбу» и снова отъезд

Удача повернулась к БИТЛЗ спиной. Декабрь месяц в Ливерпуле был суров, и не только из-за погоды. С тех пор как немецкие власти выставили нас с позором и скандалом, тянулся день за днем, а Пол и Джордж не подавали никаких признаков жизни.

Пол, кажется, стал учиться на водителя грузовика.

Что касается Леннона, то он еще некоторое время оставался в Германии и должен был присоединиться к нам через неделю; когда мы встретились, он, между прочим, поведал мне, что его замучила ностальгия. Точно также, как Пол и я, он приехал домой очень поздно и вынужден был будить свою тетю Мими, бросая камешки в окно ее комнаты.

Стью остался у Астрид. Он вернулся в Ливерпуль только в начале 1961 года, уже в разгаре января.

Казалось, что я гораздо больше других был озабочен тем, что предстояло БИТЛЗ в будущем. Очевидно, что наш завтрашний день оказался под вопросом; по меньшей мере нужно было попытаться вернуть снаряжение, которое нам пришлось оставить в «Топ Тене». Джон вернулся домой, шатаясь от усталости, но с гитарой за спиной, что же касается гитары Пола, то она осталась в Гамбурге, так же как и моя прекрасная установка: я спрашивал себя, увижу ли ее еще когда-нибудь. Мы с Мо взяли всю инициативу на себя и в отчаянье бесконечно звонили Петеру Экхорну. Он отнесся к нам с большим пониманием и пообещал отослать инструменты морем к нам на родину, как только будет возможность. Он был честным человеком. Несколько дней спустя он позвонил мне, чтобы сообщить, что все наше снаряжение упаковано, и груз отправляется ближайшим рейсом. Когда корабль прибыл в Ливерпуль, мы с Мо взяли такси — у нас не было в то время машины — и направились в Дингл,[12] где находилась таможня. Контейнер был таким огромным, что ни за что не влез бы в такси. Тогда мы с матерью принялись за работу и распаковали его прямо на набережной. Установка, гитара, усилители, личные вещи — все было свалено в такси; на набережной остались лишь обломки контейнера. Благодаря Петеру Экхорну первое препятствие было взято, и я почувствовал даже что-то вроде оптимизма. (Нечего и говорить, что германские власти не имели к этому никакого отношения: они нас больше не ждали, ведь мы находились на тевтонской территории незаконно;

что же касается копов, то они нас держали за пироманов, во всяком случае, Пола и меня. Запах горелого тянулся за нами из самого Гамбурга…)

По возвращении из Гамбурга Аллан Уильямс, под впечатлением от успеха «Топ Тена», решил в наше отсутствие, следуя по стопам Экхорна, создать идентичный клуб в Ливерпуле и даже более того, назвать его тоже «Топ Теном». Он должен был стать, ни много ни мало, меккой рока всего Мерсисайда, и основной его группой были избраны БИТЛЗ!

К несчастью, все эти великолепные планы растаяли, как дым. За неделю до открытия, в самом конце ноября — в тот момент, когда мы покидали «Кайзеркеллер» — из-за несчастного случая клуб был уничтожен. Случился пожар. Почему он возник, еще и сейчас остается тайной, но судебного дела не завели. Это был ужасный удар для Аллана; — мы тоже были ошеломлены, когда новость дошла до нас, ведь клуб предоставил бы идеальную сцену для развития наших талантов. Ничего не оставалось делать, как склеивать все по кускам и начинать с нуля, если мы хотели добиться известности.

Мне иногда приходит в голову, что «сага о БИТЛЗ» звучала бы совсем по-другому, не погибни аллановское заведение в огне. Мы, возможно, остались бы с ним, и клуб, конечно же, стал бы лучшим рок-клубом Ливерпуля.

Это факт, что мы плясали под дудку человека, заправлявшего нашими делами, человека, надо сказать, прекрасно осведомленного в делах поп-дискового бума; тем не менее у нас было очень мало шансов, что Брайан Эпстайн в поисках нашей сорокопятки, записанной в Гамбурге, возьмет нас под свое покровительство и переделает в «маленьких-паймальчиков-из-хороших-семей». Я бы даже сказал: весьма спорный вопрос, заменил бы меня Ринго Старр, или нет, ведь нам неслыханно повезло, что студия грамзаписи «Парлофон» подписала с нами контракт, — это и послужило причиной моего исключения. Мы прекрасно видели, что все нас избегают, хотя Аллан Уильямс признавался в 1980 году:

— Брайан Эпстайн был, вне всякого сомнения, самым невероятным везением для БИТЛЗ. Они покорили вместе с ним вершину славы, которой со мной, вероятно, не достигли бы. Он составлял одно целое с ними, и его решительность и его преданность в конечном счете вознесли их наверх. Возможно, я не обладал его стойкой уверенностью в их успех. Но я посеял те зерна, которые превратились в это чудо, и, таким образом, принял участие в том захватывающем десятилетии. Никто на свете не может у меня этого отнять.

Когда Аллан окончательно порвал с БИТЛЗ и передавал права Эпстайну, он буквально отделался от нас: о деньгах не было никакого разговора.

— Можешь их забирать, — сказал он Брайану Эпстайну, но на твоем месте я бы к ним и близко не подходил!

Аллан не принимал никакого участия в нашем воскресении к концу 1960 года.

Он очень мало интересовался нашей судьбой, совсем с нами не виделся. Нам нужно было снова завоевывать прочные позиции, но, в его глазах, было уже слишком поздно.

Наконец во второй половине декабря 1960 года мы собрались вместе — Джон, Пол, Джордж и я, — решив снова запустить битловский мотор. И достигли согласия. Как ни парадоксально, мы с Джорджем первыми проявили активность, бегая туда-сюда и стараясь, правда, без особого успеха, заключить контракты. Однако «Касба» все еще процветала, и Мо по доброте душевной пустила нас туда и позволила играть как раз перед Рождеством. Она заказала грандиозную афишу, на которой мы превратились в «знаменитых БИТЛЗ»! — вот как появилось выражение, с которым группе предстояло никогда не расставаться в будущем. Она включила нас в число групп, игравших на одной выпускной вечеринке. Успех клуба привлекал устроителей концертов, которые арендовали залы в «Касбе» и приглашали туда играть разные группы. Это навело Мо на мысль:

— А что, если нам самим наладить организацию концертов?

Сказано — сделано. И снова успешно. Билеты продавались прямо в «Касбе».

Пока мы были в Гамбурге, «Касба» пошла в гору. Три комнаты превратились в одну, уже без музыкального автомата, предоставлявшую достаточно места группам и приходившим послушать их посетителям.

Мы ангажировали на время еще одного битла, чье присутствие должно было всех убедить в том, что ансамбль играет в полном составе. Студент-химик Чес Ньюби играл на гитаре в моей прежней группе «Блэкджекс» до моего отъезда в Гамбург. Он был избран временным членом БИТЛЗ с тем условием, что уступит свое место Стью, если тот в один прекрасный день вернется из Гамбурга. По странному совпадению Чес был левшой, как и Пол, который в конце концов сам решил играть на басу вместо Стью, потому что единственный имевшийся бас был рассчитан на правшу и Чесу пришлось бы играть задом наперед.

Британская публика, собравшаяся в подвале моего дома, была потрясена, увидев нас впервые в «Деляйт Шоу». Мы валяли

дурака, прыгали, как лягушки, используя, в большинстве, те же акробатические приемы, которых требовал от нас Бруно во время нашего дебюта в «Индре». Касбовская публика ничего не упустила из зрелища нашего буйного помешательства; мало того, вопила и топала ногами вместе с нами. Девочки визжали и бросались на нас, чтобы получить автографы. Это был пролог к событиям, которым суждено было произойти позднее — искра, разгоревшаяся в будущем в пожар битломании.

Чес Ньюби всем сердцем старался не отстать от остальных, очень быстро привыкнув ко всему этому безобразию. Он был поражен всеобщим возбуждением, которое мы вызывали.

— Это было прямо как в кино, — сказал мне он, вспоминая прошлое много лет спустя, когда я встретился с ним в Ливерпуле во время подготовки этой книги. Сейчас он живет в Бирмингеме и работает в области промышленности, но он никогда не забывал времени, когда был одним из БИТЛЗ, пусть даже только временным членом.

— Словно все это было вчера, — говорил он, — у меня разболелись ноги, так я топал, но я наслаждался всем этим от начала до конца.

Чес участвовал вместе с нами в полудюжине концертов, в том числе в памятный вечер в «Литерленд Таун Холл» 27 декабря 1960 года — дата, считающаяся началом феномена битломании — всеобщей истерии, преследовавшей группу везде, где бы она ни появлялась.

Афиша сообщала, что мы прибыли «только что из Гамбурга»; это заставило думать некоторых новых фанов, осадивших нас после представления, будто мы — немцы. Нужно добавить, что наши черные кожаные куртки и сомнительного вкуса сапоги, в которые мы запихивали джинсы, весьма способствовали этой путанице. Некоторые охотники до автографов даже поздравили нас с нашим блестящим английским произношением: мы их поблагодарили, черкнув подписи на карточках.

Литерленд был настоящим событием среди всех битловских приключений. Зал вмещал до полутора тысяч человек. Мы, в общем-то, играли для того, чтобы люди могли танцевать, но, как только мы заиграли, все остановились, и толпа народа, вопя в исступлении бросилась к сцене, стараясь подобраться к нам поближе, чтобы получше нас рассмотреть. На концерт шли не за тем, чтобы орать: мы попали в газеты. То, что произошло в «Касбе», повторилось и в Литерлендской мэрии. Магия БИТЛЗ начинала действовать. Две другие группы, правда, посредственные, с которыми мы делили афишу, остались совершенно незамеченными.

Мы сорвали этим вечером просто королевскую кассу: 6 фунтов, то есть по фунту каждому; шестой пошел Фрэнку Гарнеру, служившему у Мо в «Касбе» вышибалой, которого мы время от времени использовали как шофера и перевозчика сценического оборудования.

Боб Вулер заключил этот исторический контракт. Железнодорожный служащий, он подал в отставку, чтобы стать диск-жокеем в злосчастном аллановском «Топ Тен Клабе». Это еще одно имя в длинном списке тех, кто сыграл первостепенную роль в головокружительном взлете БИТЛЗ. Боб не лез за словом в карман, когда речь шла о поп-музыке. Он работал диск-жокеем и вел танцевальные вечера во многих местах Ливерпуля и окрестностей. После несчастного случая в «Топ Тене», ему подыскал работу промоутер Брайан Келли — тот самый, который и нас пригласил в мэрию Литерленда.

Подробности концерта в Литерленде обсуждались позднее в одном из выпусков «Мерси Бит» — местной газеты, выходившей 2 раза в месяц, главным редактором которой в то время — летом 1961 года — был ее основатель, Билл Харри. Он тоже когда-то учился в Художественном колледже и хорошо знал Стью Сатклиффа и Джона Леннона. Статья на три колонки, содержавшая ряд высказываний Келли, была озаглавлена: «Человек, который открыл БИТЛЗ». Многие люди впоследствии оспаривали эту честь, но «Мерси Бит» подчеркивала в одной из статей, опубликованной где-то между 20 июня и 4 июля 1963 года, что Брайан Келли был первым промоутером, «действительно поверившим в судьбу группы», и что «первое представление в мэрии Литерленда явилось настоящим поворотным событием в карьере БИТЛЗ». (Что касается меня, то я всегда думал, что первой была Мо!) Келли говорил, что у него не было группы для этого важного представления в Литерленде, но случаю было угодно, чтобы ему позвонил перед самым Рождеством Боб Вулер и спас таким образом ситуацию. Мистер Келли продолжает:

— Боб Вулер сказал мне: «Я встретил одну группу в клубе „Джакаранда“ (мы там были не для того, чтобы играть, а просто убивали время); парни совершенно свободны, — продолжал он. — Они запросили восемь фунтов, вам это подойдет?» «Нет! Только не за такую цену! Группа ведь не привлечет достаточно народу, чтобы требовать такой гонорар…» Мы согласились на том, чтобы заплатить им шесть фунтов. Когда я увидел их в первый вечер, то совершенно обалдел. Их музыка пульсировала захватывающим, неистовым ритмом, и я прекрасно понял, что она принесет большой доход. Под конец вечера я приставил двух вышибал к дверям их уборной, чтобы не допустить туда других

импресарио, находившихся в зале. Я повидался с ними и договорился, что несколько месяцев они будут выступать исключительно у меня.

Сам Вулер описывал выступление БИТЛЗ в Литерленде как «необыкновенный вечер» в статье, написанной им для «Мерси Бит» и вышедшей между 31 августа и 14 сентября 1961 года. Когда его попросили объяснить наш головокружительный взлет, он ответил, что «это произошло потому, что мы воскресили подлинный рок-н-ролл, обязанный своим происхождением черным американским певцам». Он сказал также, что мы «… появились на сцене в тот самый момент, когда исполнители, вроде Клиффа Ричарда, изгнали из музыки какую бы то ни было жизненность; музыканты, как „Шедоуз“[13] и их многочисленные подражатели просто баловались электроникой. Их музыка была бездушной и была оттеснена настоящим динамизмом, оживляющим чувства. В БИТЛЗ есть священный огонь, от которого загораются толпы.» Он продолжал, описывая нас, как «настоящие динамо-машины во плоти и крови, выплескивающие невероятную энергию, генераторы неотразимого ритма». Он говорил о том, что мы — прекрасные музыканты и очень привлекательны физически. «Возьмем, к примеру, Пита Беста с его мрачным и суровым видом: он великолепен за своей установкой, ну прямо юный Джефф Чандлер».

Конечно же, все эти похвалы Вулера звучали для нас, как музыка (хоть он и забыл упомянуть имена других БИТЛЗ). Что касается меня, то я вовсе не был таким уж надутым, как он говорил, но готов признать, что улыбался, может быть, действительно меньше, чем другие. Честно говоря, я не вполне отдавал себе в этом отчета, потому что все свое внимание концентрировал на ритме, стуча, как бешеный. Загороженный установкой, я не мог поддерживать шутовство Джона с Полом. Признаться, я имел привычку играть с опущенными глазами, что заставляло неверно считать, будто я мрачен или стеснителен. Я был не таким уж сдержанным, но то, что я, как и Джордж Харрисон, принимал свою игру всерьез, — это факт. Улыбался я или нет, но я пользовался особым вниманием девушек.

Как и другие члены группы, я постоянно подвергался нападкам парней, которые (не без основания) считали, что мы отбиваем у них подружек.

После концерта в Литерленде наша популярность возросла, и стычки стали постоянными и практически неизбежными. Мы не могли даже спокойно выпить стакан в каком-нибудь пабе, без того чтобы быть атакованными «черными рубашками», разозленными потерей любовниц, и искавшими нас повсюду, где

бы мы ни играли. Однако насилие не достигало такого размаха, как в Гамбурге, где мы были свидетелями разборок между вышибалами, и каких разборок!

Стью вернулся в середине января. Его хрупкая фигура была просто идеальной мишенью для тедди-боев. Однажды вечером в «Институте Эйнтри»[14] Джордж, который был немногим выше Стью, спасся только благодаря проворству двух вышибал, примчавшихся на помощь. Драка была жаркая. Леннон как самый сильный всегда был готов вступиться, а я, как обычно, был вместе с ним. В силу обстоятельств, мы с ним стали чем-то вроде телохранителей Стью. Благодаря нашему удивительному успеху в Литерленде нам удалось заключить контракт на постоянные выступления в «Лэтом Холле». Там все разыгралось по привычному сценарию: компания хулиганов напала на Стью и задала ему настоящую трепку. В ту же секунду две девушки, наши фанатки, побежали во весь дух, чтобы сообщить нам печальную новость.

Танцевальная площадка «Лэтом Холла» была злачным местом: там царил террор. «Черные рубашки» только и ждали случая прижать Стью за кулисами. Как всегда, Джон и я бросились головой вперед в драку, отбили Стью, но и сами получили порядочное число ударов. Леннон сломал палец, дубася тедди-боя, и вынужден был некоторое время играть на гитаре с наложенной шиной.

В центре города, вдали об безумствующих толп, традиционный джаз заполнял кирпичные туннели «Каверны» и вырывался из дома № 10, разносясь сладкими аккордами по Мэтью Стрит. Но в январе 1961 года дирекция решила пригласить какую-нибудь из групп, плодившихся по всему городу и игравших новую музыку — «Мерси бит», а БИТЛЗ к тому времени уже вполне сформировались. Боб Вулер работал в «Каверне» ди джеем и был инициатором новых дневных представлений в этом сыром подвале, где царила невыносимая жара. Он привлекал туда молодежь, приходившую потанцевать или просто послушать что-нибудь новенькое. Многие из них тут же на месте уплетали сэндвичи.

В то же самое время Мо решила поговорить с владельцем «Каверны» Рэем МакФоллом. Она попыталась убедить его приглашать побольше рок-групп и заявила уверенным тоном, что если он пригласит одну такую группу — БИТЛЗ, — то ему останется только подсчитывать прибыль.

Боб Вулер, на которого произвел впечатление литерлендский вечер, тоже надоедал Рэю МакФоллу рассказами об этих неряхах, одетых в ковбойские сапоги и называемых БИТЛЗ. МакФолл в

конце концов капитулировал, и мы водворились в «Каверне», играя на первых порах в дневное время, тогда как по вечерам царил джаз. Это был еще один поворот в нашей карьере. Как и наши юные почитатели, мы между делом поедали бутерброды.

Уже где-то было написано, что большая часть нашего существования протекала под землей: сначала — «Касба», потом — гамбургские «Индра» и «Кайзеркеллер», и вот теперь — клуб «каверна», который точно отвечал своему названию.[15] Только лишь «Топ Тен» Петера Экхорна позволял нам играть над поверхностью земли.

Мэтью Стрит была стиснута высокими мрачными зданиями, служившими когда-то складами овощей и фруктов; это была узенькая улочка, имевшая свой неповторимый характер. Крошечная сцена «Каверны» располагалась в самом конце туннеля, зажатая между двумя сводчатыми входами, ведущими под землю.

Артистическая уборная за кулисами с одинаковым успехом могла бы служить сауной. Еще ужасней была нехватка свежего воздуха. Молодые люди, выстраивавшиеся в очередь, чтобы увидеть БИТЛЗ, набивались битком, так что вынуждены были есть свои сэндвичи в настоящей парилке; мы часто видели, как они падали в обморок, на что никто не обращал внимания. Жара была такая, что уже после десяти минут нашего энергичного выступления волосы у нас на головах слипались, а пот стекал по лицу за воротник. Даже потолок сочился смесью испарений с чешуйками краски — мы называли это «ливерпульской перхотью». Весь клуб, танцевавшая там молодежь и игравшие группы источали запах дезинфекции, которой щедро поливали все вокруг. Этот аромат был настолько стойким, что им несло за километр от любого завсегдатая «Каверны».

За первое выступление в клубе мы получили пять фунтов, которые нам нужно было поделить, однако большая часть этой суммы осела в кассе «Грейпса»,[16] маленького паба на Мэтью Стрит, который стал для обливавшихся потом БИТЛЗ неким оазисом в этой пустыне, воняющей дезинфекцией и овощами с фруктами.

Недели пролетали со скоростью света, вместе с контрактами на маленькие вечеринки и дневные шоу в «Каверне»: наша репутация повышалась. Мы часто говорили о Гамбурге, и у нас возникло что-то вроде ностальгии. Мы хотели вернуться туда. Нам очень недоставало Сент-Паули, не смотря на печальное завершение нашей первой поездки. Мы узнали, что Стью власти тоже недвусмысленно приказали покинуть страну, но без всяких неприятностей, — мы с Полом не могли этим похвастаться! И

теперь Стью больше, чем кто-либо другой хотел уехать, чтобы возвратиться в объятия Астрид, в которую он был все так же безумно влюблен. Мы не забыли ни дружбы Петера Экхорна, ни симпатичного «Топ Тена», в наших ушах все еще звучали слова: «Вы всегда будете желанными гостями». Однако, насколько мы знали, пункт обвинения нас с Полом в уголовном преступлении пока был в силе. Мы еще не забыли немецкого фараона, хваставшегося, что ноги нашей не будет больше на его родной земле. Вместе с Полом мы кое-что предприняли для того чтобы наш проступок был предан забвению. Мы написали в гамбургскую иммиграционную службу и повидались с немецким консулом в Ливерпуле, чтобы рассказать ему историю наших несчастий. В Гамбурге Петер Экхорн тоже не дремал: после небольшого расследования он нас успокоил. Единственное, что пострадало во время происшествия в «Бамби Кино», было куском старой обшивки, что мы и подтвердили. Нам стало известно, что Кошмайдер забрал свою жалобу: может, его заела совесть, — неизвестно. Во всяком случае, главный пункт обвинения отпал. Мы не могли не сказать о том, что все дело было в четырех несчастных презервативах, которые мы подожгли. Позднее Пол говорил:

— Даже если бы мы сожгли литры и литры бензина, здание не смогло бы сгореть: оно было каменным.

Самым важным в этой истории оказалось отсутствие официального разрешения на пребывание и работу в Германии. Болтовня Аллана Уильямса позволила нам съездить туда, но благодаря ей же все и закончилось таким образом.

Германский консул выслушал нас очень внимательно. Он расхохотался и сообщил нам приятную новость: мы снова свободные люди и можем спокойно возвращаться в Гамбург, не боясь никаких репрессий.

— Но на этот раз, — сказал он, улыбаясь, — не забудьте ни ваших виз, ни разрешения на работу!

В довершение всего 25 февраля Джордж Харрисон отпраздновал свой восемнадцатый день рождения и, таким образом, мог отныне работать в Сент-Паули, не боясь, что его сцапает полиция.

Мало-помалу я стал чем-то вроде временно исполняющего обязанности менеджера БИТЛЗ: выполнял всю бумажную работу и занимался всякими ежедневными мелочами. Остальные предоставили действовать мне, а Аллан Уильямс с течением времени и вовсе исчез из нашей жизни.

Я позвонил Петеру Экхорну в «Топ Тен», чтобы заручиться его обещанием новой встречи, и, как всегда, он сдержал слово. Он

пригласил нас в Гамбург в апреле. Он добавил, что Тони Шеридан все еще выступает в «Топ Тене» и будет указан на афише вместе с нами. БИТЛЗ приняли эту новость с радостью.

Незадолго до нашего второго вторжения в Гамбург, нам пришлось пережить то, что я до сих пор называю «ужасом Олдершота». Для нас Олдершот, в Хэмпшире, с его знаменитыми военными, представлялся очень отдаленным фортом. Мы, если не считать гамбургских поездок, по большей части работали в округе Ливерпуля, которая была нам хорошо знакома и где мы были уверены в том, что соберем толпу и заставим девочек визжать. Олдершот же предоставлял нам новые горизонты, новых знакомых и, как мы надеялись, новых фанов.

Промоутер, предоставивший нам этот последний в марте месяце контракт, звался Сэмом Личем. Для такого случая он приготовил миниавтобус, на котором гигантскими буквами было написано «Знаменитые БИТЛЗ». По дороге мы смеялись и дурачились. Мы страшно веселились и с нетерпением ждали, когда же нас, наконец, встретит толпа исступленной молодежи. Это было наше первое представление в Англии дальше ливерпульского района. Но как только мы приехали на место, улыбки с наших лиц испарились. Зал напоминал заброшенное бомбоубежище. Никаких афиш, превозносивших наши таланты, на дверях не было. Казалось, это не в малейшей степени не беспокоило Сэма.

— Люди и так знают, что вы приехали в Олдершот, — сказал он уверенно.

Двери распахнулись в 19.30, чтобы пропустить толпу… Какую там толпу! Никакой толпы не было. Даже ни один бездомный кот не забрел в эти двери!

— Ты уверен, что концерт назначен на сегодня, Сэм?

Он подтвердил это все с тем же беззаботным видом.

В 20.30 насчитали шесть молодых людей: все, как один, еле стояли на ногах.

— Не беспокойтесь, ребята, — ободрил нас Сэм после первой части концерта, завершившейся полным провалом.

Все наши попытки оживить это мрачное место окончились неудачей.

— Пропустите стаканчик, — предложил он великодушно, и мы заказали в баре темного пива, которое нам и принесли.

Мало-помалу число посетителей дошло аж до десяти, а потом и до двенадцати, пришли даже две девушки. Ничего не оставалось делать, как еще больше валять дурака. Прямо посреди одной из песен Джон с Джорджем напялили свои пальто и принялись вместе танцевать фокстрот, хотя вряд ли они слышали,

что играли остальные, также как и посетители (просто невозможно было назвать их публикой).

Буффонада продолжалась в течение всей второй части. Джон и Пол развлекались, давая петуха и вставляя в песни слова, которых там не было и в помине. Они перевирали даже припевы морских песен. Уж не знаю, что подумали зрители, но — какого черта! — мы веселились. Им же хуже, если они скучали, заплатив 3 шиллинга 6 пенсов за такую «замечательную» вечеринку, — кругленькая сумма по тем временам!

Наконец, слава богу, это испытание подошло к концу, и сконфуженный Сэм сообщил нам дурную новость:

— Простите, ребята, у меня не хватает денег, чтобы вам заплатить.

— Ты заинтересован в том, чтобы их найти, — оборвали мы его.

В конце концов он заплатил нам 12 фунтов, тогда как мы договаривались на 20.

В миниавтобусе по дороге обратно в Ливерпуль мы делали вид, будто его вообще не существует. Мы отомстили ему специфическим битловским способом: мертвым ледяным молчанием и суровыми мрачными лицами, со взглядами, устремленными в пустоту. После этого фиаско Сэм избегал нас в течение девяти месяцев. Мы так никогда больше и не получили остатка нашего гонорара; я, во всяком случае, не получал.

7. Битлз набирают обороты

Сент-Паули ничуть не изменился. Был апрель. Репербан все так же бурлил, а знакомые лица встречали нас весенними улыбками. До Гамбурга мы ехали на поезде и на корабле, таща с собой купленные по такому случаю вещи. Астрид на вокзале встречала Стью и остальных. Она была в сногсшибательном черном кожаном костюме, от которого мы все обалдели; брюки бросались в глаза прежде всего, и мы их взяли на заметку, чтобы в будущем «слизать». По прибытии в «Топ Тен» Петер Экхорн и Тони Шеридан, который теперь был представителем «местного колорита», жарко жали нам руки. Еще один перебежчик из «Кайзеркеллера» тоже находился в клубе: Хорст Фашер, жесткий парень, бывший чем-то вроде настоятеля в кошмайдеровском «братстве». Он все бросил и перешел к Экхорну на второстепенные роли. И наконец, — вот так сюрприз! — милая старушка Мутти, уборщица туалетов, тоже покинула Бруно, чтобы обосноваться в «Топ Тене».

Какой контраст по сравнению с грустной атмосферой разочарования нашей первой поездки! В нашем распоряжении были две двухъярусные кровати. Каждый выбрал себе место; Джордж Харрисон расположился прямо надо мной. Эта комната стала нашим домом в улучшенном варианте, и мы прожили в нем около трех месяцев — до начала июля. В самом деле, Петер расширил спальню, чтобы нам было просторней и даже сделал ванную. Мы вчетвером устроились здесь вместе с Тони, тогда как Стью вернулся жить к Астрид.

Стью первым из БИТЛЗ надел кожаные штаны; вместе с Астрид они, должно быть, были одними из первых в мире последователей бесполой моды. Они походили друг на друга даже своей бледной кожей.

Потребовалось очень немного времени, а именно времени на сбор средств, чтобы остальные БИТЛЗ последовали за ними, обтянув ноги черными кожаными дудочками, а затем разыскав пиджаки подлиннее и заменив ими авиаторские куртки, уже порядком пообносившиеся. По сравнению со стьюартовским и астридовским, наш прикид был еще длиннее.

Я первым купил себе удлиненную куртку, настоящий кожаный плащ, которую нашел в одной лавочке в самом конце Гроссе Фрайхайт. Когда Леннон ее увидел, ему немедленно потребовалась такая же.

— Супер! — сказал он. — Где ты ее оторвал и за сколько? Я заплатил за нее около 15 фунтов. На следующий день он наскреб

несколько марок и последовал моему примеру. Джордж не заставил себя ждать и вскоре выглядел в соответствии с нашим новым стилем, а вот Пол все никак не мог созреть. (Пол всегда предавался глубоким размышлениям, прежде чем расстаться со своими грошами. Например, он часто стрелял сигареты, но сам мог запросто достать из своей пачки всего одну штуку для себя, и не подумав предложить другим.)

Нам оставалось только одно. Мы продефилировали перед ним, дав понять, что теперь его очередь раскошелиться на длинную куртку. Мы без конца твердили ему:

— Ну вот, теперь у нас новый вид!

Но он все никак не мог решиться. В конце концов нам пришлось вмешаться и привести его в магазин почти насильно.

— Он хочет такой же плащ, как у нас, — сказали мы продавцу, — размер 38–40!

Мы часто смеялись над Полом из-за того что он всегда жмотничал. Мы так его задразнили, что он несколько раз решился сам первым за нас заплатить. Такое поведение не соответствовало его роли, он ведь обожал корчить из себя звезду и любил целиком владеть всеобщим вниманием одновременно и в жизни, и на сцене. Мне всегда казалось, что его самолюбие страдало, если кто-то из БИТЛЗ пользовался большим успехом, чем он.

Вскоре Стью, все также влюбленный в Астрид, сделался для БИТЛЗ козлом отпущения. Наши злые шуточки были для него настоящей пыткой, особенно когда мы начинали насмехаться над его исполнением известной вещи Элвиса «Love Me Tender». Астрид при этом всегда сидела в публике и смотрела своими прекрасными глазами на Стью, который пел исключительно для нее. Пока он с нежностью произносил слова песни, мы безжалостно издевались над ним:

— Он все еще влюблен, ребята!

— Да он просто фанатик!

— Посмотрите на этого Купидончика! У него из спины торчат стрелы!

— Эй! Дело-то не шуточное, кончайте паясничать!

В конце концов Стью, который принимал все это очень близко к сердцу, вопил:

— Заткните глотки, сволочи!

И мы предусмотрительно затыкались.

Мы издевались не только над его влюбленностью. Однажды вечером он явился в клуб с волосами, зачесанными на лоб. Астрид решила сама своей мастерской рукой создать новый образ, и Стью пришлось расплачиваться стрижкой, похожей на

стрижку Клауса Форманна, когда мы встретились с ним в наш первый приезд. Мы все решили, что это уже слишком и прямо-таки корчились от смеха, показывая пальцем на его челку, словно он был каким-то чудищем из ночного кошмара, с головой, круглой, как пуговица. Когда мы увидели его на следующий день, его волосы снова были зачесаны назад, как у Элвиса.

Видимо, Стью все же обсуждал проблему волос с Астрид в тесном семейном кругу, потому что какое-то время спустя он опять появился с челкой, словно дразня нас.

Скоро Джордж сделал то же самое: отпустил челку. Пришлось ждать пять месяцев — до сентября, прежде чем Джон и Пол «вступили в клуб длинноволосых», хотя их челки были относительно короткими: даже не доходили до бровей. Что касается меня, то я ничего не менял и продолжаю зачесывать волосы назад еще и сейчас. Никто из группы никогда не просил меня выдерживать тот же стиль: он не считался у нас обязательным. Даже Брайан Эпстайн, после того как взял нас под опеку несколько месяцев спустя, никогда не обязывал меня носить знаменитую стрижку, хоть я и был членом группы. Эта прическа вовсе не так уж редко встречалась и до того, как Астрид проделала свой маленький эксперимент с волосами Стью: половина мужского населения всего мира носила такую же, и некоторые народы даже предпочитали ее, например, индонезийцы, до тех пор, пока не стало обычаем неофициально называть ее «стрижкой БИТЛЗ».

Во время нашей второй поездки в Гамбург, у нас не возникало серьезных споров, за исключением нескольких незначительных и обычных для любой группы размолвок по поводу песен и аранжировок. Мы по-прежнему играли долгими часами и в течение вечера могли поспорить, но только по музыкальным вопросам, вроде «Кто будет петь соло следующий раз?», «Чего хотят фаны — быстрого рока или медленного?» и «Как петь, хором или нет?» Все эти неурядицы возникали из-за вещей малозначительных, казавшихся, однако, очень важными по вечерам, когда нервы были на пределе.

Это были длинные ночи напряженной работы, когда нам приходилось прибегать к помощи пилюль, которыми никто из БИТЛЗ не пользовался в первую поездку.

Вся эта жестикуляция и шутовство на сцене, и еще больше наша сумасшедшая бессонная жизнь, начинали оказывать на нас губительное действие. Бывали вечера, когда настроение совершенно падало, а веки слипались. Вот в такую-то одну ночь Тони Шеридан и предложил нам свою помощь, говоря:

— Вот штука, которая поможет вам продержаться в форме.

Он дал нам прелюдин — вид амфетамина. Вот так вот все это началось.

Я никогда не прибегал к помощи допинга, даже если меня пытались уломать. Лишняя бутылка пива вполне способна была помочь мне продержаться, — мы пили прямо на сцене и публика «Топ Тена» посылала нам алкоголь непрерывным потоком. Пиво составляло его основу, но в виде разнообразия мы могли выпить скотч, шнапс и даже водку. Пресловутое «Деляйт шоу» было особо «жаждовызывающим» фактором. Временами на сцене скапливалось бутылок и стаканов значительно больше, чем реквизитов. Опрокинутые во время экзерсисов «Деляйт шоу», они катались по сцене с оглушительным грохотом, на который сбегались гарсоны, чтобы убрать все это безобразие.

Как только наша старина Мутти узнала, что кое-кто из БИТЛЗ принимает стимулянты, она раздобыла их целый склад, уж не знаю где, и совала нам прямо в руки, как только мы спускались со сцены.

— Мальшики желяйт? — приставала она к нам со своим бьющим в уши акцентом. Если ее тайные запасы истощались, она просто указывала пальцем на какого-нибудь завсегдатая из публики, чтобы дать понять, что у него — или у нее — они есть.

Это была привычка, которой я категорически отказывался придерживаться. Пока стакан способен был меня взбодрить, я и не думал принимать наркотики. Но, в конце концов, самым важным было держаться на высоте, и прелюдин всегда был наготове.

Мы возобновили наши ежедневные «визиты вежливости» на Гербертштрассе, а силы все также восстанавливали с помощью корнфлекса в «Миссии моряков»; мы снова вернулись к НАШЕЙ гамбургской привычной жизни, за исключением того, что теперь, когда мы жили на последнем этаже, девушки не могли так просто проникнуть в наше обиталище, как когда-то в «Бамби кино». Волнующие ночи по-прежнему случались, но не в нашей спальне.

Эти дамы разрешили проблему, сами приглашая нас в другие места для наших забав и оргий за чужой счет, хоть времена «Индры» и «Кайзеркеллера» и прошли. В остальном, мало что изменилось: нас по-прежнему приглашали на обед, осыпали подарками.

Один раз я даже подвергся праведной мести ревнивого мужа.

Иногда по вечерам мы с Ленноном заруливали в одно заведеньице на Гроссе Фрайхайт, где выступала итальянская группа. Дополнительное удовольствие доставляла очаровательная компания официанток, среди которых мне сразу же приглянулась одна хорошенькая куколка.

Я с ней потрепался и пригласил на свидание в «Топ Тен». Она каждый раз обещала прийти и каждый раз откладывала, пока однажды я не заметил ее среди публики. Я подошел к ней в антракте, и вскоре мы были просто неразлучны. Все шло, как по маслу, до того дня, когда одна из сослуживиц моей подружки, накрывая мне на стол в ее баре, пока сама она занималась другими клиентами, сказала мне:

— Знаешь, она ведь замужем, ее муж — в тюрьме.

— Ну, если он там, значит, не о чем и беспокоиться, — усмехнулся я.

Она забыла мне сказать, что очень скоро его должны были освободить, но я получил предупреждение от еще одной девушки с Гроссе Фрайхайт, которая явно была ко мне неравнодушна. В припадке ревности она объявила, что, как только муж моей подружки выйдет из тюрьмы, она выложит ему все обо мне и о его жене.

— Это один из гамбургских громил, — сказала она внушительно.

Некоторое время спустя в «Топ Тене» я вдруг с ужасом заметил, что один тип с физиономией висельника нагло разглядывает меня в течение всего выступления БИТЛЗ. Прикованный к барабанной установке, я не мог избавиться от его взгляда. Как только я спустился со сцены после окончания нашего шоу, чтобы пропустить в баре стаканчик, он последовал за мной.

Я почувствовал, что должен что-то сказать. Мое «Привет! Как дела?» застряло у меня в горле: выражение его лица отнюдь не было дружеским.

— Это ты — барабанщик БИТЛЗ, — бросил он тоном, скорее утвердительным, чем вопросительным.

Я кивнул головой.

— Ты знаешь мою жену, — добавил он; я судорожно сглотнул слюну, уже представляя себя вдавленным в топтеновскую стену.

— Конец! — прошептал он. — Конец!

Это единственное слово и бешенство в его глазах были вполне доходчивы. Я смог только смиренно промолвить «О.К.» Казалось, этим вся история и завершится. Мы потеряли друг друга из виду в толпе народа, скопившегося в баре, и я был счастлив, что так легко отделался. Я думал: все, что от меня требуется, это просто зайти на Гроссе Фрайхайт и сказать его жене, что между нами все кончено.

Вышибала, стоявший в дверях ее клуба, казался встревоженным.

— Не входи, Пит, — умолял он меня, — ее муж тебя убьет!

— Мне нужно с ней повидаться, — ответил я, не придав

никакого значения его словам, поскольку уже встречался с мужем. — Это займет всего пять минут.

— Давай, я передам ей записку, — предложил вышибала по доброте душевной, но я прошмыгнул мимо него и разыскал свою официанточку. Когда она меня заметила, ее взгляд выразил ужас.

— Мой муж тебя может так отделать, что родные не узнают, — сказала она, обливаясь слезами.

В этот самый момент влетел вышибала, чтобы сообщить, что он видел мужа, который шел за мной по пятам от самого «Топ Тена».

— Быстро, — в мужской туалет и запирайся, — сказал он, — я тебе дам знать, когда можно будет выходить.

Я бросился в кабинку и примостился на ванночку, уперев ноги в дверь, чтобы их случайно не заметили. Так я прождал около получаса, стараясь не производить никакого шума, пока муж, дымясь от бешенства, повсюду меня разыскивал. Наконец, он решил прекратить поиски и уйти: я остался цел.

Я перекинулся несколькими словами с его женой и дал ей понять, что абсолютно необходимо, чтобы между нами все было кончено. Она была согласна больше не встречаться.

В том момент, когда я выходил, вышибала был занят своим фингалом, который получил, пытаясь задержать мужа, но тем не менее с присутствием духа сделал мне одно последнее предупреждение:

— Если этот тип еще хоть раз заметит, что ты здесь ошиваешься, он тебя изничтожит!

Я в этом ни секунды не сомневался.

Но на этом дело не кончилось, потому что после того памятного вечера девушка еще несколько раз приходила меня навестить в «Топ Тене», невзирая на своего мужа. Тот обнаружил себя двумя неделями позже — я заприметил его со сцены: даже с такого расстояния было видно, что он пьян и настроен драться. Он сразу же головой вперед с глазами, вылезшими из орбит, бросился ко мне, растолкал официантов ударами кулака, залез на стол, опрокинув стаканы, и наконец кое-как добрался до сцены.

БИТЛЗ как раз исполняли одну из песен. Опустив руку, я схватил бутылку, из числа тех, что всегда валялись на сцене, стараясь при этом не сбиться с ритма. По какой-то таинственной причине все остальные из группы принялись насвистывать, пока он приближался ко мне, тяня свои мускулистые ручищи к моей шее. Мне пришлось разбить бутылку о его череп, иначе он, в стельку пьяный, рухнул бы на меня и попытался задушить или ударить. Обмякнув, он даже растрогался и оперся о мое плечо, чтобы подняться. Слава богу, песня закончилась, и я мог

ретироваться. Я вскочил на ноги, и все вместе мы зигзагами бросились к бару, где каждый заплатил за себя, заказав по стакану. После этого случая я его больше никогда не видел… его жену, впрочем, — тоже.

Жизнь на Репербане редко заставляла скучать; мне вспоминается один из примечательных дней этой поездки, когда БИТЛЗ исполнили музыкальное сопровождение к генеральному сражению, произошедшему между солдатами канадской армии и персоналом «Топ Тена».

Канадская армия — не вся, конечно, но солидная часть: несколько сот человек, во всяком случае, — прибыла в город на отпуск и завладела всем Репербаном; десятки солдат оккупировали клуб, где мы играли. Это было ужасно: они накачались вином еще во время рейда в Дьепп. «Топ Тен» уже был битком набит, когда началось это вторжение — настоящий набег подгулявшей солдатни. Мы уже с таким сталкивались, и все же их количество нас поразило; эти типы вовсю горланили и хорохорились, однако никто из них не пожелал заплатить, когда подошло время.

Обычно вышибалы управлялись с помощью своих, столь опасных, дубинок или еще более опасных газовых пистолетов. Либо посетители платили в кассу, либо их избивали: одно из двух; как правило, солдаты кончали тем, что раскошеливались. Но на этот раз все было по-другому. Удары кулаков сыпались направо и налево во всех углах клуба: официанты и вышибалы уже не справлялись. Петер Экхорн, не теряя присутствия духа, послал за подкреплением — не за фараонами, а за другими вышибалами, представлявшими собой что-то вроде настоящей армии, которую поддерживали еще и множество гамбургских громил, наводнявших Сент Паули.

Маневр оказался успешным и виновники неприятностей были вытеснены на улицу, но, к несчастью, не только Петер Экхорн позвал на помощь подкрепление. Спасшиеся бегством квебекцы быстро собрали еще несколько сотен своих соотечественников и тут же направились прямиком к «Топ Тену», горя жаждой мести.

От Репербана до клуба было довольно далеко, и, когда стало известно, что контратака неизбежна, Экхорн решил встретить противника позади баррикады, спешно сооруженной его союзниками, в то время как БИТЛЗ продолжали играть рок-н-ролл, а посетители — танцевать. Столы нагромоздили в проходе, и экхорновские войска ожидали начала операции, укрывшись за ними. Шеридан, как и мы, все еще пытался петь, когда сражение началось: раздались крики, вой, грохот опрокидываемой мебели и звон разбитого стекла.

— О, господи! — вскричал Тони, останавливаясь. — Они хотят разнести весь клуб!

Мы храбро продолжали играть, когда вышибалы с солдатами опять оказались внутри клуба. Словно вторая Мировая война заново разгорелась в 1961 году. Когда свалка достигла апогея, посетители, заплатившие за музыку с танцами, нашли, что сражение — гораздо интересней, чем таланты Шеридана, Леннона, МакКартни и остальных БИТЛЗ.

Все это становилось небезопасным. Канадцы посрывали со стен и с витрин плакаты с нашими фотографиями, бутылки летали, как гранаты, во всех направлениях, а столы, нагроможденные в баррикаду, падали прямо в гущу наших людей.

— О, черт! Да они совсем спятили! — завопил Пол, когда канадцы принялись, ни много ни мало, поджигать баррикаду.

Совсем как генерал, ожидающий столкновения нос к носу с противником, Экхорн решил разыграть свою последнюю карту и пустить в ход артиллерию. Он отдал приказ двадцати вышибалам стрелять из газовых пистолетов, как только сонмища канадцев попробуют перелезть через баррикаду. Газ заполнил переднюю и вход в центральную залу; облака ядовитых испарений проникли внутрь, и даже нам начало есть глаза. Но зато Экхорн победил! Сражение закончилось воплями страдания, когда газ начал оказывать свое действие, полностью лишив гостей желания драться; они выбегали на свежий воздух, выволакивая раненых за ноги. Что кажется самым поразительным в истории с этой дракой, ожесточавшейся с каждой минутой все больше и больше и длившейся почти два часа, так это то, что полиция появилась только под занавес и арестовала тридцать убегавших канадцев.

Остаток ночи прошел очень быстро: перекурили и принялись подбирать осколки. Но Петер Экхорн не желал больше рисковать:

— Я уверен, что они этого так не оставят, — сказал он, — мы должны их встретить как подобает, если они вернуться.

Действительно, двое из них явились следующим вечером. Они были трезвы и вежливы.

— Мы пришли извиниться, — сказали они пристыженно.

Некоторое время спустя БИТЛЗ открыли новый вид представлений на Репербане. Мы отправлялись в верхний конец улицы и спускались оттуда до самого конца, играя… в чехарду! Мы скакали до посинения, не обращая внимания даже на светофоры. Иногда уже не было никаких сил перескакивать через спины, и мы валились на землю, как ватные. Публике понравилось наше представление, и немцы всех возрастов стали в нем участвовать, образуя позади нас длинную очередь играющих в чехарду: форменная психушка! На иных перекрестках фараоны,

посмеиваясь, останавливали поток машин, чтобы пропустить нас. Вообразите, что это было за зрелище, если принять во внимание оживленность движения и скопление народа! Впрочем, немцы привыкли к сумасшедшим выходкам БИТЛЗ.

Наша одежда, конечно, вгоняла нас в расход. В пасмурную погоду с моря тянуло влажностью, и из водосточных желобов Репербана на нас низвергалась вся пыль и грязь Гамбурга. Наши драные джинсы снова напоминали о том, что пора прибарахлиться.

В один прекрасный день мы подбили Пола, для разнообразия, напялить на голову раздобытую нами колониальную каску и промаршировать по Репербану как немецкий часовой, со шваброй вместо ружья на плече. Он закатал джинсы сантиметров на пятнадцать — они были слишком узки, чтобы можно было их засучить до колен — и принялся за дело. Он прошел строевым шагом метров тридцать до угла, а затем повернул обратно. Подбадриваемый нами, он безукоризненно чеканил шаг, а мы тем временем вопили «Зиг хайль!» Граждане города Гамбурга, проходя мимо, едва удостаивали его взглядом или пожимали плечами. Если мы их и шокировали, они этого никогда не показывали.

В награду Пол получил полную каску пива (выливавшегося сквозь вентиляционные отверстия), чтобы отпраздновать успех своего представления, однако с виду он, вроде, не пришел от этого в особый восторг.

Все эти проделки несколько поутихли, когда Синтия, все еще учившаяся в колледже, вместе с Дот, подружкой Пола, белокурой продавщицей, которую он встретил еще во времена «Касбы», приехали провести с нами несколько недель пасхальных каникул.

Астрид подружилась с Синтией и пригласила ее на несколько дней к Киркхеррам. Верная Мутти пустила Дот просто-напросто в баржу, где она сама жила, и иногда Син ночевала там же. Но в иные ночи девушки вместе поднимались в наш дортуар, и тогда нас с Джорджем просили не возвращаться на наши койки до четырех утра. Если же туристки, утомленные осмотром достопримечательностей, поднимались к нам после полудня, нас дипломатично просили «смотреть в другую сторону».

Днем Астрид возила девушек по магазинам на своем сером «Коксинелле». По вечерам они могли на выбор либо сидеть в «Топ Тене» и смотреть «Деляйт шоу» с участием Тони Шеридана по семь-восемь часов кряду, либо подниматься в дортуар, чтобы избавиться от адского шума. Когда они предпочитали оставаться наверху, Джон и Пол исчезали на некоторое время с представления и присоединялись к нам чуть позже.

Наши немецкие обожательницы не преминули заметить, что двое из их идолов предпочли им англичанок. Некоторые из них, особенно те, с которыми мы спали, посылали нам испепеляющие взгляды, а в момент аплодисментов хранили ледяное молчание.

Однажды вечером несколько молодых немцев, обнаружив, что Син и Дот — англичанки и не имея представления о цели их приезда, начали к ним приставать и приглашать за один из столиков. Поначалу все это выглядело вполне невинно, но наши англичаночки дали им понять, что оказанное внимание ни в малейшей степени их не интересует. Но немцы упорствовали и даже начали давать волю рукам. Пол, который часто играл на пианино во время нашего второго турне, не мог видеть, что происходит, загороженный Джоном и мной. Еще со времен «Касбы» Джон всегда бешено ревновал, если к Синтии проявляли излишнее внимание; если кто-то пытался с ней потрепаться, пока он играл, Леннон старался подавить дерзкого грозным взглядом. Спустившись со сцены, он заставлял самозванца убраться.

На этот раз в «Топ Тене» девушки, видимо, слегка испугались. По окончании номера, «адская парочка» (т. е. Леннон и я) бросилась на помощь, соскочив с эстрады. Джон разразился такой бранью, что потасовка казалась уже неизбежной.

— Не лезь не в свое дело, — сказал один из немцев вызывающим тоном, явно ища драки.

— Это моя подружка, с которой ты руки распускал, — ответил Джон злобно.

Немцы мгновенно поостыли, как только ситуация прояснилась; последовали извинения. Они приняли англичанок за туристок, желающих поразвлечься, и, больше того, добавили они, они сами являются фанатами БИТЛЗ, и им бы никогда в голову не пришло нас обижать.

После того как конфликт был улажен дипломатическим путем, официанты, ответственно отнесшиеся к своему заданию, не отходили от Син и Дот ни на шаг, словно сторожевые псы. Больше никаких проблем не возникало после этого недоразумения. А когда наши подружки возвратились восвояси, преданные фаны (то есть девушки) прекратили свой бойкот и снова вовсю улыбались нам.

Как это ни странно, мы ни разу не встретились с Бруно Кошмайдером; во время нашей недолгой отлучки в Ливерпуль, его ореол несколько потускнел. Вскоре после приезда мы, немного поколебавшись, пошли проведать «Кайзеркеллер»: он был похож на бар из города привидений. Там ничего не происходило, только несколько человек играли во флиппер у входа. Мы зашли в клуб и заметили, что число игровых автоматов

заметно возросло после нашего отъезда. В войне не на жизнь, а на смерть за успех в Сент-Паули Петер Экхорн выиграл еще одно сражение.

8. Джон, Пол, Джордж и Пит

К середине мая Стьюарт Сатклифф не мог больше выносить нашего сарказма; разрыв произошел однажды вечером, когда мы аккомпанировали Тони Шеридану. Пол, как всегда, играл для Тони на пианино и сказал что-то насчет Астрид, что, должно быть, больно задело Стью. У нас было обычным делом насмехаться над Стью и подвергать его терпение всякого рода испытаниям, но обычно он всего лишь огрызался. Хотя Стью по натуре был скорее миролюбивым, на этот раз — неизвестно что такое сказал Пол, мне этого так и не пришлось узнать, но, видимо, что-то, что его очень обидело, — он пришел в бешенство, отшвырнул гитару и, подскочив к пианино, так двинул Полу, что тот рухнул со своего табурета. Все это время Тони продолжал петь.

Пол и Стью катались по сцене, сцепившись в лютой схватке. У Тони сел голос, и он принялся хрипло выкрикивать слова своей песни.

Пол и Стью продолжали драться, колошматя друг друга что есть мочи еще минут пять; к концу песни они расцепились под аплодисменты зрителей. Те привыкли к притворным стычкам Джона с Полом во время «Деляйт шоу», но я все же сомневаюсь, что кто-нибудь мог обмануться настолько, чтобы поверить, будто эта драка была частью нашего выступления.

Буря поутихла, и Стью крикнул Полу:

— Никогда не говори больше ничего об Астрид, или я тебе башку сломаю.

— Что хочу, то и говорю! — ответил Пол.

Они продолжали переругиваться весь вечер; это было началом конца для Стью как члена БИТЛЗ. Для него настал решающий момент. Я думаю, что он отдалился от нас из-за своей любви к Астрид: она изменила его целиком, включая даже прическу; к тому же его далеко не блестящая игра на гитаре встречала со стороны Джона и Пола одну лишь критику. В конце концов Стью пришел к выводу, что ему придется оставить БИТЛЗ, вместе с доставававшимися ему каждый день нахлобучками: он подумывал об этом уже довольно давно. Его связь с Астрид полностью его удовлетворяла, и он думал даже жениться на ней чуть позже. То, что она на три года старше, его не трогало: они были двумя родственными душами, двумя художниками.

Его глубокая страсть к живописи еще больше отдаляла его от нас, — он хотел продолжить учебу в Гамбурге: не имело никакого смысла играть на бас-гитаре с бандой идиотов, вечно

издевавшихся над ним.

Тем не менее, наша дружба продолжалась и после пресловутой стычки с Полом, и когда последовало расставание, оно было дружеским и абсолютно свободным от всяких задних мыслей.

Разлука со Стью совпала по времени с началом нового этапа на нашем пути к славе: с появлением Берта Кемпферта и записью нашего первого диска.

Берт Кемпферт уже был известен во всем мире. Он дирижировал большим немецким эстрадно-симфоническим оркестром и сочинял к тому же песни, самая известная из которых в исполнении Фрэнка Синатры стала классикой — «Strangers In The Night». Кемпферту было тридцать, когда он стал появляться в «Топ Тене». Надо сказать, что по стилю он не совсем подходил для этого клуба. Он был музыкантом традиционного направления: за плечами у него стоял опыт работы с известными оркестрами Великобритании и Соединенных Штатов и исполнение таких стандартных вещей, как «Buy Buy Blues» и «Three O'Clock In The Morning» в стиле, весьма далеком от неистового ритма «Мерсибита», которым «Топ Тен» вибрировал до самого утра.

Как бы там ни было, Берт разыскивал таланты для немецкой студии грамзаписи «Полидор», так как параллельно занимался еще и продюсированием пластинок; для того, что он искал, подходил скорее Тони Шеридан, чем БИТЛЗ. Мы никогда не видели Берта в клубе и узнали о его присутствии только благодаря Петеру Экхорну. Впрочем, то, что мы делали, его в особый восторг не привело. Несколько лет спустя он объяснял это так:

— Было совершенно очевидно, что они очень талантливы, но никто, включая самих ребят, не знал как следует, что делать с таким талантом и к чему он приведет.

Тем не менее, было вполне естественно, что нас выбрали в аккомпаниаторы Тони, когда Берт решил пригласить его записаться на «Полидоре» в качестве соло-вокалиста. Тони ясно дал понять, что ему будет гораздо приятнее работать в студии вместе с нами, и в конце концов Берт мог уже составить о нас представление по инструментальной вещи «Cry For A Shadow», — вещице сомнительного происхождения, но все же нравившейся публике.

«Cry For A Shadow» была сделана в наш первый приезд в Гамбург, когда мы дурачились вместе с Рори Стормом. Джордж Харрисон состряпал ее практически за несколько минут, после того как к нам заскочил Рори во время одной из репетиций в

«Кайзеркеллере». Он сказал нам, что очень любит песню «Шедоуз» (аккомпаниаторов Клиффа Ричарда), называвшуюся «Frightened City».

— Вы умеете ее играть? — спросил Рори. — Что-то в этом роде, — добавил он, показав несколько первых аккордов.

Джордж начал наигрывать подобие вариации на тему мелодии «Шедоуз», отчего Рори заподозрил, что он над ним смеется. Леннон тут же присоединился к игре, а я начал отстукивать ритм. В результате получилась небольшая легко запоминающаяся вещица, совсем в стиле «Шедоуз», понравившаяся нам настолько, что мы включили ее в свой репертуар. Даже название, которое мы ей дали позднее, — «Cry For A Shadow» — было чем-то вроде каламбура. Таким образом, несомненный композиторский талант Джорджа Харрисона снискал себе первые лавры. Музыка всегда была для него прежде всего, — гораздо важнее девочек и выпивки. В течение долгих часов «Деляйт шоу» Джордж всегда очень ответственно подходил к своей задаче: качество звука, качество инструментов и конечный результат его очень и очень занимали. Он всегда старался совершенствоваться. В Гамбурге он купил новый усилитель «Гибсон», который в Великобритании в то время было невозможно найти. В Ливерпуле, между двумя турне, он приобрел также американскую гитару «Гретч» (каковой демарш Леннон тут же поспешил скопировать). И ко всем этим ценным приобретениям он добавил еще вибрато- (или тремоло) переключатель. И ни разу он не попросил, чтобы мы взяли на себя часть расходов. Каждый раз Джордж тратил собственные деньги ради нашего общего успеха.

И вот теперь талант Джорджа Харрисона заинтересовал великого Берта Кемпферта, и когда тот наведывался в «Топ Тен», то часто просил исполнить «Cry For A Shadow», что нас очень забавляло. В число его любимых вещей входили также «My Bonnie» и «The Saints» в исполнении Тони Шеридана, в оригинале называвшиеся «My Bonnie Lies Over The Ocean» и «When The Saints Go Marching In», и еще — переделанная Ленноном «Ain't She Sweet».

Мы были страшно возбуждены, узнав, что запись нашего первого диска назначена на конец мая, хоть нам и отводилась вторая роль аккомпаниаторов звезды — Тони Шеридана. Мы чувствовали, что это еще один шаг вперед, и, может быть, в студии — кто знает? — Берт обратит внимание на наше исполнение некоторых вещей, даже, возможно, наших собственных.

Незадолго до сеанса звукозаписи случилась еще одна

знаменитая стычка: на этот раз уже я сам подрался с нашим старым приятелем Тони Шериданом. Он долго приставал ко мне, требуя, чтобы я играл на ударных так, как нужно было ему, но я продолжал делать все по-своему. Он без конца твердил мне одно и то же, пока наконец в один прекрасный день не заявил:

— Следующий раз сделаешь, как я сказал!

— Иди-ка ты подальше! — ответил я.

Это его взбесило.

— О'кей! — рявкнул он. — Пойдем-ка, выйдем, разберемся с этим раз навсегда!

Вот как сам Тони описал эту сцену в одном из интервью для «New Musical Express» в 1964 году; могу лишь подтвердить его версию:

— День начался у нас где-то около двух часов пополудни, когда мы по обыкновению отправились поесть в «Миссию моряков». Потом, повстречав приятелей, мы вместе вернулись в клуб поиграть. Иногда мы играли по шесть часов подряд, а то и больше. На одном дыхании, не останавливаясь. Но однажды вечером все-таки пришлось остановиться. У нас с Питом Бестом возникло разногласие по поводу музыки, оно началось уже довольно давно и этим вечером достигло кульминации.

Мы прекратили играть прямо посреди одной из песен, готовые броситься друг на друга. Толпа подначивала нас криками. Но мы не могли сцепиться, пока клуб был открыт.

Мы забрались в темную узкую улочку, чтобы серьезно во всем разобраться. Наша драка продолжалась по меньшей мере два часа, но к концу ее мы снова стали лучшими в мире друзьями. Мы остаемся ими и сейчас, однако у меня еще сохранились шрамы. И Тони показал журналистам свои пальцы.

— Шрамы и красные рубцы, — продолжал он, — этот ожесточенный поединок напоминает о себе даже через три года!

Но более существенная проблема на тот момент была связана со Стью. Мы все сошлись на том, что он не будет участвовать в записи: все единогласно подтвердили, что Полу, которому и раньше случалось играть на басу, это дается гораздо лучше. Я думаю, Стью прекрасно понимал, как обстоят дела, и избавил нас от неприятной обязанности ставить его в известность о нашем решении. Ведь Стью хотел уйти из БИТЛЗ чтобы посвятить себя живописи и планировал остаться в Гамбурге после окончания связывавшего нас с «Топ Теном» контракта.

— Тебе решать, Стью, — был наш ответ, — ты же знаешь, что никто не хочет, чтобы ты ушел.

Но он уже все решил и не стал обращать внимания на все эти красивые слова, произносившиеся нами по такому случаю. Его

уход был назначен на определенный вечер. Никаких сомнений и колебаний, никаких вопросов и никакой горечи.

— Я подумывал об уходе уже довольно давно, — объяснил он, и это было все, что он сказал.

Но он продолжал нас навещать почти каждый вечер вместе с Астрид.

Когда великий день нашего дебюта настал, четверо БИТЛЗ отправились в студию «Полидор» около восьми часов утра, проведя в постели всего четыре часа. Под глазами у нас были синяки; должно быть, мы были похожи на зомби, когда пришли туда.

В студию? Я сказал «в студию»? Мы спрашивали себя, уж не ошиблись ли мы дорогой. Мы думали, что попадем в настоящую хорошо оснащенную студию звукозаписи: разве Берт не обладал известнейшим в шоу-бизнесе именем, и разве «Полидор» не был престижной фирмой, входившей в состав «Дойч Граммофон»? Вместо этого мы оказались в неприглядном школьном зале, с гигантской сценой и двумя рядами окон.

Звукозаписывающие аппараты находились за кулисами, мы же должны были играть позади Тони на сцене — так, как будто все это записывалось во время концерта. Это не могло быть тем местом, где великий Берт Кемпферт записывал свои романтические произведения для трубы. Это было невозможно! И тем не менее, по-видимому, это было так; во всяком случае Берт, похоже, был вполне удовлетворен такими условиями работы.

Осушив целую груду бутылок кока-колы, которая помогала нам проснуться, мы прилежно принялись снова и снова проигрывать «My Bonnie», меняя каждый раз вступление. Все, вроде бы, шло хорошо, пока Джордж Харрисон не уронил одну из бутылок колы, которая упала на сцену с таким грохотом, словно над нами разразился удар грома.

— Выкиньте вон все эти бутылки! — заорал Берт. — Этот дубль мог бы стать лучшим!

Он казался разгневанным, и все же мы нашли, что он отличный парень.

Все так же аккомпанируя Тони, мы записали еще «Saints», песню собственного сочинения под названием «Why» и одну вещь в более традиционном стиле, «If You Love Me, Baby (Take Out Some Insurance On Me, Baby)».

Нам была предоставлена возможность показать, на что мы способны, и Берт Кемпферт согласился даже послушать в нашем исполнении несколько композиций Леннона и МакКартни; надо сказать, они не заставили его прыгать от восторга. По его мнению, мир еще не был готов принять ни самих БИТЛЗ, ни их

композиции. Вместо этого он решил записать «Ain't She Sweet» в исполнении Джона и харрисоновскую пресловутую «Cry For A Shadow».

Берт не желал ничем рисковать, выпуская «My Bonnie — The Saints». Эти вещи были аранжированы лично Тони Шериданом. На обложке пластинки мы значились как «Бит Бразерс», так как Берту показалось, что слово «BEATLES» будет как-нибудь неправильно истолковано немцами. Во всяком случае, факт, что иные шутники и так называли нас «Peedles», очевидно, в связи с нашей небывалой активностью, поскольку жаргонное словечко «peedle» означает мужские половые органы.

«My Bonnie» и «The Saints» пользовались в Германии относительным успехом, в то время как две наши записи без Тони пылились где-то в архивах «Полидора». Они оставались там до тех пор, пока БИТЛЗ не сломали последние преграды на пути к мировому признанию.

Даже если бы Тони Шеридан продал миллион экземпляров своего диска, нам это ничуть не помогло бы разбогатеть, ведь нас во время записи использовали лишь как студийных музыкантов, за что мы и получили заранее оговоренную сумму: по 20 фунтов каждому; ни о каких авторских правах в контракте не было и речи. Мы потратили все деньги на выпивку в тот же вечер. Но зато это была та самая «My Bonnie», которая меньше чем через год привела к нам Брайана Эпстайна. Ему пришлось повидаться также и с Бертом Кемпфертом, потому что мы подписали с ним контракт на год. (У нас был еще один сеанс записи вместе с Тони, во время которого мы записали «Sweet Georgia Brown» и «Skinny Minny».) Но, какова бы ни была продолжительность контракта, — я, признаться, точно не помню, — Кемпферт аннулировал его в пользу Эпстайна.

Несколько лет спустя его спрашивали, не жалеет ли он об этом, но он отвечал, что совсем нет, и продолжал:

— Люди говорят мне: «Вы, должно быть, очень огорчены, ведь вы могли стать миллионером», на что я всегда отвечаю с улыбкой: «Да что бы я стал делать со вторым миллионом?» Нет, серьезно, я вполне преуспел в жизни и со своими собственными дисками. Я счастлив.

(Берт Кемпферт скоропостижно скончался во время летнего отдыха на Майорке после своего турне по Великобритании в 1980 году. Ему было пятьдесят семь лет.)

Наш второй визит в Гамбург был весьма приятным, не считая нескольких незначительных проблем. Больше того, у нас в карманах появились деньги. Конечно, о крупных суммах не было и речи, но мы хотя бы смогли купить себе обновку, даже кожаные

штаны и куртки из коричневой замши.

Для нас настало время, когда нужно было садиться на поезд и отправляться в Ливерпуль; это был тяжелый момент прощания с Гамбургом, так не похожий на наше торопливое бегство прошлой зимой. Никогда еще БИТЛЗ не проявляли в чувствах такого единодушия: мы все обливались горючими слезами.

Мы запаслись пивом на дорогу, прежде чем подняться в дортуар и начать собирать вещи. Хорст Фашер, здоровый детина, сбежавший от Кошмайдера, с вытянутой физиономией смотрел, как мы укладываем чемоданы. Мы вспомнили вместе старые добрые времена. Хорст принялся плакать. Мы старались скрыть слезы, но нам это не удалось — вскоре мы уже рыдали навзрыд, и дортуар, в котором частенько раздавались взрывы дикого хохота, теперь огласился всхлипыванием и сморканьем.

— Ну хватит, ребята, — сказал Джордж Харрисон, — кончаем это идиотство.

Внизу было еще хуже. Больше дюжины заплаканных девочек поджидали нас вместе с несколькими пригорюнившимися вышибалами. Мы были приняты в распростертые объятия ветеранами «великой войны» с канадцами, что заставило нас еще пуще расплакаться. Между вздохами и всхлипами девушки кричали:

— Пишите нам! Не забывайте! Мы вас любим! Немцы, я полагаю, не часто показывают свои чувства, и мы — не в большей степени, но в тот момент мы словно оказались в кругу семьи: рукопожатия, объятия, поцелуи; будто мы прощались с родными. Мы пытались унять слезы с помощью пива, но стало только хуже: настоящий потоп.

Все, кто пришли с нами проститься, бежали за такси, увозившем нас на вокзал, в течение десяти минут. Те, кто ждали нас на улице, махали нам рукой, пока машина не исчезла из виду. Джон, Пол, Джордж и я сам с потерянными лицами хранили молчание.

Стью и Астрид пришли попрощаться с нами на вокзал, — они купили нам в дорогу сластей и кока-колу с лимонадом. Тут хляби небесные снова разверзлись, и слезы припустили пуще прежнего. Стью оставался в Гамбурге, счастливый тем, что сможет продолжить занятия живописью и тем, что Астрид была рядом с ним, готовая его поддержать. Прошло много времени, прежде чем БИТЛЗ появились на афишах вновь открытого на Гроссе Фрайхайт шикарного клуба «Звезда» («Star Club»), и когда мы вновь ступили на германскую землю, снова полились слезы, но уже совсем по другой причине.

9. Артисты из «Каверны»

В июле 1961 года по возвращении на сцену и в адскую жару «Каверны» нам пришлось потеть еще больше в наших кожаных штанах. «Ливерпульская перхоть» скапливалась в гигантские капли на потолке, а фаны, которых становилось все больше и больше, падали в обморок лапками кверху, как мухи, в удушливой летней атмосфере. Поскольку мы стали звездами звукозаписи (нам нравилось считать себя таковыми), и поскольку я временно принял на себя функции менеджера, я делал то, к чему обязывало меня наше высокое звание: повышал плату за выступления. Когда мы оставили «Каверну», то получали 5–6 фунтов. Такие суммы ушли для нас в прошлое, и теперь мы имели право рассчитывать на 20 фунтов за концерт. Конечно, промоутеры протестовали и угрожали не заключать с нами контрактов по такому повышенному тарифу, но больше не могло быть и речи о том, чтобы мы играли задаром.

Мо первая увеличила сумму. Кончились касбовские концерты по сниженным ценам. У Мо было деловое чутье, и она прекрасно поняла, что может не рассчитывать ни на какое родственное предпочтение. Она повысила плату почти на 200 % по сравнению с нашим дебютом: тогда она платила нам 5 фунтов, теперь положила 18.

«Каверна» последовала ее примеру и три концерта в неделю в послеобеденное время приносили нам 30 фунтов вдобавок к другим ангажементам: мы зарабатывали всего уже больше 100 фунтов в неделю. Но это благодаря тому, что мы играли без передышки по шесть-семь вечеров в неделю. «Деньги — на бочку!» был наш девиз. Когда недовольные устроители концертов видели привлеченное нами количество посетителей, никаких колебаний больше не возникало, и нам платили запрошенную сумму. Я принял на себя обязанность утрясения финансовых проблем, и никто из БИТЛЗ никогда не замечал за мной, чтобы я не в меру заносился или старался как-то переделать группу. Этот аспект дела вообще никогда не обсуждался, и я отдувался один.

По приезде из Гамбурга мы изменили на один вечер название нашей группы и превратились в «Битмейкерс» во время потрясающего концерта, в котором мы участвовали вместе с «Джерри энд Пейсмейкерс». Этот концерт в мэрии Литерленда нам устроил Брайан Келли. К ставшим уже традицией буффонаде и фарсу добавился причудливый обмен музыкальными инструментами и веселые соло, исполненные на расческе с папиросной бумагой. Леннон был на ф-но, и целых два

барабанщика: Фредди Марсден (брат Джерри) и я сам.

С легкой руки Астрид, Джон и Пол вернулись из Гамбурга с новым приобретением в багаже: с фотоаппаратами. Они хотели попытаться в Ливерпуле воспроизвести пасмурные этюды, на которых специализировалась Астрид. Но результат, естественно, не оправдал ожиданий. В «Каверне» они выдавали себя за фотографов-любителей, преследуя скорее эротические цели.

Джон первым сделал фото такого рода. Выбрав одну из фанаток во время дневного концерта, он начала ее уговаривать попозировать ему для нескольких фотографий. Вскоре он уже потчевал нас интимными подробностями.

— Я сделал ее портрет в одних трусах, — хохотал он, — мне все никак не удавалось заставить ее снять лифчик, но в конце концов — хоп! — и готово!

Когда Пол это услышал, его тоже обуяла жажда фотоприключений. После каждого нашего выступления в «Каверне», вооружившись своими аппаратами, они оба пускались на поиски малюток, которые согласились бы сняться. Ни у того, ни у другого не было ни опыта, ни оборудования, чтобы самим печатать снимки, поэтому они доверяли их лабораториям, в которых частенько затемняли самые смачные позы и возвращали только вполне респектабельные фотографии.

Но и на тех, что избегали цензуры, были девочки, девочки и снова девочки… верхом на стуле, показывающие голую ногу или обе, или делающие ласточку, или наполовину раздетые. Одна девушка, по имени Пат, настолько увлеклась, что позировала, совсем как манекенщица, приняв все это всерьез. В отличие от Джона с Полом.

Ни Джордж, ни я не были приверженцами такого времяпрепровождения, хоть и обладали недюжинным сексуальным аппетитом, однако в тесном кругу шумно восхищались их экспериментами. Джон всегда бессовестно хвастался тем, что он «величайший потаскун пред лицом Всевышнего» и был в восторге от иных своих опытов.

— Парни, что за сеанс, это же просто здорово! — говорил он нам. — Я на нем успел побаловаться с двумя девицами, но чтоб ни слова Син!

Случалось, Синтия приходила на Мэтью Стрит во время нашего вечернего концерта в сопровождении одной из тех девиц, с которой Джон забавлялся не далее как в тот же день. Когда девица начинала бросать ему многозначительные взгляды, таинственно улыбаясь, он принимал такой безразличный вид, словно первый раз в жизни ее видел. Или же, если она оказывалась достаточно близко от него, он равнодушно

здоровался с ней, боясь, как бы Синтия ничего не проведала.

Не стесняясь подробностей, он нам с жаром описывал свои фотографические сеансы:

— Сначала она просто уселась на табурет. Потом я ее заставил немного приоткрыть ноги, потом еще немного, потом еще. Потом она сняла свитер. Просто сдохнуть можно! Вот это день.

— Но ведь ты же только фотографировал! — издевались мы с Джорджем с невинным видом.

Если лаборатория возвращала ему всего несколько снимков, он без всякого колебания требовал:

— Где остальная часть пленки?

— Сэр, — отвечали ему, — мы не печатаем порнографических фотографий!

— А негативы? — начинал беспокоиться Джон.

— Мы их конфисковали.

— Чертовы лицемеры! — бросал он на прощанье.

Он был уверен, что специалисты фотолаборатории все поголовно — извращенцы, которые теперь, изъяв его бессмертные произведения искусства, онанируют, любуясь на них, где-нибудь на задворках своей лавочки.

— А мне они что вернули? — сокрушался Джон, — какую-то поганую пачку натюрмортов!

Мы с Джорджем продолжали его дразнить:

— Но мы хотим взглянуть на другие снимки, а не на эти.

— Я тоже, будь я проклят! — цедил он сквозь зубы.

Девиц, позировавших будущему Дэвиду Гамильтону, мы тоже не щадили.

— Ну как, вы получили портреты? — спрашивали мы у них, подмигивая.

— Откуда вы знаете?

— Да мы видели пару-другую. Слушай, а ты всегда носишь эти потрясающие черные штанишки?

Все это было совершенно безобидно, ведь девушки прекрасно знали, что «художественные этюды» ни для кого не составляли тайны. Все эти фотопроделки происходили обычно дома у девушек. И я сильно сомневаюсь в том, что ни папа Пола, ни Джонова тетя Мими никогда не давали разрешения снимать у них.

Теперь Леннон обрушивал на публику мощные дозы своего экстравагантного юмора и на концертах, и в печати. Однажды в «Каверне» он так объявил следующую песню нашего репертуара:

— А вот еще один номер Чака Берри, — сказал он, — белого певца родом из Ливерпуля, с кривыми ногами и без гроша за

душой!

Некоторые непосвященные зрители с понимающим видом начали покачивать головой, приняв за чистую монету пародию Леннона на великого черного идола, тогда как мы складывались пополам от смеха, потешаясь над их легковерием.

Несколько раз уборщицы клуба тоже заказывали песни.

— Следующая песня — для Эгги, — говорил Джон, — застрявшей ногой в своем ведре!

Он прямо-таки ненавидел объявлять песни обычным образом. Он жонглировал именами артистов, переставлял и изменял их, например, «Чак Винсент» или «Джин Берри», — такого рода имена он всегда произносил с совершенно серьезным видом, однако он редко повторял дважды одну и ту же шутку.

Однажды он объявил, что Боб Вулер — его отец, которого он не видел пятнадцать лет. Кое-кто из завсегдатаев поверили ему на слово, и Вулер, надо отдать ему должное, поддерживал некоторое время игру и, если его расспрашивали по этому поводу, он отвечал, что, мол, так оно и есть. Мало кто знал о том, что Джон действительно не видел своего отца, профессионального моряка Фредди Леннона, около пятнадцати лет. Фредди объявился только после того, как Джон снискал славу, о которой так долго мечтал. Вулер стал жертвой множества розыгрышей со стороны БИТЛЗ. Обыкновенно он тщательно отбирал пластинки для объявления и комментирования, как и полагалось диск-жокею «Каверны», складывая их в стопку в определенном порядке, чтобы потом, разглагольствуя, он мог ставить их, не читая этикеток. Как только он поворачивался к нам спиной, кто-нибудь из нас непременно подменял или перемешивал все его диски. Он это принимал как должное, но старался взять реванш. Обычно он объявлял нас с превеликой помпой, ставя при этом запись фанфар, но иногда мы превращались в «фантастических БИТЛЗ», произнесенных с интонациями Руби Мюррей,[17] поющей «Softly Softly», или еще с какими-нибудь издевательски-сахарными словечками, весьма далекими и от рока, и от торжественных фанфар.

В свободное время Леннон непрерывно строчил на клочках бумаги или на обертках странные историйки, составленные из перемешанных обрывков фраз, или рисовал своих кошмарных персонажей с длиннющим носом или животом, расплывшимся от одного конца бумаги до другого. В июле 1961 года его старый приятель Билл Харри, выпускавший поп-газету «Мерси Бит», опубликовал в одном из первых номеров статью, озаглавленную «Краткое изложение истории сомнительного происхождения БИТЛЗ. Перевод с Джона Леннона». Билл никогда не требовал

подобной контрибуции, которую он получил, как водится, на обрывке бумаги. В шестом номере от 20 июля 1961 года можно прочесть что-то вроде отчета, написанного в непринужденной и игривой манере нонсенса, о моем вступлении в группу и о катастрофе, которой окончилась наша первая поездка в Гамбург.

Джон писал:

> «… Человек с отрезанной бородой спросил: „Хотите поехать в Германию (в Гамбург) и играть там крутой рок для крестьян за деньги?“ Мы ответили, что за деньги мы готовы играть крутое что угодно! Но перед отъездом нам нужно было вырастить барабанщика. Мы вырастили одного в Вест Дерби, в клубе под названием „Некая Касба“, и имя этого несчастья было Пит Бест. Мы его вызвали по телефону: „Алло, Пит, марш в Германию!“ „Есть!“ Ту-ту-у! Через несколько месяцев Питер и Пол (который звался МакАртри, сын Джима МакАртри, своего отца) подожгли „Кино“ (кинотеатр), и немецкая полиция сказала: „Поганые БИТЛЗ, убирайтесь к себе и поджигайте свои английские кинотеатры!“ Ту-ту-у! В результате — полгруппы…»

По дороге на концерт Леннон погружался в свои мечты и фантазии, исписывая и изрисовывая листки бумаги.

Помню, как однажды вечером он вздумал исследовать океанские глубины, и в его голове проносились видения самых безумных морских существ, вроде рыбы-кошки с восемью хвостами наподобие спрута, не говоря уж о «кроватках» (подразумевались креветки), или о крокетных битах, плавающих брассом. В скором времени некоторые из этих видений вместе с другими рисунками были опубликованы в книге, ставшей одним из британских бестселлеров.

На сцене он частенько досаждал Полу тем, что устраивал фарс, пока тот пел свою любимую старую классическую балладу «Over The Rainbow» (превратившуюся позднее в «Till There Was You»).

Пол, хлопая ресницами своих огромных карих глаз, кокетничал с девицами из зала и объявлял, что его просто одолевают просьбами исполнить «Over The Rainbow». При этом Джон падал на пианино в припадке смеха:

— О боже мой! Сейчас он устроит нам Джуди Гарланд! — комментировал он, тогда как фанатки Пола, перешептываясь, подталкивали друг друга локтями и в предвкушении испускали продолжительные ахи и охи.

Пока Пол от души исполнял любимую песню, Джон играл

серьезно в течение минуты, а затем вдруг принимался корчить трагикомические гримасы или изображать своего гнусного горбуна, опершись о пианино и втянув голову в плечи с перекошенными чертами лица. Взгляды фанов начинали перебегать от Пола к Джону, и в публике слышался смех, вызванный его ужимками. Пол впадал в бешенство и иногда еле сдерживался, чтобы не остановиться прямо посреди баллады. Затем они уже вместе с Джоном принимались валять дурака.

Еще один вид саботажа заключался в том, что, пока Пол ворковал, Джон извлекал из своей гитары каскад скрипучих звуков, нарушавших мелодию. Это тоже не слишком-то нравилось Полу, а Джон с невинным видом отводил взгляд и принимался рассматривать сцену.

Мы стали уже настолько популярны, что у нас появился свой фан-клуб, возникший совершенно спонтанно, и организованный, естественно, без всякого знания дела, несколькими девочками из «Каверны» в знак любви и привязанности. Как бы там ни было, он стал нашим первым фан-клубом, и мы были очень признательны, когда групиз собрали 5 фунтов на торжественное открытие клуба, состоявшегося в зале второго этажа театра Дэвида Льюиса, красивого старинного здания, расположенного рядом с Ливерпульским англиканским собором и знававшего когда-то лучшие времена. Мы согласились играть бесплатно, что было чувствительно для нашего бумажника, но, по большому счету, игра стоила свеч, ведь все это устраивалось ради нас.

К несчастью, вечер прошел не блестяще. Мы надеялись увидеть много народу, однако пришли всего шестьдесят человек. Мы не взяли с собой всей аппаратуры, а усилители наши вырубились. Весь вечер мы просидели на краю сцены, болтая с подружками под бдительным взором папаши Пола.

Нас попросили исполнить несколько любимых вещей из репертуара БИТЛЗ, которые мы и спели без микрофона. Меня лично попросили спеть «Matchbox» и «Peppermint Twist» — две песни, в которых я солировал в «Каверне», и вещь Элвиса Пресли «A Rose Grows Wild In The Country», из которой я не помнил почти ни слова; я затыкал дыры, имитируя Пресли: дергался, как марионетка и нагибался к фанам, чтобы пожать им руку. Папа Пола был в восторге:

— Ты взломал лед, а то атмосфера была, как на кладбище.

Пол тоже исполнил лучшие свои баллады, но в общем и целом это был скучный вечер, совершенно неудавшийся из-за отсутствия организации. Еще до того как я покинул группу все-таки был создан официальный фан-клуб, и его «собрания» происходили в «Каверне». Они имели такой успех, что толпа

желавших на них присутствовать громоздилась чуть ли не до потолка.

Наша гастрольная деятельность стала настолько кипучей, что возникла необходимость в постоянном шофере или дорожном менеджере, — в ком-нибудь, кто отвечал бы за транспорт, доставлял бы нас вовремя на концерты, грузил и выгружал сопутствующую аппаратуру и помогал бы ее устанавливать на сцене. Вообще, нужно было проследить за тысячей мелочей, а Фрэнк Гарнер, касбовский вышибала, служивший у нас временно шофером, не мог разорваться между двумя работами, особенно во время уик-эндов.

Нейл Эспинол помог мне решить эту проблему. Он был одним из основателей «Касбы», а Джорджа с Полом знал еще по школе. Он стал моим другом и другом моей семьи; у него была собственная комната в нашем доме. Он учился на бухгалтера и каждый день строчил задания для своих заочных курсов, словно канцелярский служащий. Он был интеллигентным мальчиком со вкусами педанта. Между собой БИТЛЗ звали его Нел.

Когда стало очевидным, что Фрэнк Гарнер больше не собирается с нами возиться, я спросил у Нейла:

— Почему бы тебе не купить какую-нибудь колымагу, чтобы таскать нас по дорогам? Тебе ничего не будет стоить погасить кредит.

Он выложил 15 фунтов за серо-буро-малиновый драндулет, весь помятый, но ездивший нормально — это главное. Нейл с энтузиазмом ринулся в мир шоу-бизнеса, став нашим первым дорожным администратором. Эта работа была для него чем-то вроде забавы, ведь он жил у меня, а вся экипировка БИТЛЗ, за исключением гитар, хранилась тут же.

И, само собой, моя барабанная установка — тоже. Она приняла новый вид. После того как жизнь вошла в обычную колею по возвращении из «Топ Тена», я решил, что пришло наконец время появиться названию группы во всем своем ослепительном блеске на большом барабане. Ну и работенка, должен я вам сказать, и я сам ее себе уготовил! Большой барабан у меня был 66 сантиметров в диаметре, тогда как обычно диаметр таких барабанов не превышал 61 сантиметра. Я покрыл внешнюю сторону лаком огненно-оранжево-красного цвета, напоминающего заходящее солнце. Теперь она была видна за 500 километров! На этом кричащем фоне выделяющейся белой краской я написал «BEATLES». От такой красоты, должно быть, просто с души воротило, но никто из нас так не думал в то время.

С приходом Брайана Эпстайна Нейловская развалюха, на которой БИТЛЗ бодро колесили по округе, была заменена

новеньким блестящим автомобилем. Нейл оставался дорожным менеджером до тех пор, пока на пике успеха группы не была создана корпорация «Эппл», где он занял одно из ведущих мест. Это было началом длинного пути для Нейла Эспинола.[18]

В сентябре 1961 года Джон получил денежный перевод от своей тетки из Экосса и почувствовав тяжесть в кармане, смылся, не сказав «до свидания», вместе с Полом, убив нас с Джорджем наповал. Решив все растранжирить, они отправились на недельку в Париж, приравняв нас с Джорджем к нулю. Было довольно странно, что они нас даже не предупредили, впрочем, это было просто беспечностью, и по прошествии недели все вернулось в привычное русло.

Одной из причин, привлекших Джона в Париж была та, что там в то время находился один из старых гамбургских приятелей «экзи», некто Юрген Фольмер. Джон узнал об этом благодаря Стью, регулярно обменивавшемуся с Юргеном длинными письмами. Среди прочего в этих письмах обсуждались вопросы причесок. Юрген был ярым приверженцем челки и склонял двоих битлов последовать его примеру и присоединиться к почитателям новой моды зачесывания волос на лоб. Этот стиль распространился вслед за БИТЛЗ среди молодых людей всего мира и получил название «лохматый гриб». Но, опять-таки, никто меня не просил вступать в ряды «грибов».

Результатом каникул во Франции явилась еще одна новая мода. По дороге домой Джон с Полом сделали остановку в Лондоне. Шляясь по Чаринг Кросс Роуд, они заприметили витрины обувного магазина «У Анелло и Дэвид», специализировавшегося на обуви для танцев и театра. Джон положил глаз на пару черных сапог, высотой до середины икры со скошенным каблуком и хлястиком сзади.

— Я просто влюбился в них, — говорил он, — и мне немедленно захотелось купить одну пару. Полу — тоже, и мы вернулись в Мерсисайд этакими фанфаронами.

Мы с Джорджем заказали такие же в том же магазине, и они стали нашей гордостью вкупе с черной кожаной одеждой. Я потратил многие часы, наводя на них блеск. И, конечно же, все ливерпульские группы немедленно влезли в такие же сапоги! Вот так вот и родилась новая мода. Вскоре после возвращения из Парижа Джона и Пола, наш маг и волшебник в лице Брайана Эпстайна, безукоризненно одетого, в костюме бизнесмена, появился в парилке, называемой «Каверна». В один прекрасный день,[19] в послеобеденное время, он осторожно заглянул в дверь, чтобы бросить нерешительный взгляд на четырех парней, одетых в кожу и обливавшихся потом.

10. На сцене появляется мистер Эпстайн

Истории было угодно, чтобы Брайан Эпстайн впервые узнал о существовании нашей группы в субботу, 28 октября 1961 года, когда некто Раймонд Джонс преспокойно вошел в его шикарный пластиночный магазин на Уайтчепел и спросил диск БИТЛЗ «My Bonny», «выпущенный в Германии». Брайан справедливо гордился своими познаниями в области поп-музыкальной пластиночной индустрии, однако ему пришлось ответить, что он не осведомлен ни о диске, ни о самих БИТЛЗ, хоть и писал критические статьи о музыкальных новинках в газету Билла Харри «Мерси Бит».

Тем не менее, как всегда, желая удовлетворить клиента, он пообещал разыскать диск и черкнул на листке бумаги: «Проверить к понедельнику»; чуть ли не в тот же самый момент еще две девушки спросили ту же пластинку. С минимумом информации, полученным от Раймонда Джонса, Брайан принялся разыскивать следы нашего диска. «My Bonnie» значилась в каталогах как пластинка Тони Шеридана, мы же там фигурировали под именем «Бит Бразерс», а о БИТЛЗ — ничего!

Кажется совершенно немыслимым то, что Брайан ничего не слышал о нас. «Каверна» была всего в нескольких шагах от Уайтчепел, и мы заходили в его магазин несколько раз в неделю.

К тому же мы регулярно появлялись на первой полосе «Мерси Бит». Впрочем, Брайан, наверное, никогда не читал подобную «прозу», хотя писал для этой газеты и даже продавал ее в собственном магазине. Позднее он объяснял это тем, что мерсийский рок никогда не был его «коньком», (он предпочитал классическую музыку, в особенности произведения Сибелиуса) и в свои двадцать семь лет он, должно быть, считал себя слишком старым для рока. Правда, в своей автобиографии «Подвал, полный шума» («A Cellarfull Of Noise») он вспоминает, что ему как-то довелось увидеть название нашей группы на афише, анонсировавшей бал в Нью Брайтоне.

Мы же, наоборот, прекрасно знали мистера Эпстайна. Мы нередко захаживали в его магазин «НЕМС» («NEMS» — «North End Music Stores»), облаченные в кожу, чтобы послушать — очень редко, чтобы купить — последние американские новинки.

Я сразу понял: это одна из продавщиц магазина, с которой мы частенько трепались в отсутствие Эпстайна, объяснила ему, что мы и есть те самые сомнительные типы, играющие по соседству с его заведением.

БИТЛЗ не были слишком взволнованы когда, во время одного из наших пресловутых дневных концертов в начале ноября, Боб Вулер объявил, что в этом человеческом болоте, именуемом «Каверной», присутствует Брайан Эпстайн, и попросил публику аплодировать что есть сил. Брайан, прежде чем отправиться в «Каверну», обратился к Биллу Харри, с просьбой подготовить ему почву в этом неведомом мире, и Вулер его ждал.

Эпстайн разглядывал нас с интересом (однако не без доли пренебрежения, как он признавался позднее), отмечая, что мы плохо одеты, дурно воспитаны, непрерывно переругиваемся между собой и — о, ужас! Это уж слишком! — едим во время игры. Полный решимости разыскать «My Bonnie», он проложил себе путь к сцене среди потной толпы, покрытой вышеупомянутой «перхотью», и шепнул несколько слов на ухо Джорджу Харрисону, чтобы объяснить ему мотивы своего визита. Пресловутый диск появился как по волшебству из запаса и был поставлен на проигрыватель, чтобы Брайан мог его послушать. (Речь идет об экземпляре, принадлежащем Полу — именно его и поставил Боб Вулер, моя же копия находится у меня.) Эпстайн навел справки о диске, и какое-то время мы больше с ним не встречались.

Встретились мы с ним позднее. Он почувствовал странное притяжение к нам, несмотря на разницу в возрасте и положении. Он учился в частной школе «Рекин», владел двумя магазинами, пластиночным и мебельным, в самом центре города… Вскоре он снова наведался в «Каверну», и на этот раз Джордж объявил о его присутствии. Этот одетый с иголочки джентльмен желал пригласить нас к себе в офис после спектакля. Он думал, что может нам помочь.

Это была среда начала декабря, час обеденного перерыва: магазин был закрыт. Мы зашли, как обычно, перекусить в паб «Грейпс» на Мэтью Стрит, прежде чем нахально ввалиться с опозданием в контору Брайана, где он нас поджидал.

Он сам открыл дверь, выйдя на лестничную площадку; мы разглядывали его, но его лицо абсолютно ничего не выражало. Мы часто встречали его в «НЕМС» и раньше, когда набивались все в одну кабину, чтобы послушать Ширеллса, Бобби Ви, Марвина Гэя и других. Каждый раз, как он заставал нас, крутящих один диск за другим, кто-нибудь из нас поспешно хватал пластинку, крича:

— Вот эту. Кто платит?

Однако он прекрасно знал, что мы вовсе не собираемся что бы то ни было покупать.

Но теперь, на пороге его двери, положение было совершено другим: мы очень стеснялись, были очень неряшливы и сильно

опоздали. Эпстайн приложил максимум усилий, чтобы нас ободрить. Он явно был смущен, но изобразил улыбку, встречая нас. Когда мы поднялись в его бюро, он сказал нам ироническим тоном:

— Боюсь, что в те дни, когда вы наведывались в магазин, вы приводили его в беспорядок. Затем он объяснил нам, зачем нас собрал.

— Я — директор этого магазина, — сказал он, — и я думаю, что смогу вам помочь.

— Вы можете купить нам теплое местечко в верхней пятидесятке, Брайан? — спросил Леннон, как всегда, насмешливо. Брайан поддержал игру.

— Нет, — ответил он, улыбаясь, — но я думаю, что смогу для вас сделать многое.

Он, по-видимому, уже начал наводить справки об условиях наших контрактов и обнаружил, что мы сами ведем свои дела, потому что дальше последовало его предложение стать нашим менеджером.

— Я должен быть честным до конца и сказать, что никогда в жизни не занимался деятельностью такого рода, — признался он.

Последовало молчание. Затем Леннон повернулся ко мне:

— Что ты об этом думаешь?

— Нужно это обсудить, — ответил я ему.

Я не считал себя менеджером БИТЛЗ, даже если и занимался всем, что касалось бизнеса. Я ведь был, так сказать, временным «и.о. менеджера» и, скажем прямо, не обливался слезами из-за того что мне больше не придется вести всякую канцелярию. Но предложение Брайана требовалось как следует обдумать, — мы не могли решать таких вещей с наскока. Леннон, казалось, был согласен.

— Мы дадим вам знать, — сказал он Эпстайну, и, прощаясь с ним, мы условились поддерживать связь.

Множество мелочей, связанных в основном с тем, что Эппи, как мы его отныне стали называть, явно был богат, безусловно, сыграли ему на руку.

— Видал, какой у него прикид? — сказал потрясенный Джордж.

— И сверкающие шузы, — сказал кто-то еще.

Однако все мы сошлись на том, что он смахивает на старомодного «ливерпудлийца».[20]

И все же, не смотря на разницу во вкусах, мы нашли, что он «очень респектабельный господин», даже в «Каверну» приходивший с дипломатом. Во всяком случае, мы были абсолютно уверены, что именно мы сможем его изменить, но

только не он — нас.

Каждый из нас обсуждал эти новые перспективы со своими «предками», хотя я не берусь утверждать, что Джон советовался с теткой Мими, — как-никак, он теперь был совершеннолетним, отметив 9 октября свой 21-й день рождения. Он-то теперь мог делать что вздумается. Что же касается всех остальных родителей, они были абсолютно уверены: Брайан Эпстайн действительно поможет нам. Таково же было и наше мнение: он открывал нам новые горизонты. Мы находились на пике нашей мерсисайдской карьеры и обречены были оставаться на том же уровне, если бы никто не помог нам сломать преграды, отделявшие нас от всенационального признания. Лондон был меккой пластиночной индустрии; нам необходимо было подписать контракт со студией, известной во всей Великобритании, если мы не хотели вечно сновать челноком между Ливерпулем и Гамбургом. Эппи занимался дисками, следовательно, ему был знаком этот мир, и к тому же, ведь он обещал нам помочь.

Незадолго до смерти Мо вспоминала о том, как думала в то время, что Брайан действительно может быть нам очень полезен:

— Он взялся за дело с таким энтузиазмом и воодушевлением, — говорила она, — он был еще молод и казался человеком, способным сделать кое-что для БИТЛЗ. Я сделала все, чтобы помочь им выбраться на дорогу, он же мог вести их дальше. Я никогда не могла и представить себе ничего другого для группы, кроме славы. Они были фантастичны!

Была, кажется, пятница, когда мы снова отправились в «НЕМС», накачавшись предварительно пивом в «Грейпсе». На этот раз магазин был открыт, и, конечно же, первым делом мы направились в отдел грампластинок, чтобы заглянуть в последний хит-парад, прежде чем подняться на второй этаж, где продавались электроинструменты и пианино и располагался офис Брайана.

Началось с того, что мы столкнулись с одной из продавщиц, казавшейся слегка удивленной.

— Мы хотели бы видеть мистера Эпстайна!

Однако ее, как видно, одолевали сомнения. Четыре рокера хотят видеть ее шефа, такого холеного и благовоспитанного? Очевидно, ей это показалось невозможным.

— Но у нас действительно назначена встреча.

После того, как она предупредила шефа по телефону, мы ввалились всей бандой к нему в кабинет, затем воцарилось тяжкое молчание, пока Леннон наконец не вынес наш приговор.

— О'кей, мы согласны! — выпалил он.

— Вы серьезно? — спросил Эппи, краснея.

— Сделка заключена, — сказал Джон, пока остальные БИТЛЗ мямлили какие-то слова одобрения.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы полностью осознать наше решение. Затем, когда практические соображения взяли верх, Брайан сказал:

— Первое, что нужно сделать, это подписать контракт. Формальности займут не так уж мало времени, но могу ли я уже теперь считаться вашим менеджером?

— Да! — воскликнули мы хором и пали перед ним ниц, словно четверо правоверных, обращенных лицом к Мекке. Эппи лукаво улыбнулся.

Следующий раз мы с ним увиделись в «Каверне». Во время своих первых визитов он соблюдал некоторую дистанцию, но в этот раз мы пригласили его зайти в святая святых — нашу артистическую уборную.

— Полюбуйтесь на нашего менеджера! — с триумфом объявил он Бобу Вулеру, перебиравшему свои диски и давно уже знавшему о сделанном Брайаном предложении.

— Добро пожаловать в храм! — сказал Боб.

Брайан смущенно скользнул в зал, больше чем когда-либо чувствуя себя не в своей тарелке. Он нервно уселся на первую попавшуюся скамейку на виду у публики. На лбу у него выступал пот, пока он вдыхал, приоткрыв рот, миазмы дезинфекции. Решительно, здесь было не место для господина, который, казалось, только что вышел от своего портного. И все же он потихоньку привыкал к атмосфере «Каверны». Фаны, заметившие его, пока он сидел на своей скамейке у самых кулис, спрашивали:

— Это еще что за расфранченный тип вон там?

Ответ не заставил себя ждать. Брайан принялся объяснять не без доли гордости всем, кто только хотел знать, что он — наш менеджер. Мы старались его приободрить, однако обращались с ним без всяких церемоний.

— Брайан, — говорили мы, сходил бы ты в бар, купил нам кока-колы, ты же менеджер!

И он повиновался без всяких возражений, стараясь стать одним из нас и приспособиться к этому новому и странному миру рока, пота и ковбойских сапог.

Эппи всегда присутствовал на наших концертах в те первые максимально загруженные дни. Один вечер мы играли в «Каверне», другой — в «Железной Двери» («Iron Door»), соперничающем клубе, устроенном в помещении бывшего склада в двухстах метрах от основного конкурента. Он тоже знавал времена традиционного джаза, но на этом сравнение и

заканчивается. Подвал был свежевыкрашен, и никакой «перхоти» на потолке.

Если кто-нибудь спрашивал, что в подобном месте делает такой милый молодой человек, как Брайан, он отвечал охотно, но все так же застенчиво, что он — наш менеджер. В долгие выходные мы играли иногда вместе с дюжиной других групп ночь напролет: порой концерт продолжался с семи вечера до семи утра. И верный Брайан всю ночь оставался с нами.

Новость о том, что Брайан взял нас под свое крыло, облетела город с быстротой молнии. Его имя было известно всему Ливерпулю, и люди отзывались о нем с уважением. Самым распространенным комментарием было: «Теперь-то уж у вас будет настоящий успех».

Контракт, регулировавший наши отношения, был подписан в гостиной моего дома на Хеймэнс Грин, прямо над «Касбой», которая должна была остаться нашим главным штабом.

Нам нужен был свидетель наших подписей, поскольку трое из нас еще не были совершеннолетними. Им стал некто Алистер Тейлор, работавший в то время у Брайана и сделавший позднее карьеру внутри «НЕМС», став ее генеральным директором.

Мы черкнули свои подписи вверху арки, украшавшей гербовую печать за 6 пенсов, приляпанную на контракт: «Джон Уинстон Леннон»[21] в ходе официальной церемонии на крыше здания корпорации «Эппл» он сменил его на «Джон Оно Леннон»… «Джеймс Пол МакКартни»… «Питер Рэндольф Бест» (в расшифровке подписи были переставлены местами мои имена, хоть я и подписался «Р. П. Бест»), и, наконец, — «Джордж Харрисон» — совсем просто. Я не знаю за Джорджем никаких других имен.

Не хватало только одной подписи, самой важной: Брайана Эпстайна. Позже он писал в своей книге: «Я соблюдал все пункты контракта и никто никогда не беспокоился по поводу отсутствия моей подписи.»

Это верно, что в тот день никто не беспокоился, но позднее мы спрашивали себя, уж не нарочно ли Брайан забыл подписаться из страха перед неудачами, за которые он будет нести ответственность как наш полномочный представитель, и которые могли бы доставить ему всяческие неприятности.

Поначалу Брайан очень рассчитывал на мою поддержку, и такое отношение переросло в дружбу и более близкий контакт, чем с тремя остальными. Я находил, что он очень проницателен, но имеет мало опыта в нашей области и к тому же слишком наивен, чтобы вести такую группу, как БИТЛЗ. Он чувствовал себя уверенно, обсуждая со мной контракты и будущее группы,

несомненно, только потому, что я уже занимался делами БИТЛЗ. Он также часто спрашивал совета у Боба Вулера, который всегда был под рукой.

Иногда Эпстайн вместе с нами наведывался в паб «Грейпс» пропустить стаканчик. Мы пили наш любимый напиток — коричневый коктейль из темного и светлого пива или смесь Гиннесса с сидром, называвшуюся «Черный вельвет». Брайан пил коньяк, и мы дали ему еще одно прозвище — «Брендимэн»[22]

По всей видимости, он не знал сначала, как себя с нами держать. Он не мог признаться в том, что ему страшно, но он всегда был крайне вежлив, все его просьбы начинались словами: «Не могли бы вы…» или: «не затруднит ли вас…» Он относился к нам с подчеркнутым уважением, скажем, если мы какое-то время не виделись, он просил у нас позволения встретиться! Но с самого начала он показывал также, что может быть жестким и безмерно сердился, если кто-нибудь из нас опаздывал.

Пол опоздал на первую же деловую встречу с Эппи. Джордж позвонил к МакКартни и узнал, что Пол еще принимает ванну.

Брайан был взбешен его наплевательским отношением и, бросив взгляд на часы, гневно сказал:

— Пол очень сильно опаздывает!

— Да, но зато будет очень чистым! — возразил Джордж.

Даже Эппи не смог удержаться от улыбки.

Мало-помалу мы узнавали больше о его жизни, его семье, о том, как его дед, польский эмигрант, приехал в Великобританию; о том, как Брайан был призван в армию на службу, которая должна была продлиться два года, и как по истечении одного года он был освобожден по состоянию здоровья; о всех его надеждах на актерскую карьеру и о его занятиях в Лондонской королевской академии драматического искусства, которую он покинул, разочаровавшись в артистической среде и образе жизни артистов, чтобы вернуться в Ливерпуль и играть роль «наследника фамилии, занятого семейным бизнесом».

Мы знали по слухам о том, что он — гомосексуалист и был замешан в каком-то процессе по этой статье (в то время такие сексуальные наклонности еще преследовались законом в Великобритании). Полагаю, ему не хватало мужества самому выложить нам все начистоту. Но, как бы там ни было, для нас это абсолютно ничего не меняло. Для нас было важно то, что он был преданным нам человеком, которого беспокоило наше будущее.

Он мог стать нашим «билетом в большую жизнь», и поэтому — с великими препирательствами — вы все же согласились изменить наш внешний вид и расстаться со своей «немецкой» одеждой ради более приличных костюмов. Он говорил, что никто,

за исключением ближайшего окружения, не примет ни нашего неряшливого вида, ни нашего поведения с девицами (мы вечно флиртовали и заигрывали с ними прямо на сцене), ни того, что мы ели, пили и бесились во время спектакля. Он считал, что нам необходима дисциплина; может быть, Брайан заразился этим во время своего короткого пребывания в армии, но и сам по себе он был склонен к занудству.

Леннон больше всех протестовал против изменения имиджа и высказывал Брайану все, что об этом думал. Но в конце концов мы выполнили все его предписания.

Наши первые сценические костюмы из шерстяной ткани с блеском темно-синего цвета были куплены по случаю премьеры в Ливерпульском Кабаре Клабе; контракт был добыт Эпстайном. Этот клуб был гораздо более шикарным, чем те, что мы посещали, и не имел ничего общего с местами, где мы обычно играли. Леннон был готов поднять мятеж, говоря, что наш новый менеджер старается превратить нас в этаких «маленьких лордов Фаунтлероев».

Когда Джон увидел клуб с его танцевальной площадкой, выложенной разноцветными шашечками, он не выдержал и взорвался:

— Какого черта ты хочешь, чтобы мы играли здесь, со всеми этими дурацкими фиговинами, которыми вся площадка сверкает? — напустился он на Эппи. — Ну прямо настоящие деды-морозы среди всех этих поганых огонечков!

Брайан по обыкновению вспыхнул, стиснув пальцы так, что они побелели.

— Ты можешь только вести нас, — продолжал Джон беспощадно, — но не старайся нас переделать! Люди хотят видеть БИТЛЗ, а это все — это вовсе не БИТЛЗ!

И это была правда. Мы лучше чувствовали себя в своей кожаной одежде, мы любили этот нон-конформистский стиль, а «галстучки-костюмчики» — это для конторских служащих.

Приступы Ленноновского гнева не производили эффекта. Во время его словесных атак, Брайан молча страдал, как раненое животное, и кончалось тем, что мы продолжали надевать «галстучки-костюмчики»: четверо добропорядочных молодых людей, выступающих перед добропорядочной публикой, никогда не забывающей о галстуке.

В то время Брайана беспокоило и другое: как бы мы не связались с наркотиками. Ходило много слухов о поп- и джаз-музыкантах, замешанных в историях с травкой, и это его весьма заботило.

— Это — не для БИТЛЗ, — говорил он убежденно, — это нам

не подходит.

И в минуты своих лирических порывов, он умолял нас не употреблять допинг.

Наша с Эпстайном дружба продолжала укрепляться в этот переходный период, пока он все больше и больше втягивался в курс дел. Он даже пригласил меня к себе, в шикарный пригород Чайлдуолл, где я встретился с его отцом Гарри и матерью Куини. Я оставался там с добрых полчаса, и обстановка показалась мне очень приятной: я не заметил, чтобы проявляемый ко мне интерес имел иные причины, кроме деловых. Но то, что должно было случиться, случилось.

Было послеобеденное время в «Каверне». Мы выпили с ним вместе по стаканчику, и он спросил, может ли рассчитывать на меня для прогулки на автомобиле этим вечером. БИТЛЗ в тот день не играли, следовательно, я был свободен. Мы сели в его роскошную машину, форд «Зодиак», и по дороге говорили о делах, как обычно бывало у него в офисе.

Мы подъехали уже почти к самому Блэкпулу, когда он сказал мне:

— Я в восторге от вас.

— От меня или от группы? — спросил я, слегка смутившись.

Он дал понять, что желает поговорить обо мне.

Когда мы были уже на окраине города, ситуация прояснилась, яснее не бывает.

— Пит, — сказал он, — тебя не слишком стеснит, если я попрошу тебя провести ночь в отеле вместе со мной?

В тот момент его вопрос совершенно не шокировал меня: я, видимо, не вполне отдавал себе отчет в том, что его предложение имело определенный смысл. Такое со мной случилось впервые. Я просто ответил ему, что предпочел бы вернуться домой, что мы и сделали.

Не было абсолютно никаких ни сцен, ни протестов. По прошествии времени стало ясно, что он хотел дружбы более интимной, но в этом не было ничего непристойного, ничего нездорового, ничего опасного. Его обращение было полно мягкости. Он никогда больше не предлагал мне кататься на машине и не возвращался больше к той же теме. Поездка в Блэкпул и наш разговор были преданы забвению.

Затем Эпстайн бросился на поиски студии грамзаписи, которая помогла бы пробиться его подопечным. Энергия, которую он выказал при решении этой задачи, нас поразила. Как раз перед наступлением Нового, 1962, года благодаря своим связям и положению самого крупного продавца дисков на Северо-Западе, он до того заинтриговал студию «Декка», что она оторвалась от

раскапывания лондонских талантов и бросила взгляд на этих БИТЛЗ, которых так любили мерсисайдские фаны.

Полномочным представителем «Декки» являлся некто Майк Смит, молодой парень, разыскивавший артистов для своего шефа, Дика Роу, главы «Артистов и Репертуара» («АиР»), всемогущего филиала гигантской «Декки», записывавшей не только домашнюю продукцию, но и американских знаменитостей. Длинный послужной список Дика включал работу с самыми яркими «звездами», от оркестров до популярных певцов.

Майк Смит набрался храбрости и вступил под своды «Каверны», чтобы встретиться с нами. То, что он услышал, ему понравилось. Вскоре после его возвращения в Лондон «Декка» дала знать, что хочет устроить нам прослушивание. Дата была назначена на 1 января 1962 года. Новый год начинался отлично.

11. Праздники и несчастья

Брайан Эпстайн уже трубил на всех перекрестках:

— Четверо моих парней станут более великими, чем Элвис!

Он повторял это всем и каждому: работникам студий звукозаписи, журналистам, — кто бы ни выказал хотя бы малейшего интереса к этой «потрясающей новости» насчет битловской исключительности. В самом деле, в то время это было просто смешно. Оттеснив Билла Хэйли, Элвис прочно утвердился на своем троне «короля рока». Мир принадлежал ему, и, с нашей точки зрения, трон этот был непоколебим.

Мы часто обсуждали между собой свои честолюбивые планы и знали, что пунктом номер один для достижения вершины в списках популярности был договор с крупной студией грамзаписи. По нашему скромному мнению, Элвис отстоял от нас на сотни световых лет, тем не менее, мы все четверо были уверены в том, что БИТЛЗ ждет слава. Мы знали, что обладали неким даром особого контакта с публикой, но мы никогда себе не представляли, куда нас может привести подобный дар.

Пределом наших мечтаний была запись ДИСКА. У нас было что-то вроде боевого клича:

— А куда же мы идем, парни? — вопил Джон.

— На самую высокую вершину успеха! — кричали мы в ответ.

Однако же, когда мы прикатили в Лондон в новогодний вечер, нам казалось, что лучше и быть не может. Мы уехали без Брайана, который должен был к нам присоединиться только на следующее утро в студии «Декка». Было очень холодно, шел снег; Нейл Эспинолл вез нас до места на своей «тачке», и путешествие заняло почти целый день. В Мидлендс он сбился с дороги из-за снега, и к тому времени, когда мы прибыли в «Ройал Хотел» на площади Рассела в лондонском Вест-Энде, праздник был в самом разгаре. Нам пришлось лечь очень поздно этой ночью, из-за того что мы решили присоединиться к празднику на Трафальгарской площади, чтобы посмотреть на психов, прыгающих в фонтан и танцующих под струями воды. Ведь раньше мы их видели только по телевизору.

Пока Нейл ставил машину в гараж, мы зашли выпить пива на Чаринг Кросс. Когда он нас разыскал, он был очень возбужден. Какие-то два типа пристали к нему и попросились на время в машину. Ему потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, что перед ним — два наркомана, ищущих места, где бы можно было как следует «накачаться». Однако, когда он понял, то предложил им сматывать удочки.

На площади мы пели хором с толпой традиционную «Auld Lang Syne»,[23] которую мы покорно подхватили, однако нельзя сказать, чтобы мы по-настоящему «оттянулись»; у нас не было желания сунуть даже мизинец в ледяную воду фонтана, где несколько смельчаков усердно зарабатывали себе пневмонию. Мы были слишком поглощены предстоящим прослушиванием. Красивая жизнь, казалось, не за горами. «Декка» была студией, известной во всем мире, и нам нужно было взять ее штурмом на следующее утро.

Все-таки, мы действительно плохо начали первый день нового года. Мы должны были встретиться с Эппи в студии в 10.30, а пришли туда только к 11 часам. Не помню точно: то ли мы не проснулись вовремя, то ли застряли в лондонской пробке. Первое января в то время не было выходным, и в Сити, как обычно, начиналась работа. Брайан был по-настоящему зол. Он всегда придавал огромное значение пунктуальности, хвастался тем, что всегда приходит вовремя и не выносил, когда другие опаздывали. Но он еще и беспокоился и сказал буквально следующее:

— Я перепугался, я уже представлял себе катафалк с вашими телами, — говорил он, с явным облегчением разглядывая нас и убеждаясь, что мы в порядке.

Майк Смит, который должен был руководить прослушиванием, пригласил нас в студию, и мы старались держаться молодцевато и не ударить в грязь лицом в предстоящем спектакле.

— С Новым годом, Майк, — сказал Джордж, — что-то мы тебя не видели в фонтане вчера вечером.

Но все мы на самом деле перетрусили.

Мы впервые в жизни оказались в настоящей студии, одной из лучших, чье сложное оборудование резко контрастировало с непритязательным школьным залом, в котором мы записывали «My Bonnie». Среди великолепия декковской электроники наши усилители, должно быть, производили самое жалкое впечатление, так как нам было настоятельно предложено использовать студийное оборудование вместо нашего. Наш страх, очевидно, был слышен как в сопровождении, так и в вокальных соло-партиях, и все-таки мы вкалывали как могли с утра до обеда.

Эппи с Майком Смитом сделали коктейль из песен, которые, по их мнению, должны были повергнуть декковских «шишек» к нашим ногам. Среди них были «The Sheik Of Araby», «Till There Was You», «Take Good Care Of My Baby», «Money», «Memphis Tennessee», «Three Cool Cats» и «September In The Rain». Кажется, были еще два опуса Леннона — МакКартни — «Like Dreamers Do»

и новая композиция Пола «Love Of The Loved».[24]

По зрелом размышлении, эта пошлятина должна была вызвать тошноту у дисковых боссов: акцент на классику мы сделали, помнится, по настоянию Брайана. Действительно, мало что из записанного можно было назвать оригинальным.

Единственная фальшивая нота нарушила ход событий. В один прекрасный момент Брайан Эпстайн принялся критиковать Джона за его манеру игры (или, может быть, пения — не помню как следует), и Леннон взорвался одним из своих неподдающихся контролю приступов гнева, во время которых его лицо из белого превращалось в пунцовое.

— Ничего ты не понимаешь в музыке! — крикнул он в бешенстве Эппи. — Отправляйся-ка лучше считать свои гроши, жиденок несчастный!

Было такое впечатление, что Брайан сейчас скончается; он сильно покраснел, однако проглотил это молча. Все остановились. Майк Смит, звукоинженеры, остальные БИТЛЗ переглядывались в замешательстве. Эпстайн бросился вон и не возвращался в течение примерно двадцати минут.

Мы с нетерпением ожидали результатов записи и, прослушав их, остались довольны. Майк Смит и Эппи, оправившийся, наконец, после выходки Джона, казалось, тоже нашли запись удачной. Оставалось только ждать «высочайшего решения», которое мы должны были получить несколько позже. Эппи был настолько оптимистично настроен, что пригласил нас всех вместе пообедать в первоклассном ресторане «Швейцарский Коттедж», рекомендованном Майком Смитом, прежде чем отправиться восвояси. Все мы попались на крючок, решив, что наше прослушивание было очень успешным, и слава уже стучится к нам в дверь, и больше всех радовался Брайан. Он отправился в город один на своей машине, однако возвращался в компании Пола и Джорджа, выбравших его комфортабельный «Зодиак», тогда как мы с Джоном поехали на машине Нейла.

Затем началось долгое ожидание. Мы надеялись в скором времени получить добрые вести из «Декки», но они запаздывали. Прошла неделя, потом другая и еще одна, затем недели превратились в месяцы. Наш первоначальный энтузиазм поутих, и надежды наши улетучивались все больше с каждой неделей молчания. Брайан отставил любезные улыбки и начал понукать «Декку», чтобы там наконец приняли какое-нибудь решение.

Только в марте мы узнали от директора, Дика Роу, что мы отвергнуты. По словам Эппи, Дик Роу ему заявил, что «группы гитаристов уже вышли из моды». На это Брайан ответил своим неизменным лозунгом, в который он все так же горячо верил, что

«мы в один прекрасный день станем более знамениты, чем Элвис».

Брайан вернулся из Лондона с этими дурными вестями поздно ночью и, по-видимому, прямо с вокзала «Лайм Стрит» позвонил кому-то из БИТЛЗ, чтобы попросить собрать остальную группу и встретиться с ним. Меня никто не пригласил, и, по необъяснимой причине, новость об отказе «Декки» скрывалась от меня в течение нескольких последующих дней. Когда же я наконец узнал хранимый остальными секрет, то их жалкие извинения заключались в том, что они, видите ли, подумали, будто я уж очень близко к сердцу приму результаты прослушивания. Я расхохотался, так это было дико.

За кого они меня держали? Мы, что называется, вместе прошли огонь и воду: бушевали и неистовствовали в Гамбурге; вдвоем с Джоном мы разыгрывали агрессоров и хулиганили напропалую. Что же изменилось, как они могли подумать, будто я скисну из-за того, что нам дали ногой под зад? Моя реакция была такой же нормальной, как и их собственная. Это не было вовсе концом света для БИТЛЗ.

Кстати сказать, Дик Роу навсегда остался «человеком, который отшил БИТЛЗ» — он сам выбрал себе такое название, когда задумал написать свою биографию. «Большинству людей я известен именно в связи с этой историей из-за злопамятности Брайана Эпстайна, а не в связи с какими-то моими успехами, которых я, может быть, достиг», — говорил он Патрику Донкастеру в 1980 году в интервью для «Дейли Миррор». Действительно, он был единственным директором студии звукозаписи, которого Брайан упомянул в своей книге как отказавшего БИТЛЗ, не смотря на то, что нам отказали по меньшей мере еще четыре известные студии после прослушивания наших записей.

— Я даже не присутствовал на прослушивании БИТЛЗ в «Декке», — объяснял Роу, — я слушал только записанные пленки. На мой взгляд, они звучали фальшиво, хоть мне и сказали, что БИТЛЗ очень нервничали. Да и играли они всего-навсего старую классику.

Дик также упомянул, что Майк Смит прослушал лондонскую группу «Брайан Пул и Тремолоз» («Brian Pool and the Tremoloes»), и что финансовая политика «Декки» сыграла свою роль в неудаче БИТЛЗ. Гораздо дешевле было иметь дело с «Тремолоз», чем заставлять нас гоняться туда-сюда между Лондоном и Ливерпулем. В конце концов, может, Брайан Пул больше подходил «Декке», ведь он вошел-таки в хит-парад, хотя это было похоже скорее на бурю в стакане по сравнению с тем девятым

валом, который позднее вызвали БИТЛЗ.

Однако отказ БИТЛЗ был компенсирован Дику Роу. Много позже он оказался как-то в Ливерпуле вместе с Джорджем Харрисоном среди участников жюри шоу, посвященного открытию новых талантов.

— Джордж, — сказал ему Дик, — я ужасно раскаиваюсь, что отказал вам.

Джордж ответил мистеру Роу, что тот может наверстать упущенное, если заскочит на уик-энд в привокзальную гостиницу Ричмонда, в Суррее, чтобы послушать группу под названием «Роллинг Стоунз». Роу последовал этому совету… и результат известен: они остались навсегда, и не только на пластинках.

Годами позже я купил пиратскую копию записи декковского прослушивания у типа, с которым познакомился в Нью-Йорке. Она была не так уж и плоха. Особенно мне нравится «Like Dreamers Do». Теперь эта запись выпущена официально на альбоме под названием «Silver Beatles», с очищенным и улучшенным звучанием.

Эпстайн, как мне казалось, был больше всех подавлен известиями из «Декки», но он продолжал прикладывать все возможные усилия, чтобы нас пристроить, бомбардируя другие звукозаписывающие компании продукцией БИТЛЗ. «Пай» ответила отказом, и то же самое — «Филипс». Две самые известные студии в лице «ЭМИ» и «Коламбии» хором сказали «нет».

И все же два маленьких лучика осветили горизонт. Один из них — наша первая передача по Би-би-си. Она явилась результатом того, что мы лидировали в хит-параде по результатам опроса «Мерси Бит». Передача, кажется, называлась «Play Hour». Она была записана в «Плэйхаузтеатре» в Манчестере, во время дневного концерта, превратившегося затем в вечерний.

Отец Пола отправился вместе с нами в Манчестер, куда мы прибыли одетыми с иголочки в наши шерстяные костюмы. На сцене нас каждого представили индивидуально, и три-четыре сотни девочек устроили нам фантастический прием, который позднее был так прокомментирован в «Мерси Бит»: «Джон, Пол и Джордж появились на сцене под крики „браво“ и аплодисменты, но когда появился Пит, фаны просто зашлись истерическим криком! Девочки визжали. Его исключительная физическая красота пользовалась в Манчестере популярностью».

Когда мы попытались покинуть театр после концерта, произошла настоящая демонстрация усиливающейся битломании. Это был настоящий штурм: девушки, девушки и еще девушки; они бросились на нас, как стая собак. Мы старались проложить себе

дорогу к нашей машине; я замыкал цепочку, и мне, естественно, досталось больше всех. Джон, Пол и Джордж отчаянно сражались за свободу, когда я вдруг оказался в ловушке. Я потерял пучок волос и галстук. Мой новенький шерстяной костюм был чудовищно измят и чуть не сорван с меня силой. Вражеские ряды окружили меня, со всех сторон надвигались карточки для автографов, а над морем голов девушки уже тянули дюжины других карточек в надежде получить подпись, я же был стиснут так, что совершенно не мог освободиться.

Отец Пола наблюдал эту безумную сцену и оценил ее необычно. Когда мне наконец удалось вырваться, он подошел ко мне и холодно сказал:

— Чем вы добились всеобщего внимания? И почему не крикнули остальным, чтобы они вернулись?

Я ему ответил, что не способен был сделать что бы то ни было. Я попался в западню и буквально был вынужден спасать свою жизнь. Если бы я мог найти хоть малейшее средство сбежать, я бы им непременно воспользовался.

Его комментарий был следующим:

— Я нахожу, что это было очень эгоистично с вашей стороны.

Позднее я передал этот разговор Эппи, и он обещал мне побеседовать с Джимом МакКартни. Выполнил ли он когда-нибудь это обещание, мне не известно.

В тот вечер мы вместе с Полом слушали у меня передачу с нашей записью, перед тем как отправиться играть в «Каверну»; по нашему мнению, запись была гениальной. В клубе Боб Вулер представил нас с особенной торжественностью:

— Не только звезды звукозаписи, но и звезды эфира! Вот они, собственной персоной! Ваши в доску парни! Ваши БИТЛЗ!

Другим маленьким лучиком, озарившим горизонт, был наш третий гамбургский контракт, начинавшийся 13 апреля. Мы и впрямь ждали его с нетерпением, поскольку лондонские пластиночные боссы только и делали, что качали головой в знак отказа.

Перед отправлением мы дали несколько прощальных концертов, и среди них один, хорошо мне запомнившийся, в «Касбе». Эпстайн явился туда в кожаной крутке, тенниске и ковбойских сапогах!

— О боже! — возопил Леннон, — вы только посмотрите на это! Он заставил нас напялить идиотские костюмчики, а теперь хочет стать одним из нас!

Эппи покраснел, стиснул пальцы и несколько секунд хранил молчание, затем очень вежливо ответил:

— Ну и что же? Ведь я просто отдыхаю, верно?

За три дня до официального начала наших гамбургских гастролей Джон, Пол и я сели на самолет без Джорджа, который подхватил краснуху и должен был присоединиться к нам днем позже вместе с Брайаном. Мы были в веселом расположении духа все время, пока самолет разгонялся и набирал высоту. Мы летели, чтобы торжественно открыть самое престижное заведение Гамбурга, клуб «Звезда», шикарное и совершенно новое, расположенное к тому же в нашем старом родном царстве — на Гроссе Фрайхайт. На этот раз мы должны были устроиться со всем возможным комфортом в собственной квартире с балконом.

Это было первым настоящим признаком популярности: афиши с нашим изображением, вывешенные в таком приятном месте, как гамбургский «Клуб № 1», и недурная оплата в размере 100 фунтов в неделю каждому. Мы все еще могли себе позволить роскошь веселья, пока самолет снижался и отдавалась команда пристегнуть ремни.

Стью Сатклифф и Астрид должны были встретить нас в аэропорту; мы виделись с ними один или два раза после нашего прошлогоднего слезного прощания. Они приезжали в Ливерпуль, где у них было с нами несколько коротких встреч: они приходили взглянуть на нашу игру и после спектакля оставались поболтать, как в старые добрые времена.

Мы страшно обрадовались, увидев, наконец, Астрид, ждавшую нас в аэропорту, но почему-то в одиночестве. Нам не показалось странным то, что она одета в черное — она всегда так ходила, — но ее лицо было еще бледнее обычного.

— А где Стью? — сразу же поинтересовались мы, думая, что он покупает пиво или кока-колу, а может, просто пошел сделать пи-пи.

Астрид с трудом подыскивала слова.

— Стью умер, — наконец прошептала она.

— Умер?..

Это невозможно. Только не Стью. Только не этот маленький экс-битл с волшебными пальцами художника, стеснявшийся своего неумения играть на басу и становившийся спиной к публике; этот миниатюрный Джеймс Дин, так влюбленно певший для Астрид, единственной из всех зрителей. Только не Стью. Мы не хотели в это верить.

Целыми неделями он мучился безумными головными болями и скончался накануне на руках у Астрид. Мы были глубоко потрясены и даже не старались скрыть слез, хлынувших из наших глаз.

Джон, бывший со Стью в гораздо более близких отношениях, чем мы с Полом, плакал, как ребенок. Я никогда раньше не видел,

чтобы он так вел себя на публике. Он много плакал, когда мы покидали Гамбург в предыдущий раз, но это было совсем не то. Он был полностью раздавлен. Он мог быть тем Джоном, которого мы хорошо знали: сильным, жестким и задиристым. Но если что-нибудь заставляло его по-настоящему страдать, он, как никто, становился болезненно чувствительным. И трагическая новость, которую прошептали бледные губы Астрид, его просто убила.

Он преклонялся перед талантом Стью-художника, и после его ухода из группы их дружба продолжалась в длинных письмах, которые писал ему Джон, иногда больше чем на тридцати страницах, испещренных странными стихами и кошмарными рисунками. Но теперь все это было кончено. Приняв форму злокачественной опухоли мозга, смерть настигла своего первого битла в возрасте двадцати одного года.

12. «Звезды» в клубе «Звезда»

Первые дни после нашего водворения на Гроссе Фрайхайт были ужасны. Новая квартира находилась прямо напротив клуба «Звезда», — к счастью, в клубе еще велись работы, и мы могли три-четыре дня побыть наедине с собой, пока все наконец не было готово для торжественного открытия гастролей БИТЛЗ.

Клуб был великолепен: роскошный, просторный, с балконом, оставшимся от тех времен, когда здесь располагался кинотеатр. Ложный решетчатый потолок, украшенный фонарями, нависал над залом, уменьшая его высоту и создавая интимную атмосферу. Настоящая сцена с настоящим занавесом на настоящем металлическом карнизе, и настоящие большие артистические уборные. Наконец, обращение с нами, как с настоящими звездами. Бар, конечно же, тоже не был забыт и притягивал мужскую часть посетителей — как и БИТЛЗ, — обслуживаемый целым эскадроном молоденьких, хорошеньких официанток.

За всеми этими чудесами стоял некто Манфред Вайсследер, еще один широкоплечий, рыжеволосый и краснолицый немец; он превратил клуб в витрину для американских и английских «жемчужин». Он владел множеством стрип-клубов в Сент-Паули, и его удачная карьера основывалась на сексе. Он был одним из тех здоровенных детин, которых мы старались ни в коем случае не обижать, а его «главным вышибалой» был, ни много ни мало, наш старый «друг» Хорст Фашер, перешедший сюда из «Топ Тена», и готовый вместе со своими подручными пресечь малейшую заваруху в клубе «Звезда».

Пока мы ждали приезда Джорджа, на свет появилась новая песня, которой предстояло навсегда изменить нашу жизнь. Сначала мы окрестили ее «Love, Love Me Do», но очень быстро решили выкинуть одно из «Love». Эту композицию Леннон с МакКартни «родили» однажды после полудня в нашей квартире напротив «Звезды». Мы репетировали ее два дня до открытия клуба, и все же она звучала еще несколько фальшиво. Мы без конца обсуждали между собой и саму песню, и разные ее интерпретации, и сошлись на том, что это — просто «маленькая безделушка».

Вдохновленный песней Брюса Чаннела «Hey! Baby», в которой доминировала губная гармоника, Джон начал импровизировать на своей собственной. Наконец, он нашел то, что искал, заставив стонать свою гармонику в блюзовом стиле, что придало всей песне меланхолический оттенок, замеченный позднее слушателями. Эта печаль была вполне объяснима: все мы были

под впечатлением от смерти Стью. Гармоника значительно улучшила песню и, вероятнее всего, именно благодаря ей первая английская пластинка БИТЛЗ пользовалась таким успехом.

Наша премьера в «Звезде» была просто незабываема. Нас оглушили аплодисментами; старые друзья осыпали нас наилучшими пожеланиями. «Звезда» была идеальным клубом: она даже перещеголяла «Топ Тен» Петера Экхорна. (Петер хотел, чтобы мы вернулись к нему, но Вайсследер дал больше.)

Во время премьеры Хорст Фашер объявил, что Вайсследер хочет сделать нам подарок в честь торжественного открытия клуба.

— Наверное, получим «кадиллак», — нет, пожалуй, «мерседеса» будет достаточно!

Мы веселились и строили самые безумные догадки.

В антракте за кулисами Вайсследер преподнес нам подарки, сопровождая их словами, отдаленно напоминавшими английские. Это были золотые браслеты для часов, на одной стороне которых были выгравированы наши имена, а на другой — «Клуб „Звезда“». Увы, мой оставался у меня недолго. Эти браслеты были нам великоваты, и я вынужден был снимать свой во время игры. Обычно, для большей безопасности я клал его в карман, но однажды вечером по возвращении из Гамбурга, когда мы играли в «Королевском Танцзале» в Биркенхеде («Magestic Ballroom of Birkenhead»), случилось так, что на нас были сценические костюмы без карманов, и попытка спрятать браслет под такой костюм выглядела бы чересчур неэлегантно. Поэтому я оставил его в кармане брюк в нашей артистической уборной; когда я вернулся, браслет исчез…

Мало-помалу, гамбургская жизнь, казалось, нормализовывалась после смерти Стью, но присутствие Астрид было для нас постоянным напоминанием. Она приходила в «Звезду» с друзьями повидать нас, стараясь держаться изо всех сил и выглядеть молодцом, но было видно, насколько глубоко она потрясена.

Опять мы вернулись к бесконечной карусели под названием «цыпочки и выпивка». «Звезда» была самым подходящим местом для того чтобы «прицыпиться», т. е. «подцепить цыпу» («turkin»), а при случае и настоящую подружку. Охота на «цып» была вполне легальна в клубе, и официантки казались весьма обеспокоенными тем, чтобы мы не остались «на голодном пайке».

Одна из них, Беттина, — восхитительная пышногрудая матрона с прической под названием «Шлем Минервы» — похоже, нас усыновила. Казалось, единственной ее заботой было обеспечить нас подходящими девицами. Их количество не

поддавалось исчислению (даже профессиональный счетовод не смог бы «подбить баланс» всех красоток, наведывавшихся в наши апартаменты).

Последняя часть нашего выступления заканчивалась к 4 часам, после этого начинались ночные забавы.

Прямо настоящая купля-продажа, а Беттина выступала в роли хозяйки магазина.

— Не удивительно, что у вас такой довольный вид, — улыбалась она.

Однако сама она никогда не позволяла себе расплачиваться натурой, тем более с нами.

Она стала нашим большим другом, даже сопровождала нас в воскресных утренних экскурсиях на Рыбный рынок, за два года ставших традицией. Должны же быть священные традиции по воскресеньям, в конце концов!

Беттина обладала весьма своеобразным чувством юмора. Например, когда она замечала нас в баре, она раскладывала на стойке свой гигантский бюст и зажимала голову кого-нибудь из нас между грудей! Очень приятно почувствовать себя моментально оглохшим именно таким образом.

У нее тоже были свои любимые песни, которые мы обязаны были играть специально для нее. Около дюжины фонарей висело над ее стойкой в баре, и она их раскачивала и заставляла звенеть, крича:

— А теперь для Беттины!

Когда песня заканчивалась, она проделывала то же самое в знак благодарности.

Уникальным хэппенингом, — по другому не скажешь — приостановившим нашествие девиц в нашу квартиру, это гиблое место, была «Штуковина», и принадлежала она Джорджу Харрисону.

Однажды вечером во время разгульной пьянки ему стало плохо, и его вырвало прямо рядом с его кроватью. В этом не было ничего удивительного, учитывая количество выпитого; у нас это было обычным делом. Разница состояла в том, что на следующее утро Джордж категорически отказался за собой убирать, уступив эту честь уборщице. Она запротестовала, справедливо говоря, что такого рода уборка не входит в ее обязанности, и что, таким образом, все это добро останется на месте. Однако Джордж решил, что это и не его работа тоже, и «путцфрау» в гневе, достойном тевтонского рыцаря, бросилась на поиски герра Вайсследера.

Она уже не первый раз жаловалась на царивший у БИТЛЗ беспорядок: на наши вонючие носки и одежду, валявшиеся по

всей квартире вместе с битыми бутылками и кучей другого хлама. Последняя выходка Джорджа переполнила чашу ее терпения.

Желая успокоить старую даму, Вайсследер направил к нам Хорста Фашера с заданием заставить Джорджа самого убрать сей оскорбляющий ее достоинство предмет. Однако тот не пожелал ничего и слушать и выказал свое неудовольствие. Это была не его работа. И, если уж на то пошло, пусть все остается как есть, даже если это мешает спать.

Все это совсем не было похоже на Джорджа. Будучи гораздо более добрым мальчиком, чем все остальные, он редко участвовал в спорах, особенно в самом начале. Мы держали его за «младшенького» и привыкли обращаться с ним, как с ребенком. Например, мы не упускали случая напомнить ему, как его выставили из Германии из-за его слишком юного возраста, и без конца подтрунивали над ним, приговаривая:

— Ты в те времена еще в ползунках ходил, верно?

Даже фаны поступали так же. Они называли его «Libschen Kind» (милый ребенок), что ему очень нравилось. Он всегда отвечал на это лукавой улыбкой и насмешливым взглядом, понимая, что девицы, вероятно, испытывают к нему материнские чувства. И он им не мешал. Однако он далеко не был «тряпкой», не смотря на свой небольшой рост (только Стью был ниже его), и никогда не отступал перед дракой. Он был к тому же очень упрям, и в данном случае со «Штуковиной» блестяще это доказал, ни в какую не соглашаясь убирать грязь возле своей кровати.

И вот, «Штуковина» осталась где была и превратилась в захватывающее зрелище, увеличиваясь на глазах и как бы живя отдельной жизнью. Мы откармливали ее окурками и объедками, пока она не стала похожа на ежа; тогда-то мы и окрестили ее «Штуковиной». Нас навещали парни из других групп, и мы им представляли ее как члена семьи. Они тоже с охотой поили и кормили ее время от времени. Ее слава быстро облетела окрестности, и люди приходили на нее подивиться. Благодаря установленному режиму кормления, она, казалось, поправилась и раздобрела. Ее диаметр достигал примерно 15 сантиметров. Однако цветение ее было недолговечным: она становилась по-настоящему ужасной.

— Я не могу спать, — пожаловался однажды вечером Джордж, — я ее боюсь. Мне кажется, она хочет меня съесть.

«Штуковина» по-прежнему благоухала не слишком приятно, но она была детищем Джорджа, и, не смотря на его собственные сомнения, мы полюбили ее как какую-нибудь зверюшку.

Когда слухи о ней достигли Хорста, он явился в нашу квартиру с ревизией, вскрикнул от отвращения и был, конечно,

прав. Он бросился вон за совком, и мы поняли, что «Штуковине» пришел конец. Мы от всего сердца вступились за нее:

— Эй! Не делай этого, она — наша подружка!

Но Хорст был не тем человеком, который растрогался бы видом нашей привязанности к мерзкой «штуке». Он сгреб ее в мгновение ока и выскочил с совком на улицу в сопровождении БИТЛЗ, певших похоронный марш. Похороны столь любимой нами «Штуковины» были кратки: ее бессердечно выбросили в мусорную урну на Гроссе Фрайхайт. Только после ее кончины наша уборщица согласилась вернуться, чтобы придать нашей берлоге вид человеческого жилья. В конце концов Джордж одержал маленькую победу: все-таки за ним убрал кто-то другой, а не он сам.

Пока мы жили в этой квартире, Леннон тоже непрерывно демонстрировал свою непокорность и бунтовал против всех и всяческих видов власти.

Это произошло в одно прекрасное солнечное воскресное утро в мае месяце, когда небо было чистым и голубым. Мы как раз собирались отправиться на Рыбный рынок; утро было тихим и мирным, люди направлялись в маленькую католическую церквушку, которой каким-то образом удалось примоститься рядом с клубом «Звезда» в этом мире секса и смертного греха.

Когда мы уже собирались уходить, Джон вдруг заметил из окна четырех смиренных святых сестер, среди прочих богомольцев направлявшихся во храм.

— Пойду-ка пописаю, — сказал он, но, вместо того чтобы направиться в туалет, вышел на балкон.

И там, на виду у всех, кто бы ни пожелал увидеть, Леннон расстегнул ширинку и оросил четырех добрых монашек миниатюрным ливнем, хлынувшим на них из ясного неба без единого облачка.

— Дождик небесный! — радостно крикнул Джон четырем святым сестрам.

Те остановились, но затем, убедившись, что в «дождике» не было ничего мистического, спокойно продолжили свой путь.

Несколько человек были свидетелями этой антиклерикальной демонстрации Леннона, и среди них — двое широко ухмылявшихся полицейских. Когда мы вышли на улицу, они всего лишь предупредили нас очень любезным тоном:

— Никогда не делайте больше таких вещей, а то вас придется выпроводить в Англию, — сказал один из них, стараясь подавить смех.

Самое худшее наказание, которое пришлось за это вынести Джону, было тем, что хозяин клуба герр Вайсследер и Хорст

Фашер пожурили его. Клуб «Звезда» гордился своей репутацией лучшего гамбургского рок-клуба, и он не мог позволить какому-то шутнику марать ее своими выходками дурного тона. Джон редко огорчался больше чем на несколько минут после таких внушений. Он жил как хотел, он любил шокировать, и устраиваемые им провокации были формой протеста против общества. Монашки символизировали церковь, церковь же представляла собой власть и истеблишмент, так что он вполне мог позволить себе такую вольность.

Пока мы наслаждались свободой в Сент-Паули, Брайан Эпстайн впервые за свою краткую карьеру менеджера БИТЛЗ оказался на распутье. Он стучался во все двери, пытаясь отыскать студию, готовую нас записать. Ничего другого ему не оставалось. Его семья начала терять терпение, считая, что он растрачивает на БИТЛЗ энергию, которую лучше было бы направить в русло фамильного бизнеса. Брайан в отчаяньи попытался уговорить родителей поддержать его последнюю попытку найти в Лондоне какую-нибудь маленькую «занюханную» студию, которая могла бы нами заинтересоваться.

Как только Брайан приехал в Лондон, он зашел в магазин HMV на Оксфорд Стрит, где, как он узнал, можно было нарезать магнитные записи на диски за несколько фунтов.[25] Он подумал, что пластинки лучше звучат и более практичны. Во время этой операции один из звукоинженеров[26] был очень заинтересован оригинальным звучанием песен на бобинах, и обмолвился об этом двумя словечками людям с верхнего этажа, где располагался отдел музыкальных изданий EMI. Заинтригованный БИТЛЗ Сид Коулмен, директор издательства, позвонил в контору Джорджа Мартина в «Парлофоне», единственном, кажется, отделении EMI, где нам пока не дали пинка. В результате, на следующий день Эппи получил приглашение от Джорджа Мартина, парлофоновского шефа.

Прослушав наши записи, Джордж Мартин, признававшийся позднее, что он разыскивал «нечто, звучащее, как Клифф Ричард и „Шедоуз“», подумал, что, может быть, из нас можно что-нибудь сделать.

Эта новость настигла нас на Гроссе Фрайхайт в виде телеграммы, отправленной Брайаном, которую Джордж вскрыл и прочитал: «Ребята, поздравляю. EMI согласилась устроить вам сеанс звукозаписи. Готовьте что-нибудь новенькое».

Это было утро похмелья, однако мы все же начали улыбаться, потом — хохотать, потом — награждать друг друга дружескими пинками и шлепками в честь такого события. Наконец-то еще один шанс — может быть, последний «выйти из окопов» и

«разоружиться».

— Куда мы идем, парни? — орали мы. — На вершину вершин!

Уже одно упоминание о «чем-нибудь новеньком» разожгло плодотворное воображение Леннона с МакКартни. И все же предстояло еще пройти длинный путь. Джордж Мартин пообещал всего-навсего внимательно нас послушать, и это могло быть повторением истории с «Деккой».

Брайан вылетел в Гамбург, чтобы отпраздновать этот исторический поворот в карьере БИТЛЗ вместе с нами. Он пьянствовал целую ночь, таскаясь вместе с Ленноном из клуба в клуб, из бара в бар.

— Полюбуйся-ка на это, — сказал Джон торжествующе на следующий день, разжимая руку, из которой выпало 100 марок. — Я немножко оттузил Эппи и стрельнул у него десять червонцев, пока он хныкал над своим пивом.

Такого рода вещи Джон проделывал без зазрения совести. Мы предполагали, что после этого Брайан вернется в Ливерпуль, однако обнаружили его несколько дней спустя на Репербане в клубе «Рокси», известном тем, что его посещали гомосеки и разные извращенцы.

— Мы думали, ты вернулся, Брайан, — сказали мы; на это он ответил, что его задержали «дела», однако не пояснил о каких «делах» шла речь.

Среди всех развлечений, которые предлагала нам Гроссе Фрайхайт, я, как и Джон, не забывал писать девушке, оставшейся в Англии. Ее звали Кэтрин; позднее я познакомился с ней ближе уже под именем Кэти, затем — Кэйт, и, наконец, Кит. Она постоянно посещала поп-концерты и была влюблена в танцы. Она ходила в рок-клубы вместе со своей подругой Элис, к которой был неравнодушен Пол.

Впервые, я встретил Кэти (она подписывалась просто «К.») на одном из наших концертов в Институте Эйнтри и обнаружил, что, хотя ей и нравились БИТЛЗ как группа, и их музыка — тоже, однако она не была в восторге от нас лично, считая, что мы — банда сорвиголов.

Позднее мы встретились в «Каверне», но не сказали друг другу ни слова. Потом я увидел ее в одном кегельбане, бывшем любимым местом отдыха мерсисайдских групп. Я как раз закончил игру и, повинуясь внезапному импульсу, спросил у нее, не хочет ли она кока-колы. На этот раз мы проболтали о том — о сем около двух часов.

— Пока! — сказал я на прощанье.

Вот и все. У нас были чисто дружеские отношения, и наши

встречи носили случайный характер до того самого знаменитого дня, когда мы уехали в Гамбург во вновь открытый клуб «Звезда». Эппи организовал в «Каверне» вечеринку специально для фан-клуба. Она прошла на редкость удачно, и Кэти, став «протеже» Боба Вулера, вошла в группу танцоров под названием «Кинг Твистерс». Ее члены были выбраны Бобом, чтобы продемонстрировать вакхическое безумие твиста, а аккомпанировали им БИТЛЗ. Одним из номеров было мое соло в «Peppermint Twist». Во время вечеринки Бобу пришла в голову светлая идея составить из нас с Кэти пару, чтобы мы вместе отплясывали твист, как образец для остальных членов группы. Я не был от этого в особом восторге, о чем и сообщил Бобу.

— А ей-то ты почему об этом не сказал? — спросил я у него.

Он притащил ее в нашу артистическую. В конце концов я согласился стать посмешищем для всего нашего мирка и мы провели короткую репетицию, заставившую Пола хохотать во все горло при виде нашего кривлянья.

— А ну-ка, давай, поднимайся, если ты думаешь, что у тебя получится лучше! — сказал я ему.

Пол тоже пустился в пляс, и тут уж настала моя очередь громко смеяться.

— Осторожно, осторожно, ты себе ноги сломаешь! — приговаривал я.

После того как я исполнил свое соло, меня заставили-таки присоединиться к «эксперту по танцам» Кэти. Публике мы понравились, и она нас подбадривала, крича «Давайте, давайте!» Мы целых десять минут должны были трястись и крутиться в прокуренной атмосфере, после чего я лично очень нуждался в добром стакане. Мне подумалось, что Кэти тоже не откажется чего-нибудь выпить, и я пригласил ее в «Грейпс», наш оазис, расположенный в двух шагах на той же Мэтью Стрит. Это было началом нашего с ней жизненного пути. Пока я был в Гамбурге и не видел ее в течение семи недель, я понял, что влюбился в нее по уши.

13. Бомба

В памятный день начала боевых действий, 6 июня 1962 года, студия № 3 EMI — одна из лучших лондонских студий грамзаписи на Эбби Роуд — была оккупирована БИТЛЗ, только что высадившимися на родную землю после триумфальной победы в гамбургском клубе «Звезда». Эта дата осталась в анналах всемирной истории, а также в моих, но по другой причине. Для БИТЛЗ это был последний шанс, последняя отчаянная попытка переступить порог славы. Что касается Джорджа Мартина, то для него, вероятно, это был самый обычный день, — одним прослушиванием больше, — но в результате он перевернул всю его жизнь.

Джордж Мартин был милым джентльменом, служившим во время войны в авиации, а теперь, в тридцать шесть лет, возглавлявшим дом грамзаписи, составивший себе солидную репутацию на комическом репертуаре. Этот дом снискал похвалы критиков, способствуя дискографической карьере Питера Селлерса, «Гунс»[27] и Питера Устинова.

Джордж, окончивший музыкальную школу Гилдхолла по классу гобоя, был также поклонником джаза и записал несколько гигантов, вроде Хамфри Литтелтона и Джонни Данкворта. Выпуск поп-музыкальных дисков был незначителен, но все же, совсем как Бруно Кошмайдер и ему подобные, Джордж тоже совершил несколько экскурсий в кафе-бары Сохо в конце пятидесятых годов. Там он увидел Томми Стила, певшего с «Виперс Скиффл Груп» («Vipers Skiffle Group»), но контракт подписал только с «Виперс», отказав Томми Стилу, и предоставив таким образом свободное поле деятельности «Декке».

И вот, несколько лет спустя он впервые увидел БИТЛЗ в третьей студии, с интересом отмечая, как он признавался позднее, что они выглядели чистыми и аккуратными. Мы, с нашей стороны, нашли его изящным, элегантным и говорящим на безупречном языке, ничего общего не имевшем со стилем бодрячков, бахвалов и слащавых «хай-бэйби» из «Тин Пэн Элли».[28] Остальные битлы обменялись с ним несколькими любезностями, пока я, сознавая важность предстоящей задачи, преспокойно устанавливал свои барабаны и не вмешивался в разговор.

Он выслушал со вниманием профессионала наши старые испытанные вещи, а также несколько композиций Леннона МакКартни, среди которых была и окончательная версия «Love Me Do», которую мы с большим успехом опробовали на нашей

гамбургской публике. Однако после прослушивания мистер Мартин не казался особо вдохновленным, пока он с напускной важностью беседовал с Брайаном Эпстайном, а БИТЛЗ упаковывали обратно свои инструменты. Хотя Джордж Мартин не обещал ничего окончательного, Эппи, похоже, был настроен довольно оптимистически, и мы все вернулись в Ливерпуль — ждать вынесения приговора. Опять потянулось время.

Жизнь покатилась по накатанной колее; в «Каверне» нам устроили замечательный прием в следующую после нашего возвращения субботу, 9 июня: мы играли с семи вечера до полуночи. Официальное объявление о возвращении БИТЛЗ и нашем первом появлении на публике после «успеха в Германии» опубликовали в виде афиши на первой странице «Мерси Бит». БИТЛЗ разместились в верху афиши, а список групп, выступавших в первой части концерта, напечатанный гораздо более мелким шрифтом, состоял из «Ред Ривер Джазмен», «Кен Даллас энд Силуэтс» и «Фо Джейз».

Под объявлением, развернувшись на четверть листа, помещался мой собственный портрет, сделанный в профиль, с надписью: «Поздравляем Пита, Пола, Джона и Джорджа и всех парней вместе с их фантастическим успехом в Германии». Впервые мое имя назвали первым; всегдашний порядок расположения БИТЛЗ был: Джон, Пол, Джордж и Пит. Но мы уже так давно были одной командой, что не стали придираться к таким мелочам.

После большой субботней вечеринки в «Каверне» мы все отправились в Манчестер, чтобы записать еще одну передачу для Би-би-си. И снова это превратилось в необыкновенное событие: все кругом вопили и визжали. На афише вместе с нами была объявлена местная группа «Фредди энд Дримерз». После выступления Фредди пришел поболтать с нами и все изумлялся по поводу «неописуемого стечения народа».

Брайан позаботился о том, чтобы мы были максимально загружены и не сидели без дела в ожидании вердикта из «Парлофона». Кроме «Каверны» и разных танцевальных вечеров, уводивших нас все дальше и дальше от города, мы еще несколько раз появились в нашем старом «гнездышке» — в «Касбе».

В то время мы с Кэти уже постоянно встречались, но мне было очень трудно, даже невозможно, ухаживать за ней так, как мне бы того хотелось. Я чуть ли не каждый вечер в неделю торчал за своими барабанами, а Кэти весь день работала: она была продавщицей в супермаркете. Нам приходилось изловчаться, чтобы использовать малейшую возможность побыть вдвоем. Иногда мы встречались в кино на сеансе в 17.30, а потом

приходила моя очередь отправляться на работу.

Я купил ей в Гамбурге восхитительное платье в японском стиле, с разрезом на юбке. Она до сих пор не представила меня своей семье, и, чтобы отдать ей свой подарок, я решил заскочить к ней в Уолтон, пригород Ливерпуля, без предупреждения. По дороге я спрашивал себя, какого рода прием мне окажут. Дверь мне открыл ее брат Ричи, я спросил у него, дома ли Кэти.

— Это ты — Пит? — осведомился он.

Он сказал, что она отправилась танцевать — это меня ничуть не удивило — и пригласил меня зайти.

Я был представлен его матери, окинувшей долгим взглядом мои кожаные куртку и штаны. Я понял, что готов провалить этот суровый экзамен, но тут Ричи пришел мне на выручку:

— Хочешь пива? — спросил он.

Мы провели несколько часов в пабе, где моя одежда тоже привлекала всеобщее внимание; только на следующий день я смог увидеться с Кэти. Все обошлось: я успешно сдал семейный экзамен.

Где-то в середине июня меня навестил Джо Фланнери, менеджер группы под названием «Все звезды Ли Кэртиса» («Lee Kurtis The All-Stars») и друг детства Эпстайна. Он завел со мной разговор, который меня немало озадачил:

— Когда ты к нам присоединишься, Пит? — спросил он.

Его вопрос застиг меня врасплох. Я усмехнулся: вот уж вздумал на чем меня поймать, держи карман шире.

— Шутишь, что ли?! — сказал я, — с чего бы это мне вдруг уходить из БИТЛЗ, да еще в тот самый момент, когда нам так повезло с «Парлофоном»?

— Считай, что я тебя предупредил, — сказал он серьезным тоном, пробормотав что-то вроде: «Ходят тут всякие слухи».

Так он это и оставил.

Что еще за слухи? У меня не было никогда ни малейшего намерения расставаться с БИТЛЗ после двух проведенных вместе лет, после всего проделанного пути. Но слова Джо меня насторожили. Может, была какая-нибудь договоренность, которую наш друг Эпстайн держит от меня в секрете? Может, были какие-нибудь разговоры о том, чтобы меня заменить, или просто выкинуть?..

На следующий уик-энд мы играли в танцзале «Плаза» в Сент-Хеленсе, и по окончании вечера я решил сказать Брайану пару слов и передать ему мой разговор с Фланнери. Эппи некоторое время молчал, по обыкновению покраснев, затем принялся что-то лепетать.

Я спросил:

— Скажи, Брайан, были у БИТЛЗ планы заменить меня кем-нибудь?

— Уверяю тебя как твой менеджер, — ответил он очень убежденно, — не было никаких планов заменить тебя, Пит.

Его ответ меня удовлетворил. Мои сомнения счастливо разрешились, и я не думал больше об этом. Наша бурная жизнь продолжалась, мы по-прежнему были друзьями, вместе дурачились, вместе пили, вместе путешествовали.

Поступило даже предостережение со стороны Брайана, что мои отношения с Кэти «могут вредно сказаться на нашей работе». Из этого я заключил, что никаких перемен в ближайшем будущем не предвидится.

В конце июля Джордж Мартин дал знать группе, что запись запланирована на сентябрь. Но, точно так же, как после прослушивания в «Декке», меня держали в полном неведении относительно этой новости. Джон, Пол и Джордж были немедленно извещены о решении «Парлофона», но не сказали мне ни слова. Даже не намекнули. Я был проинформирован несколько позднее, и в самой жестокой форме.

Приблизительно две недели спустя после известия из «Парлофона», вечером в среду 15 августа, мы играли в «Каверне», а после концерта, как обычно, вместе обсуждали аранжировки для вечера в танцевальном зале «Речного парка» в Честере («Riverpark Ballroom» in Chester), где нам предстояло играть на следующий день. Как всегда, мы с Нейлом Эспиноллом должны были на машине захватить остальных БИТЛЗ по дороге на концерт.

Леннон как раз собирался уходить, и я сказал ему:

— Я заскочу к тебе завтра, Джон.

— Нет, — сказал он, — у меня другие планы.

В тот момент мне это вовсе не показалось странным, хоть и не вписывалось в обычную программу. Джон переживал сложный период: через неделю он должен был жениться на Синтии, которая уже была беременна.

В тот же вечер, еще до того как я покинул клуб, Брайан сказал мне, что хотел бы меня видеть в своем офисе на Уайтчепел завтра в десять утра. В этом опять-таки не было ничего такого, что могло бы меня насторожить: так было заведено, что мы с ним часто виделись в офисе, чтобы поговорить о делах БИТЛЗ и обо всяких сопутствующих «причиндалах» — о транспорте и аппаратуре, все еще находившейся у меня.

На следующий день Нейл отвез меня в центр города и высадил на Уайтчепел. Когда я поднялся на второй этаж, я обнаружил там совершенно растерянного Брайана. Он трещал без

умолку и болтал обо всем, только не о работе. Это был совсем не его стиль. Было совершено очевидно, что это — какая-то особая диверсионная тактика, и я чувствовал, что его занимает что-то очень важное.

Наконец, он собрался с духом и сбросил мне на голову бомбу:

— Ребята хотят, чтобы ты ушел и уступил свое место Ринго…

Я был сражен наповал и даже не мог подыскать слов в ответ. Только одно снова и снова поднималось в душе: почему, ну почему?

— Они думают, что ты не очень хорошо справляешься с барабанами, Пит, — продолжал Брайан, — и так же думает Джордж Мартин.

— Я считаю, что справляюсь с ними так же хорошо, если не лучше, чем Ринго, во всяком случае я слышал, что так говорят.

Затем я спросил:

— Ринго уже знает об этом?

— Он начинает в субботу, — сказал Эппи.

Так значит, все было тщательно спланировано. За моей спиной уже давно готовился заговор, и ни у кого из БИТЛЗ не хватило мужества сказать обо всем мне в лицо. Они предоставили Брайану всадить мне в спину нож, выждав до самой последней минуты. И даже Ринго в этом участвовал, — Ринго, которого я считал своим приятелем до этого рокового дня. Мы с ним по-настоящему дружили и после первой поездки в Гамбург виделись так часто, как только могли. Мы нередко встречались днем в «Каверне», где собиралось много музыкантов. Встречались мы и в других местах, если выступали на одном и том же концерте, и конечно же, у меня, когда Рори Сторм играл в «Касбе».

Эпстайн сделал еще одно усилие и продолжил программу этой волнующей встречи:

— Осталось всего несколько выступлений до прихода Ринго. Ты будешь играть?

— Да, — произнес я, совершенно не сознавая, что говорю, такая сумятица творилась у меня в голове.

Как же такое могло случиться со мной? Зачем Джону Леннону, Полу МакКартни и Джорджу Харрисону понадобилось целых два года, чтобы придти к заключению, что мой стиль игры недостаточно хорош для них?

Как в тумане, я вышел из офиса Брайана. Нейл ждал меня внизу.

— Что случилось? — спросил он, как только увидел меня. — Ты похож на привидение.

— Они меня выгнали — сказал я. Нейл едва мог поверить.

Мы отправились в «Грейпс» — как следует накачаться пивом.

— Все, чего мне сейчас хочется, это собраться с мыслями, — сказал я ему.

Он был действительно потрясен и унижен этой внезапной оглушительной новостью также, как я. Он даже начал говорить о том, что бросит свою работу дорожного менеджера.

— Это не повод, — сказал я ему, — не будь идиотом, БИТЛЗ скоро выберутся наверх.

Я принялся убеждать его не делать ничего необдуманного, и он остался с БИТЛЗ. В один прекрасный день и он узнал, что значит быть знаменитым, став директором очень оригинального предприятия, а именно корпорации «Эппл», учрежденной БИТЛЗ для того чтобы самим вести свои дела. Возвращаясь назад, нужно сказать, что мы с ним стали видеться все реже и реже, и кончилось тем, что мы разошлись в противоположных направлениях, хотя он, несмотря ни на что, продолжал жить под моей крышей. После успеха «Love Me Do» он стал для БИТЛЗ совершенно необходим, поскольку группа вынуждена была перемещаться на все более длинные дистанции. Начало 1963 года стало началом гастролей: сперва в Экосс, а потом и по всей стране. Скоро Нейл, Брайан и БИТЛЗ окончательно обосновались в Лондоне, и таким образом я совершенно потерял их из виду на многие годы.

Вернувшись к себе на Хэйменс Грин, я разрыдался. Моя мать уже знала обо всем случившемся, потому что Нейл без моего ведома улучил каким-то образом момент, чтобы позвонить ей по телефону. Она тщетно пыталась дозвониться до Брайана, чтобы услышать в конце концов, что «он занят».

Когда я слегка оправился от первоначального шока, я начал себе отдавать отчет в том, что пообещал продолжать играть с БИТЛЗ до прихода Ринго. Но я прекрасно знал, что никогда не смог бы этого сделать. Я был предан, и появляться на сцене вместе с тремя предателями было бы для меня все равно, что поворачивать нож в ране. Если я больше не был им нужен, они должны были играть без меня, начиная с этого самого момента, и подыскать себе другого ударника. Они прекрасно знали, что им не придется носиться по всему Ливерпулю в поисках замены: на той же самой афише концерта в Честере значились «The Big Three», которые скоро оказались в конюшне Эпстайна; в «Биг Три» играл Джонни Хатч — тот самый, который выступал временным ударником на прослушивании у Ларри Парнса.

Нейл попал в двусмысленную ситуацию, но, хочешь-не-хочешь, ему как «роуди» пришлось ехать в Честер, где Эппи выразил изумление по поводу моего отсутствия.

— А ты что думал? — заметил ему Нейл со своей обычной

прямотой.

Когда он спросил у Джона, Пола и Джорджа, какова была настоящая причина моей отставки, ему ответили:

— Не твое дело! Ты — только шофер…

Фанам, с беспокойством спрашивавшим «Где Пит Бест?», они просто отвечали, что я занят. Все это время я провел в затворничестве у себя на Хэйменс Грин, без конца пытаясь отыскать ответ на вопрос, почему оборвалась моя профессиональная жизнь.

Моя мать вышла на контакт с Джорджем Мартином, который ясно дал ей понять, что никогда не был инициатором моего ухода. Все, что он говорил, — объяснял он, — это всего лишь, что для записи первого диска БИТЛЗ он предпочел использовать студийного музыканта. В серии интервью для «Дэйли Миррор» в 1980 году Джордж объяснял Патрику Донкастеру:

— Мне казалось, что Пит был как бы в стороне от группы, и пока другие смеялись, шутили и болтали между собой, Пит в основном молчал. Однако я никогда бы не мог подумать, что Брайан Эпстайн позволит ему уйти. Он был наиболее «продаваемым» членом группы в смысле физической красоты, хотя все остальные тоже были очень красивы. Что касается его, то он смахивал на Джеймса Дина. Это был для меня настоящий сюрприз, когда я узнал, что они выгнали Пита Беста. По моему мнению, качество ударных важно при записи, в другое же время на него не обращают особого внимания. Фанаты почти никогда не прислушиваются к игре барабанщика.

Когда БИТЛЗ появились на Эбби Роуд со своим новым ударником, Ринго Старром, Джордж Мартин не захотел рисковать в первой же записи и предпочел использовать опытного студийного музыканта по имени Энди Уайт. Ринго, тем не менее, играл в нескольких пробных записях. В связи с этим Джордж Мартин рассказывал:

— В конце концов у нас оказалось несколько вариантов «Love Me Do» и с Ринго, и с Энди Уайтом. Честно говоря, я не помню точно, какую именно запись мы выбрали для тиражирования, но по-моему, все-таки это была запись с Ринго. В версиях с Энди Ринго играл на тамбурине.

«Мерси Бит» шарахнула новость о моем «вынужденном отпуске» — хоть и не называла все своими именами — в эксклюзивной статье под заглавием «БИТЛЗ МЕНЯЮТ БАРАБАНЩИКА!»

Этот выпуск был датирован 23-им августа; как раз в этот день Леннон женился на Син.

Статья начиналась так:

> «Ринго Старр (бывший барабанщик „Рори Сторм энд Хэррикейнз“) присоединился к БИТЛЗ, сменив за ударными Пита Беста. Ринго уже давно восхищался БИТЛЗ. Он в восторге от этого нового предложения. И правда, его будущее кажется заманчивым. БИТЛЗ прокомментировали все это следующим образом: „Пит покинул группу по обоюдному согласию. Не было никаких пререканий и осложнений: это было вполне дружеским решением…“»

Никто из БИТЛЗ персонально не был назван; единственное «обоюдное согласие», которое когда-либо существовало, было достигнуто Джоном, Полом и Джорджем. Никаких пререканий не было потому, что ни у кого из БИТЛЗ не хватило смелости поспорить со мной по этому поводу, и никаких осложнений не возникло потому, что мое «увольнение» было делом решенным, а Ринго уже получил приглашение. Таким образом, я никогда не «покидал» группу: меня просто выгнали!

То, что даже Джон Леннон не рискнул сказать мне этого в лицо, больно ранило меня. Я был к нему ближе, чем к другим БИТЛЗ. Я тесно общался с ним в течение четырех лет, а это очень много в жизни такого молодого человека. Я очень любил его, я восхищался им.

В официальной биографии БИТЛЗ, появившейся в 1968 году, автор, Хантер Дэвис, писал: «Отставка Пита Беста один из самых неприглядных эпизодов в истории БИТЛЗ. Было что-то грязное в том, что произошло. Естественно, большинство на их месте поступило бы точно так же, взвалив на менеджера эту неприятную обязанность. Но ведь все они, особенно Джон, всегда были честны и открыты со всеми…».

Джон говорил Дэвису:

— Мы сподличали, когда выгнали его. Мы передали ему это через Брайана. Но если бы мы выложили новость Питу лично, это, может быть, выглядело бы еще циничнее, чем когда мы переложили это дело на Брайана. Может быть, даже кончилось бы дракой, если бы мы сами все ему сказали…

Что в этом было бы такого ужасного?

По крайней мере, я смог бы оправдаться, ответить на их придирки и, может быть, доказать свою правоту, прежде чем перейти к рукам. Это, впрочем, была бы наша первая драка. В течение проведенных вместе лет мы с Джоном спорили много раз, главным образом по поводу вещей, которые играли: по поводу аранжировок, может быть, по поводу порядка песен, — были всякие малозначительные проблемы, обычные в жизни группы. Но

мы никогда не дрались и даже не ссорились.

Мы были очень дружны, и когда БИТЛЗ постоянно выступали в «Каверне», Джон иногда ночевал у меня. Мы приходили очень поздно, после закрытия «Касбы», спускались в кафетерий и начинали с жадностью уписывать горы чипсов, запивая их дюжиной бутылок колы.

— Мы оставили деньги на стойке, — говорили мы Мо.

Никогда в жизни мы их там не оставляли, а моя мать никогда их и не требовала.

Затем непрерывно случались «сеансы пошива», поскольку Джон без конца рвал на сцене штаны в своих сальто-мортале.

— Мо, — говорил он, — есть халтура для швеи. Я опять порвал джинсы, а мне нужно быть готовым завтра с утра.

Иногда он сам принимался строчить на швейной машинке моей матери, хотя совершенно ничего не смыслил в механизмах.

Мы просыпались к 11 часам, чтобы быть в «Каверне» в полдень, предварительно позавтракав. Джон вполне был способен смолотить целый хлеб с бэконом, пропитанный топленым салом, но частенько меню состояло только из тостов с кока-колой. Прежде чем сняться с якоря мы еще успевали послушать несколько дисков.

Вот Джон, которого я знал. Но его махинации совместно с остальными БИТЛЗ положили конец этой «незабываемой дружбе».

Короткое сообщение о том, что БИТЛЗ просто сменили ударника, вскоре получило резонанс. Непрерывный поток фанов устремился к дверям дома на Хэйменс Грин: плачущие девушки хотели знать, почему я ушел из группы; гневные девушки уже успели проведать, что меня выгнали вон. Мо вспоминает, что ее гостиная «была набита плачущими и всхлипывающими фанатками». Иные девушки, чье сердце, по-видимому, было разбито, не желали меня покидать и доказывали свою преданность, неся караул перед дверями моего дома, и даже спали всю ночь в саду.

Когда правда начала просачиваться, в «Каверне» и перед офисом Эппи на Уайтчепел начались сильные волнения, манифестация даже угрожала перерасти в драку. Фаны дефилировали перед домом, неся плакаты и вопили с такой горячностью, что создавалось впечатление, будто популярный ранее мистер Эпстайн превратился в одну из самых ненавидимых в Ливерпуле персон. Эти громкие протесты внушили ему довольно-таки большие опасения, поскольку он не осмеливался больше и носа показать в «Каверну» вместе с БИТЛЗ.

После двух дней отсутствия он все же рискнул придти, но с категорическим условием, что владелец клуба Рэй Макфолл

предоставит Брайану Эпстайну личного телохранителя. Толпа встретила его выкриками и плакатами, на которых можно было прочесть: «Пит — навсегда, Ринго — никогда!», «Пит — лучший» («Pete is best!») и «Мы хотим Пита!» Выпустив когти, они ждали на улице, готовые выцарапать глаза Эппи и разукрасить БИТЛЗ. Удары сыпались со всех сторон, волосы вырывались пучками, а Джорджу Харрисону в свалке привесили под глаз здоровенный фонарь, который все еще был заметен и в сентябре, на записи «Love Me Do».

Некоторые фанатки были убеждены, что БИТЛЗ не выживут без меня на ударных. Они готовы были выщипать Ринго все волосы, чтобы дать ему почувствовать силу их гнева. «Пит и был БИТЛЗ!» — стало боевым девизом моих защитников, продолжавших саботировать все акции, предпринимаемые Джоном, Полом и Джорджем.

«Мерси Бит» получила петицию, подписанную сотнями людей, требующих моего восстановления.

Сам Ринго получал письма, полные желчи и даже угроз. Несмотря на это он сбрил бороду и отпустил челку: он был «призван», а я — «освобожден», и решение обжалованию не подлежало, что бы там не думали преданные мне фаны.

Затем Мо приняла у себя нескольких людей, желавших снять с себя ответственность и показать, что они не имеют никакого отношения к тому, что со мной произошло. Первым из них был Боб Вулер. Потом пришел Рори Сторм, оценивший по достоинству тот факт, что Ринго бросил его как раз во время летнего сезона в «Бутлинсе».[29] Мать Рори тоже нанесла нам визит.

В августе месяце Джордж Харрисон, забыв о своем подбитом глазе, написал в письме одной фанатке по имени Дженни: «Ринго — лучший на свете барабанщик и к тому же он улыбчив, чего не скажешь о Пите. Группа, может быть, будет вам казаться разобщенной в течение нескольких недель, но я думаю, что в конце концов Ринго примет большинство наших фанов… С любовью, Джордж.» (Это письмо вместе с коллекцией личных вещей и сувениров остальных БИТЛЗ было выставлено на аукционе Сотби в Лондоне перед Новым 1981-м годом.)

В течение следующей за моим изгнанием недели телевидение «Гранада» снимало в «Каверне» БИТЛЗ в новом составе. И Нейл Эспинолл спросил у меня, достаточно ли я оправился, чтобы пойти взглянуть на съемку. Я предался размышлениям: ведь мне пришлось бы встретиться со множеством людей, которые стали бы мне задавать кучу всевозможных затруднительных вопросов. Но я все же решил зайти туда. Так и случилось, чуть только начался вечер. Я пробрался туда на цыпочках, чтобы немедленно

выскочить обратно тем же манером: это было больше, чем я мог вынести. Когда я выходил, меня заметил Джим, отец Пола, и радостно сказал:

— Гениально, правда? Их покажут по телевизору! — до такой степени бестактный комментарий!

— Сожалею, мистер МакКартни, — ответил я, — не мне нужно такое говорить…

Тем временем Эпстайн решил наконец связаться с моей матерью и сказал, что хочет меня видеть, добавив, что он решился на это «из личного расположения». Таким образом, мы снова встретились лицом к лицу. Он хочет любой ценой сохранить нашу дружбу, говорил он, рассыпаясь в извинениях по поводу всего происшедшего.

— Я не хотел, чтобы ты уходил из группы, но вынужден был это сделать под нажимом остальных.

— Карты на стол, Брайан, — сказал я ему, — ни один из них не поступил, как мужчина, а тебя они выставили самым большим идиотом.

Он ответил, что такова была горькая чаша менеджера, что он должен был испить ее до дна, и накануне нашей беседы лицом к лицу в то ужасное утро он провел бессонную ночь. Затем он постарался принять веселый вид и предложил:

— У меня есть идея, которая может сработать. Я думаю подписать контракт с «Мерси Битс», и мне бы хотелось, чтобы ты стал их членом.

«Мерси Битс» были молокососами и привлекали к себе не слишком много внимания, будучи эпигонами БИТЛЗ.

— Я не могу этого сделать, — сказал я Брайану, — я был из числа фаворитов в твоей конюшне, а теперь ты хочешь, чтобы я играл с этими жеребятами. Они не будут участвовать в забеге. Если я и войду в какую-нибудь группу, она будет совсем в другом роде.

Еще раз извинившись, Эппи пожал мне руку и распрощался со мной. Я же спрашивал себя, почему моя игра на барабанах, бывшая столь «сомнительной» для БИТЛЗ всего две недели назад, стала вдруг такой хорошей для «Мерси Битс».

Посыпались предложения от менеджеров других групп, желавших видеть меня ударником, но ни одна из них по-настоящему не привлекала меня. Затем Джо Фланнери снова наведался ко мне на Хэйменс Грин, пригласив меня присоединиться к «Ли Кэртис энд Олл-Старз». Это предложение показалось мне добрым предзнаменованием. И все же я попросил у Джо дать мне время на размышление. После двух дней интенсивных размышлений я решил попытать счастья с Ли

Кэртисом, и Джо снова пришел повидаться со мной. Я воспользовался его визитом, чтобы напомнить ему его давешние предсказания:

— Что меня интригует больше всего, так это то, каким образом тебе удалось заранее обо всем проведать. Как ты все разузнал?

Джо признался, что слухи дошли до него по «испорченному телефону»: этим его комментарии и ограничились. Он настаивал на том, что не имеет права разглашать подробности. Однако «испорченный телефон» работал и на меня, и у меня скопилось уже штук двадцать историй, в которых старый друг Джо, Эппи, открывает ему свой секрет. Тем не менее я так и не смог выяснить, правда это или нет.

Мое первое выступление с «Олл-Старз» состоялось в понедельник 10 сентября в танцзале «Мэджестик» в Биркенхеде, где теплый, просто фантастический прием помог мне почувствовать себя снова вставшим на рельсы. На следующий день в Лондоне БИТЛЗ записали «Love Me Do».

Хоть я и начал новую жизнь среди «Олл-Старз», я не мог забыть, что был одним из БИТЛЗ, и мысль о неизвестной мне причине моего изгнания отравляла мое существование, особенно когда я оставался наедине с собой. Так значит, я был «надутым», я «недостаточно улыбался» и, как я узнал позже из автобиографии Эпстайна, я был «слишком необщителен для одного из БИТЛЗ и, хотя очень дружил с Джоном, не был таким же другом для Джорджа и Пола».

Некоторые люди из рок-мира заключили даже, что меня выгнали, потому что я отказался изменить прическу.

После 15 августа 1962 года я ни разу не разговаривал с Джоном, Полом или Джорджем и, следовательно, так никогда и не получил удовлетворительного объяснения. В течение двух лет, проведенных с БИТЛЗ, никто никогда не говорил мне в лицо, что моя игра — не на высоте (она была опробована также и Бертом Кемпфертом), и никто никогда не просил меня присоединиться к «безусловным приверженцам челки». Мы веселились вместе до самого конца, и складывалось впечатление, что мы лучшие на свете друзья.

Моя мать считала до самой смерти, что основной причиной моего изгнания была ревность. Люди, бывало, называли нас «Пит Бест и БИТЛЗ». Если я и был звездой в группе, то такое положение вещей было совершенно случайным и сложилось со временем, но я никогда не домогался такой чести. Этикетка «сурового и загадочного молчуна», приклеенная ко мне Бобом Вулером, так и осталась и стала расхожим штампом, но никогда в жизни я не

считал себя руководителем БИТЛЗ. Каждый из нас вносил свой вклад в нашу общую популярность, и я никогда не занимался дотошным изучением реакции фанатов, чтобы узнать, кто из нас привлекает к себе больше всего внимания.

Может быть, расточавшиеся мне лестные отзывы и вызывали некоторую ревность, но я этого не сознавал. Как-то в январе 1961 года в Институте Эйнтри фаны подарили мне огромного плюшевого медведя. Джону, Полу и Джорджу они ничего не подарили. У меня до сих пор хранится этот подарок, все еще завернутый, как был, в целлофановую упаковку.

Билл Харри в предисловии к своей книге, опубликованной в 1977 году, «Мерси Бит: начало БИТЛЗ», состоящей в основном из подборок статей его газеты, писал, что я был «самым популярным членом БИТЛЗ, особенно у Ливерпульских девушек», но что он с самого начала находил меня немного замкнутым, как и Стьюарта Сатклиффа. Он описал меня как «фигуру загадочную, мистическую и привлекательную, имевшую шанс стать самой популярной из БИТЛЗ».

Тем не менее, на сцене я даже никогда не бывал на переднем плане. И, хотя правда, что Боб Вулер, бывало, упорно выдвигал меня вперед вместе с установкой, однако за каждым из БИТЛЗ было закреплено определенное место на сцене, и мое, так сказать, «физическое преимущество» не слишком кололо глаза остальным. Я думаю, иногда моя популярность казалась большей, но мы были одной командой, очень сплоченной командой, и я не собирался пользоваться никакими привилегиями. Именно Брайан Эпстайн заставил меня «проснуться и петь». «Peppermint Twist» стал обязательной частью программы БИТЛЗ, но, хоть и пользовался большим успехом, не сделал из меня «суперзвезды». Девушки приходили в такой же экстаз, слушая баллады Пола.

Может быть, БИТЛЗ решили между собой, что в данный момент они оказались в моей тени. И то, что «Мерси Бит» вынесла мое имя в заголовок на первой странице, должно было сыграть в этом не последнюю роль. Кроме того, возможно, что, поскольку я играл роль менеджера до появления на сцене Эппи, я привлекал большее внимание деловых людей шоу-бизнеса. Но таковы были обстоятельства, и троим остальным никогда не приходилось жаловаться на то, что они взвалили на меня это ярмо. Такое мое положение совпало по времени с повышением нашей популярности: фаны устраивали нам овацию, проблем же никаких не возникало.

Может быть, мне нужно было остерегаться таких моментов, когда меня осаждала толпа, а трое других оставались не у дел, но, повторяю еще раз, меня это ничуть не заставляло

возгордиться. Только в момент моего изгнания я полностью осознал, насколько велика была моя личная популярность: реакция фанов просто не поддается описанию; только в этот момент я понял, как много преданных фанатов было на моей стороне.

Что же касается критиков, называвших меня «стеснительным», они, вероятно, исходили из того, что я всегда был максимально сконцентрирован на игре и часто наклонял голову, чтобы взглянуть на барабаны. Может быть, из-за этого и Джордж Мартин счел меня угрюмым. Что бы там ни говорили, это не имело со мной ничего общего. Никто бы не назвал «застенчивыми и хмурыми» типов, скачущих козлами по Репербану, ищущих всевозможных ссор, пристающих к женщинам и, мягко говоря, сексуально распущенных.

Как это ни забавно, но примерно год спустя после того как Ринго сменил меня на ударных, Джон Леннон специально побеспокоился, чтобы написать «Послание в Мерсисайд», появившееся в «Мерси Бит» 18 июля 1963 года: «Мне бы хотелось заметить тем, кто говорит, будто Ринго всегда держится на заднем плане, что это делается вовсе без умысла. Пол, Джордж и я сам думаем, что Ринго — просто супер, и стараемся на сцене выдвигать его вперед. Тем не менее, Ринго еще немного застенчив, и требуется некоторое время, чтобы он освоился. За шесть месяцев Ринго успел стать очень важной частью наших спектаклей.»

Вечером 24 ноября 1962 года я снова сидел за ударными в танцзале «Мэджестик» в Биркенхеде. Это был мой двадцать первый день рождения, — Боб Вулер, который, как всегда, вел концерт, объявил об этом обстоятельстве, и фаны рванулись к сцене с подарками в руках. Боб прочитал две поздравительные телеграммы. Первая была от Джо Фланнери с группой.

— Вторая, — сказал Боб публике, — немного необычная: «Поздравляем днем рождения наилучшие пожелания Джон, Пол, Джордж, Ринго и Брайан».

После моего изгнания я виделся с БИТЛЗ, только два или три раза и то совершенно случайно. Мы не подходили друг к другу и не обменялись ни единым словом. Первый случай был на съемках в «Каверне» для ТВ «Гранада» (фильм был показан ITV в 1984 году; в нем слышатся крики фанов: «Мы хотим Пита!»). Второй раз — тоже в «Каверне», когда команда Ли Кэртиса выступала в одной программе с БИТЛЗ. Последний раз это было в «Мэджестик» на концерте, организованном по итогам опроса популярности, устроенного «Мерси Бит», где «Олл-Старз» стояли на втором месте, сразу вслед за БИТЛЗ. И даже на концерте мы

выступали друг за другом. Пока я спускался со сцены, а они поднимались на нее, мы хранили мертвое молчание.

Чтобы продать мою перламутровую установку, я дал объявление в газету, поместив только номер телефона. Когда один молоденький тип пришел бросить на нее взгляд, я старался не поворачивать к нему ту сторону большого барабана, на которой было изображено величественное заходящее солнце, думая, что это его отпугнет.

— Ух-ты! — сказал он в полном восторге, улыбаясь во весь рот, когда я все-таки повернул барабан. — Я ее беру!

Он не торгуясь заплатил 45 фунтов, которые я у него просил, и последнее звено цепи было порвано.

14. Цена боя

У меня было такое впечатление, что я начинаю жизнь с нуля. Я должен был постараться прогнать воспоминания, которые все время всплывали на поверхность, и не думать больше о двух годах моей жизни в БИТЛЗ, а напротив, принять вызов и стать знаменитым вместе с «Олл-Старз» Ли Кэртиса. Еще возможно, думалось мне, встретиться с БИТЛЗ на пути славы.

Выход «Love Me Do» в начале октября не имел мгновенного успеха, который позволил бы моим экс-коллегам быстро достичь известности. Даже если преданные поклонники в Мерсисайде покупали пластинку сотнями, это не могло ей помочь неожиданно очутиться в хит-параде. Диск поднимался, но постепенно; ди-джеи не спешили его рекламировать, и песня скромненько притулилась сначала в «Топ 50», затем — в «Топ-30» и наконец вошла в двадцатку лучших, остановившись на 17-м месте перед самым Рождеством 1962 года. Конечно, это уже был подвиг, попасть в национальный хит-парад с самым первым своим диском, но все же у меня еще оставалось некоторое поле деятельности.

Я освоился у «Олл-Старз» и снова начал играть в старых добрых берлогах, где у меня все еще были свои поклонники. Телефонный звонок от Хорста Фашера опять вернул нас на дорогу, так часто уводившую меня в Гамбург. Мы играли в клубе «Звезда» и имели успех, согревший мое сердце.

Гамбургская атмосфера совершенно не изменилась со времен БИТЛЗ. «Ли Кэртис энд Олл-Старз» были тепло встречены немецкой публикой, а город казался еще более ярмарочным, чем обычно. В этот приезд я виделся с Астрид только один-единственный раз; она не забыла своего счастья со Стью и все еще была очень печальна. Она не придала особого значения моему разрыву с БИТЛЗ и просто спросила меня, виделся ли я с ними. Я ей ответил, что нет, и она сказала мне мягко и с теплотой в голосе:

— Мне очень жаль, что все так случилось.

Моя любовь к Кэти стала еще сильней. В момент моего изгнания она была рядом со мной и помогла мне встретить его лицом к лицу. Она была на Хэйменс Грин вместе с моей семьей и нашими друзьями, когда я вернулся из Гамбурга. Выбрав подходящий момент, я позвал ее в гостиную, чтобы побыть с ней наедине.

— Мне надо тебе кое-что сообщить, — сказал я ей.

Ее лицо омрачилось выражением беспокойства: она боялась

услышать дурные новости, может быть, даже о конце наших с ней отношений. Но я успокоил ее и достал из кармана маленький бархатный футляр; она открыла его и обнаружила два золотых обручальных кольца, которые я купил в Германии, — по кольцу каждому из нас. Я надел одно кольцо на палец Кэти, а другое — на свой.

— Скоро мы поженимся, — объяснил я ей.

Мы переглянулись с улыбкой и поцеловались.

Немного спустя Мо присоединилась к нам, и я ей объявил великую новость.

— Вот-так так! — сказала она Кэти, — какой сюрприз, поздравляю! Он мне ничего не говорил, а ты-то сама знала об этом?

Кэти пришлось признаться, что наша свадьба для нее — тоже настоящий сюрприз.

Мы поженились в августе 1963 года, в то самое время, когда БИТЛЗ уже гремели по всей стране. «Please, Please Me», вышедший в январе, в одни месяц взобрался на первое место хит-парада. Это был их первый альбом. За ним последовала «From Me To You», появившаяся в апреле. Их первая долгоиграющая пластинка держалась в хит-параде альбомов шесть месяцев. В августе, в месяц моей свадьбы, появилась «She Loves You», и их «йе-йе-йе» раздавалось теперь по всему миру. Повсюду были БИТЛЗ.

Тогда же, после бесплодного года, проведенного с Ли Кэртисом и Джо Фланнери, я с ними порвал. Расставшись с «Олл-Старз», Ли подписал контракт на свою сольную запись, идя в кильватере БИТЛЗ и используя повальное увлечение всем происходящим из Ливерпуля.

Джо не пошевелил и пальцем, чтобы помочь моей карьере. Апогей наступил, когда Ли был приглашен на телепередачу с участием нескольких групп все из той же эпстайновской конюшни, старавшихся стать известными. И опять «Олл-Старз» оказались за бортом. Это породило чувство горечи. Путь к славе теперь был отрезан, а время — упущено. Парни пали духом, совсем расстроились. Они попросили меня заняться ими: так возникли «Пит Бест Олл Старз» («Все звезды Пита Беста»).

В группу входили: Тони Уэддингтон и Уэйн Бикертон, писавшие собственные песни; парень по имени Фрэнк Боуэн, не задержавшийся в группе надолго и замененный Томми МакГэрком; и наконец — я сам. Мы превратились сначала в «Пит Бест Фо» («Pete Best Four» — «Квартет Пита Беста»), а потом, после ухода Томми, — в «Пит Бест Комбо» («Pete Best Combo»).

Еще во времена «Пит Бест Олл-Старз» мы пригласили нового менеджера, очень близкого мне человека, а именно — мою мать.

«Касба» закрылась в октябре 1963 года; с тех пор она не переставала работать для меня, но это оказалось очень тяжелым занятием. Мы могли догнать БИТЛЗ только если бы нам крупно повезло, и все же повторить их подвиг казалось почти невозможным.

Мо, женщина увлекающаяся и необыкновенно энергичная, отправилась с нашими записями в Лондон и нашла внимательных слушателей в «Декке» в лице Дика Роу и Майка Смита, которым мы не были совсем незнакомы. В июне 1964 года они выпустили нас под именем «Пит Бест Фо» на «сорокопятке», называвшейся «Я постучусь в твою дверь» («I'm Gonna Knock On Your Door»). А Мо продолжала ради нас стучаться во все двери подряд, бомбардировать прессу информацией и организовывать интервью с журналистами (в «Дейли Миррор» вышла колонка, озаглавленная: «Мама помогает экс-битлу снова попытать счастье»); машина, казалось, опять потихоньку заводится.

По иронии судьбы, выпуск нашей «сорокопятки» совпал с появлением в хит-параде другой песни, в которой я играл на ударных: «Ain't She Sweet», записанной Бертом Кемпфертом в Гамбурге, тремя годами раньше, в которой солировал Джон Леннон. К несчастью «I'm Gonna Knock On Your Door» не поднималась в списках популярности, и по истечении нескольких недель от моего первоначального энтузиазма не осталось почти ничего.

Нам пришлось теперь встретиться лицом к лицу с тем, что я назвал «невидимым щитом» — с чем-то вроде невидимой силы, которая, казалось, говорила: «Границу переходить воспрещается!». Это значило, что БИТЛЗ соткали паутину, которая преградила мне путь к «большой жизни». Этот барьер ощущался очень сильно. Он был неосязаем, но все же давал о себе знать. Он начинался приблизительно в 60 км от Ливерпуля — дистанция, которой ограничивались контракты, заключавшиеся с нами промоутерами. Пытаться пробиться в Лондон было все равно что доставать луну с небес. Затем даже Ливерпуль начал мало-помалу закрываться для нас, потому что «невидимый щит» придвигался все ближе.

Пока я был с БИТЛЗ, я был окружен дружбой и обожанием фанов. Я был «стариной Питом», но чары постепенно рассеялись после моего исключения. Когда же БИТЛЗ добились славы, проявлявшийся к моей персоне интерес и совсем пошел на убыль. Процесс этот был почти не заметен, словно работа воды, точащей камень.

Устроители концертов вычеркивали наши имена из списков исполнителей. И даже «Декка» незадолго до провала нашей

«сорокопятки» убрала подальше все, что мы с ней записывали, — пылиться на полках архивов.

БИТЛЗ и не подумали протянуть нам руку помощи, ограничившись всякими вредоносными сплетнями, которые пресса с превеликим удовольствием печатала, вроде того, что я «…никогда не был одним из БИТЛЗ», «…никогда не улыбался», «…не был общителен, даже выглядел замкнутым». Никто из них не сказал ни единого доброго слова. Журналы в Великобритании и даже за океаном тиражировали безумные истории, в которых я покидал группу по причине болезни, а Ринго был призван исключительно потому, что я был слишком болен, чтобы играть на барабанах.

В 1965 году все эти россказни достигли предела злопамятности. Даже Боб Вулер, на которого когда-то такое впечатление произвел мой «хмурый, суровый, но великолепный» вид, больше не интересовался мной.

Пока БИТЛЗ с налета покоряли мир, взобравшись на вершину всех хит-парадов, моя группа переживала ужасно тяжелый период. Моих доходов едва-едва хватало, чтобы расплатиться с долгами, я урезал до минимума свои карманные деньги и едва наскребал мелочи на пачку сигарет. Мне стало невыносимо принимать факты такими, какими они были, и делать вид, что мне безразлично то, в чем я должен был бы участвовать: успех БИТЛЗ, часть которого, по моему мнению, по праву принадлежала и мне. В момент глубокой депрессии я решил покончить с собой, — секрет, который я никому не раскрывал до сегодняшнего дня.

Мы с Кэти жили отдельной семьей в трех комнатах второго этажа моего дома на Хэйменс Грин, в своего рода квартире, имевшей собственный вход и охранявшей нашу частную жизнь. В тот роковой вечер, когда весь мир, казалось, отвернулся от меня, Кэти отправилась в гости к своей матери.

Я методично подготовил свой уход: запер дверь нашей спальни на ключ и отрезал любой доступ воздуха, засунув под дверь полотенце, затем закрыл окно и положил подушку перед старым газовым радиатором, открыл газ и вытянулся в ожидании конца.

Я был уже почти в коме, когда различил какой-то шум за дверью, но дремота не дала мне понять, что происходит. Полотенца оказалось недостаточно, чтобы заглушить запах газа, просачивавшийся из комнаты, и мой брат Рори почувствовал его на лестнице. Он дернул за ручку двери, но когда до него вполне дошло, что запах идет изнутри, он вышиб дверь ударами ноги, и, схватившись за горло от газовой вони, выволок меня наружу и

распахнул все окна.

Он позвал Мо, и вдвоем они старались вернуть меня к жизни в течение нескольких часов. Они без конца делали мне искусственное дыхание, останавливаясь только затем, чтобы влить мне в рот чашку крепкого кофе, и непрерывно шептали мне на ухо слова ободрения до тех пор, пока я наконец не пришел в сознание.

Но как только им удалось исправить положение, их обращение со мной резко переменилось. Рори поносил меня. Мать была очень испугана моей попыткой самоубийства, но теперь она была рассержена на меня и говорила, что я — полный кретин, если позволил себе так разнюниться из-за успеха БИТЛЗ. Она сказала мне, что это — трусость, уходить подобным образом.

Я чувствовал, как меня охватывает стыд. Я позволил себе уйти и бросить на произвол судьбы семью. Мо, не удовлетворившись простым внушением, угрожала все рассказать Кэти, как только она вернется.

— Нет, — настойчиво твердил я, — такую вещь я сам должен ей сказать.

На следующий день я признался ей во всем; моя жена была потрясена и расстроена этой новостью.

— После всего, что мы пережили вместе, — сказала она, — мы должны поддерживать друг друга.

Я пообещал ей никогда больше не повторять таких попыток. Но, кроме того, я пообещал то же самое самому себе. Когда я окончательно поправился, то решил вернуться к своей работе и еще один раз попытать счастье в шоубизнесе.

«Пит Бест Фо» снова отправились в дорогу и снова натолкнулись на тот же «невидимый щит», преграждавший путь к успеху. В те времена сцены заполонили группы, пытавшиеся достичь вершин на манер БИТЛЗ; большинство из них кануло в Лету.

В 1965 году двери неожиданно распахнулись перед нами: мы отправились в турне по Северной Америке; большая часть концертов прошла в Канаде. Это турне должно было послужить распространению альбома, который мы записали в Нью-Йорке на независимой студии звукозаписи «Мр. Маэстро», возглавлявшейся американским диско-продюсером по имени Дэйв Рольник. Во время турне Томми МакГэрк нас покинул, и мы пригласили двух саксофонистов, превратившись в «Пит Бест Комбо».

Мы были в восторге от всех этих, так кстати пришедшихся, новостей. Это был мой шанс. Это был выбор: «со щитом или на щите». Представлялась такая прекрасная возможность сломать невидимый барьер.

Это турне не было отмечено ни одним журналом мира, ни даже Северной Америки: БИТЛЗ и «Роллинг Стоунз» просто не оставляли в них места; тем не менее, мы отправились к американцам с легким сердцем, и кровь снова закипела в наших жилах, как в старые добрые времена.

Мы записали дюжину песен для альбома, изданного «Мр. Маестро», который назывался броско: «Best of The Beatles» («Бест из БИТЛЗ», или «Лучший из БИТЛЗ»). Альбом включал шесть стандартов и шесть оригинальных песен «Комбо», написанных Тони Уэддингтоном и Уэйном Бикертоном, вышедших на «сорокопятках».

В течение всего турне нас великолепно принимали, и на каждом концерте мы выступали при полном зале. Теплота оказанного нам приема глубоко тронула меня. Мы снова слышали крики наших почитателей, пронзительные вопли девочек; снова возникала толкотня и давка в очереди за нашими автографами.

Но первые недели турне пролетели, а диск «Пит Бест Комбо» так и не появился в североамериканских хит-парадах. И все же в сентябре я стал сенсацией, когда газеты объявили читателям, что я собираюсь подать в суд на Брайана Эпстайна и БИТЛЗ за невыполнение контракта, а на Ринго Старра — за клевету.

Процесс по делу о невыполнении контракта я начал еще в 1963 году, по совету одного ливерпульского адвоката, выступавшего на нем от моего имени. Он все еще продолжался, когда нас пригласили в турне по Америке. Тем не менее в феврале 1965 года в одном ошарашивающем интервью БИТЛЗ «Плэйбою», знаменитому американскому журналу для мужчин, Джон Леннон объявил: «…Ринго заменял иногда нашего прежнего барабанщика, когда тот заболевал. У того была болезнь, которая его периодически валила с ног.» А Ринго даже переплюнул его: «Он принимал пилюльки, — из-за них и болел». Он пытался ясно дать понять, что я был наркоманом. Эту ложь перепечатали другие издания и фан-журналы.

Естественно, я был поражен и уязвлен нападками со стороны Ринго. Я знал его так давно, еще со времен нашего дебюта в «Касбе», а во время первой гамбургской поездки мы еще больше сблизились, и я считал его добрым приятелем в те времена, когда мы с ним встречались в «Каверне», пока он играл с Рори Стормом. Мы болтали о наших «барабанных» делах, вместе пили, и я не видел никаких причин сомневаться в его дружбе. И вот я увидел его предательство, черным по белому отпечатанным на страницах журнала.

По совету моего английского адвоката, я нанял двух американских поверенных, чтобы представлять мои интересы во

время турне по Соединенным Штатам. Мы все еще были там, когда новости о процессе были опубликованы в прессе. Некоторые американские журналы, также как и лондонская «Дейли Миррор», рассказывали о том, что я требую уплаты более чем 15 миллионов фунтов от БИТЛЗ «и от других лиц», возбудив два разных процесса и прибегая к различным уловкам. Однако все дело было в умышленном преувеличении со стороны Дэйва Рольника, с целью устроить нам что-то вроде паблисити во время нашего турне.

Административные разбирательства длились около четырех лет, как по эту, так и по ту сторону Атлантики. Наконец два процесса были сведены к одному, разрешившемуся полюбовно, и убытки с прибылями в результате оказались совершенно незначительными.

Кстати, пришлось вспомнить о том, что Брайан Эпстайн забыл подписать первоначальный контракт.

Но деньги мало значили для меня во всем этом деле. Я гораздо в большей степени был задет личными нападками, ставившими под сомнение мой физический и моральный облик; к моему большому удовлетворению, последний остался незапятнанным в глазах всего мира. И все же не так-то просто отмыться от подобных обвинений. Как ни досадно, такого рода репутация приклеивается к вам навсегда.

Северо-американское турне «Пит Бест Комбо» длилось шесть месяцев и закончилось только из-за драконовского регламента, составленного по договоренности между «Союзом английских музыкантов» и американскими синдикатами. В этом соглашении было предусмотрено, что число британских музыкантов, работающих в Соединенных Штатах, должно быть пропорциональным количеству американских артистов, выступающих в Великобритании. Лично у меня была возможность остаться, но остальные должны были уехать. Я не мог их бросить, к тому же весь наш багаж был отправлен в Ливерпуль.

По возвращении возобновилась старая обычная рутина; мы были всего лишь одной из групп среди дюжины других, и шансов выиграть гонку оставалось все меньше. Наконец нам пришлось взглянуть правде в глаза и принять тот факт, что у нашей группы нет будущего. Двое из нас ушли и женились, и мы решили все прекратить. Еще одна страница была перевернута.

В 1968 году я распрощался с шоу-бизнесом, поскольку, имея жену и двоих дочерей, я оказался на жизненном перепутье. Такое решение мне было очень трудно принять, и, прежде чем решиться на это мне пришлось провести в сомнениях множество бессонных ночей. Мои финансовые обстоятельства складывались

неблестяще, и я впервые вынужден был искать работу, не позволявшую мне по-прежнему играть на ударных. В то время можно было найти работу, но каждый раз как я рассказывал какому-нибудь случайному нанимателю о том, что до сих пор не работал нигде, кроме шоу-бизнеса, он всегда выказывал признаки глубокого сомнения, подозревая, что я ищу лишь временную работу в ожидании более соблазнительного предложения, которое позволило бы мне снова вернуться к огням рампы. Мне приходилось доказывать людям, что я могу работать постоянно и направлять свою энергию только на работу.

Я устроился простым рабочим в булочную, работавшую круглосуточно; я нарезал хлеб, постоянно страдая от того, что называется «болезнью булочника»: издержки профессии, когда постоянно рискуешь обрубить себе пальцы хлеборезкой. То время, когда я был одним из БИТЛЗ, казалось теперь далекой мечтой, а вокруг была реальная жизнь. Я отработал испытательный срок подмастерьем у булочника до 1969 года, когда администрация бросила мне спасательный круг в виде приглашения на работу в Национальную службу занятости. Я не раздумывая ухватился за это предложение.

С тех пор я работаю служащим и совершил лишь несколько небольших вылазок в мир шоу-бизнеса. Первая из них, в 1978 году, была очень короткой. Дик Кларк, продюсер американской телепрограммы представитель поп-музыкального мира, пригласил меня в Лос-Анджелес для записи ностальгической передачи вместе с другими ветеранами роксцены. Во время этой моей поездки, — вот так сюрприз! — зазвонил телефон, и я услышал на другом конце провода говорящий со мной голос из прошлого. Это был Тони Шеридан, обосновавшийся в долине Сан-Фернандо. Мы оживили чудесные воспоминания о старом добром времечке, особенно об эпическом двухчасовом сражении между нами в Гамбурге в начале шестидесятых.

В 1979 году Дик Кларк спродюсировал любопытный фильм, называвшийся «The Birth of The Beatles» («Рождение БИТЛЗ»), на главные роли в котором были подобраны двойники. Он попросил меня быть техническим консультантом, и как только дирекция предоставила мне отпуск, я снова отправился в Соединенные Штаты, для участия в постановке фильма. Муссировался даже вопрос о том, чтобы мне остаться там работать насовсем, но необходимая виза так и не была мне предоставлена, так что я опять оказался служащим и вполне этим доволен.

Затем я еще два раза пересекал Атлантику и участвовал в передачах в духе «мнение эксперта».

Я владею домом в Вест Дерби, недалеко от дома моей

матери, в котором когда-то находилась «Касба», давным-давно исчезнувшая. В течение нескольких лет две мои дочери, Беба и Бонита, теперь уже молодые девушки, не знали о том, что я был когда-то одним из БИТЛЗ. В любом случае это ничего не значило для них в раннем детстве, и они узнали об этом гораздо позже, в школе, когда другие дети начали спрашивать у них, правда ли, что их папа — Пит Бест, битл.

Мне пришлось им во всем признаться. Эта история стала частью моей внутренней жизни, моим тайным садом, куда я уходил, оставаясь наедине с самим собой, и воспоминания уносили меня к тем временам, когда БИТЛЗ были только на пороге славы.

Все эти воспоминания, хорошие и плохие, связанные с БИТЛЗ, вновь нахлынули тем декабрьским утром 80-го года, когда информационные службы новостей по радио объявили об убийстве Джона Леннона. Я был потрясен и глубоко опечален. Ведь это была смерть Джона, бывшего когда-то моим другом. Я вспоминал каким он бывал порой сердечным, теплым и нежным, а потом неожиданно без всякого перехода вдруг становился настоящим негодяем. Я вспоминал, как он внезапно замыкался в себе. Он очень мало говорил о своей семье, хотя часто жаловался на то, что его тетя Мими вечно делала ему выговоры и без конца ругала его за его одежду и вообще за все его поведение. Но он никогда не откровенничал насчет своего отца, которого не видел с раннего детства, или матери, погибшей в автомобильной катастрофе в 1958 году.

Я встречался с тетей Мими всего два раза; никто из нас, кажется, не вызывал в ней восторга. Однажды по дороге на концерт мы заскочили к ней, чтобы забрать гитару.

— Сейчас ты увидишься с Мими, — предупредил он меня, — она очень чопорна. Отвечай только «да» или «нет», говори о дожде или о хорошей погоде, о'кей? Ни шагу дальше. Она вечно сыплет замечаниями, вроде: «Полюбуйся, на кого ты похож! Длиннющие волосы! Ковбойские сапоги!»

Я поверил ему на слово.

В день его смерти я поймал себя на том, что тихонько улыбаюсь, вспоминая его любимую шутку: притворившись слепым, он переходил улицу на красный свет, прямо посреди пробки где-нибудь в центре Ливерпуля. Другие БИТЛЗ или даже полисмен, если таковой находился поблизости, останавливали вереницу машин и автобусов, и Джон наощупь переходил улицу до середины. Там он вдруг показывал язык, подмигивал водителям или копу и бросался со всех ног наутек.

Я прекрасно помнил и Джона Леннона «под мухой»: он мог

быть бесконечно забавным, а мог быть чудовищно злобным, вопя на всех, кто был в пределах его досигаемости, и первыми его жертвами, конечно, становились фаны. Он их обзывал «горбунами Квазимодо», «тяжелыми хрониками» или даже «сволочами четырехглазыми».[30] На следующий день с утра пораньше он протирал глаза и недоверчиво спрашивал:

— О боже! Неужели я это действительно говорил?

Но он отнюдь не терзался угрызениями совести.

Однажды кто-то из фанов вздумал сунуть нос в нашу артистическую в «Каверне», расплывшись от уха до уха широкой дружеской улыбкой, но Джон его встретил диким приступом гнева:

— А ну, проваливай! Убирайся, пока я тебе не дал под зад!

Его мишенью всегда становился один преданный фан из «Каверны» по прозвищу Берни, который был готов делать для нас что угодно, настоящий раб, всегда бегавший туда-сюда с нашими поручениями и даже охотно таскавший нашу аппаратуру. День за днем Джон изводил его, а тот вечно возвращался за добавкой. Часто Леннон беспардонно отправлял его в наш любимый паб «Грейпс», — удостовериться, что наше пиво будет готово к нашему приходу, а как только стаканы осушались, Джон звал Берни, чтобы тот их снова наполнил.

Вспоминаю еще, что с самого начала Джон был твердо уверен в успехе, — необходимость идти по головам других людей мало его волновала.

— В один прекрасный день, так или иначе, — повторял он, — но наша пластинка попадет в хит-парад. Даже если нужно будет пресмыкаться перед людьми или стать педиком, это необходимо будет сделать, чтобы чего-то достичь. И не важно, что придется сделать для того, чтобы достичь вершины. Это может причинить боль, но как только я окажусь в верху афиши, это будет уже совсем другая история.

Да, он так и говорил: «я», а не «мы». И это был истинный Джон Леннон, — блестящий, забавный, но бессовестный.

Все это время вторая родина Джона Леннона, Соединенные Штаты, не давала мне покоя. Дезинформация и клевета продолжается, и потоки грязных историй находят дорогу в прессу, особенно американскую. Согласно одной из таких статей, недавно появившейся в печати, я был приговорен к пяти годам заключения в американской тюрьме «за употребление героина». Еще объявляли о моей смерти и о том, что я был чудовищно изуродован в дорожной катастрофе, но ведь такие новости нужны всем и каждому, и мне кажется, газетчики сенсации ради еще и не такую чушь выдумают.

Паломники из фан-клубов БИТЛЗ приезжающие со всех концов света, и особенно из Америки и Японии, всегда разыскивают Хэйменс Грин в надежде увидеть «Касбу». Моя мать очень часто говорила с ними, и самым распространенным их вопросом был: «Жалеет ли Пит до сих пор о том, что произошло?».

Она отвечала им, что мое изгнание причинило мне очень сильную боль в тот момент, когда оно произошло, и добавляла:

— Это — как рана, как шрам, рубец ведь навсегда остается…

Я думаю, мне к этому нечего добавить.

15. Путешествие среди теней

До самой своей смерти моя мать использовала подвал, в котором когда-то была «Касба», как склад, а мой младший брат Роуг играл в группе под названием «Уотт Фо» («Watt Four»), пока не стал одним из членов моей собственной группы «Пит Бест Бэнд» («The Pete Best Band»). В настоящий момент мы записываем вместе новый альбом. Но Роуг все еще поигрывает на ударных в бывшей «Касбе», служившей когда-то погребом.

На стене над камином поместился бессмертный свидетель великой эпохи: экземпляр одной из самых первых афиш, которую я набросал серебряной краской по черному фону. Подлинник афиши был сделан Майком МакКартни, братом Пола. Она изображает силуэт этакого свингующего гитариста. Этот гитарист — не кто иной, как Джордж Харрисон в характерной для него позе и со всклокоченными волосами.

Иногда я навещаю старый дом и позволяю своей душе плыть к тем берегам. Даже когда я еще только сворачиваю в аллею, ведущую к дому № 8 по Хэйменс Грин, у меня возникает впечатление, что все вернулось на свои места, и я снова слышу смех и ритм старого доброго времени.

В подвале каждый уголок оживляет воспоминание; я снова вижу лица музыкантов клуба, слышу звон монет в кассе.

Я вновь вспоминаю, как еще в школьные годы торопился вовремя закончить уроки, чтобы успеть загрузить в бар бутылки кока-колы и приготовиться к 19–30, к тому восхитительному моменту, когда первая пластинка ставилась на музыкальный автомат, давая сигнал к открытию «Касбы». Я снова вижу своего брата Рори, которому тогда было лет четырнадцать, старающегося перед зеркалом прилизать волосы и придать себе более пижонский вид, прежде чем поместиться за стойкой в кафетерии. Потом вспоминаю, как толпа протискивалась сквозь вход, чуть только открывались двери.

Как много всего произошло в подвале моего дома. Я думаю о тех отчаянных усилиях, которые были приложены, чтобы построить «Касбу», и бросаю быстрый взгляд на черный потолок, где таятся толстые карикатурные человечки Джона Леннона.

Мне чудится стрекот подъезжающих мотоциклов, я вновь вижу выстроившихся в очередь перед входом девочек и парней, направляющихся в 10 часов прямиком в паб и проходящих контроль Фрэнка Гарнера, — у того был золотой характер и черный пояс дзюдоиста; может быть, он плохо кончил каким-нибудь «скузером» неизвестно где.

Когда я в «Касбе» один, я иногда сажусь за ударную установку Роуга и закрываю глаза, чтобы снова уловить ту атмосферу.

Ушедшие друзья прошлого навсегда остались в моих воспоминаниях: Стью Сатклифф, Леннон, Эппи (умерший в тридцать два года в Лондоне в 1967 году от «передозировки» снотворного, как гласит официальное заключение). И Рори Сторм, умерший пять лет спустя вместе с матерью и тоже от передозировки, казавшейся двойным самоубийством, в своем ливерпульском доме.

Я кладу палочки на место, и музыка, смех, воспоминания скрываются в тумане. Между тем, не так уж много времени потребовалось бы на то, чтобы почистить «Касбу», которую мы когда-нибудь вновь откроем, и она вспомнит свою былую славу.

Но прошлое никогда уже не повторится.

Благодарность

Мне хотелось бы выразить здесь всю мою признательность и глубокую благодарность, особенно моей матери, Мо, за ее участие в беседах и охотное предоставление своих фотографий и личных воспоминаний. Моим двум братьям, Рори и Роугу, моей супруге и моим дочерям, Кэти, Бебе и Боните, за то, что они также с готовностью предоставили свои коллекции фотографий. Мне хотелось бы, чтобы они нашли здесь выражение моей глубокой признательности.

Выражаю свою благодарность Биллу Харри за его газету «Мерси Бит», Бобу Вулеру за его статьи в этой газете и в еженедельнике «Нью Мюзикл Экспресс». Мне хотелось бы также перечислить издания, которые мне помогли и стали ценными источниками информации, благодаря их исследованиям и архивам: «Подвал, полный шума» Брайана Эпстайна, «БИТЛЗ» Хантера Дэвиса, «Дэйли Миррор» и журнал «Плэйбой».

Фотографии в этой книге взяты главным образом из моей собственной коллекции и из коллекции моей семьи. Особо хочу поблагодарить Дика Мэтьюса, Джима Хьюса из фан-клуба «Кэверн Мекка», Маргарет Робертс из студии Питера Кэя, Элберта Марриона и Фила Робертса за их драгоценную помощь в поисках дополнительных снимков.

Мне хотелось бы также выразить свою признательность Дэвиду Гроссману из литературного агентства Дэвида Гроссмана и, конечно, Патрику Донкастеру за его терпение и помощь.

Если я кого-нибудь забыл, то приношу извинения этим людям.

Наконец, я хочу выразить благодарность всей команде издательства «Плексус», в особенности Сандре Уэйк и Терри Портеру, Ники Адамсону и Лайзе Харди.

notes

Примечания

1

«Мо» вместо «ма», что является обычным сокращением от «mother». — *здесь и далее прим. пер.*

2

В марте 1957 года.

3

12 августа 1960 года.

4

Дата первого ангажемента БИТЛЗ в клуб «Индра» приходится на 17 августа. Пит вспоминает об одном дне остановки по пути в Гамбург. Считая время пути, можно сделать заключение, что они покинули Ливерпуль 14 августа.

5

Народная песня ливерпульского происхождения, повествующая о шлюхе, посещаемой моряками.

6

«Скузер» — фамильярное прозвище жителей Ливерпуля, происходящее от одного ирландского блюда, жаркого из мяса, картофеля и других овощей, завезенного в Германию.

7

В Соединенном Королевстве никакие бумаги, удостоверяющие личность, не являются обязательными.

8

«Seamen's Mission» была организацией, созданной на добровольных началах, чтобы предоставить прибывающим морякам крышу, еду и постель.

9

«Бродяги».

10

«Top Ten» — «Лучшая десятка».

11

Вокзал в Ливерпуле.

12

Квартал Ливерпуля, примыкающий к докам.

13

«Shadows» — «Тени» — аккомпаниаторы Клиффа Ричарда.

14

Мэрия одного из пригородов Ливерпуля.

«Caverne» — «Пещера».

16

«Grapes» — «Виноград».

17

Ирландская поп-певица.

18

Нейл Эспинол и сейчас возглавляет «Эппл».

19

09.11.61.

20

«Antwacky»: «ant» — от «antique», что значит «древний, старомодный»; «wacker» — жаргонное прозвище жителя Ливерпуля.

21

В 1969 году (22.04.69).

22

Игра слов: «брендимэн» вместо «хэндимэн» — мастер на все руки, ловкач.

23

Прощание с уходящим годом; написана Робертом Бернсом и переводится с кельтского как «С давних пор».

24

Третьей композицией Леннона — МакКартни была «Hello Little Girl».

25

3a 1.10.

26

Джим Фой.

27

Авангардистская английская комик-группа, специализировавшаяся на сатире, давшая начальный толчок карьере Питера Селлерса, бывшего ее членом.

28

Колыбель лондонской музыкальной комедии.

29

Клуб.

30

Имелись в виду те, кто носил очки.